

Глава первая. Неправильная сказка

Вчера моя жизнь казалась расписанной на года вперед. Сегодня я впервые лицом к лицу столкнулась с неизвестностью. Страхом. Смертью, терпеливо ждущей за порогом. Но... не меня.

Вчера я была подругой симпатичного парня-заводилы, душой компании и будущей стипендианткой одного из лучших вузов в стране. Сегодня я стала сестрой девочки, которая умирает.

Соня с детства была болезненным, слабым ребенком. Последний год она постоянно болела. Мы оставляли ее дома с Анной, пичкали препаратами и витаминами, думая, что во всем виноват плохой иммунитет. Но очередной грипп слишком затянулся – болезнь будто не хотела отпускать сестру. Переполошившийся дедушка заставил маму отвезти Соню в больницу. Анализы, странное лицо врача, больше похожее на застывшую маску. И вот он, приговор.

Лейкемия.

Когда мне было шесть, я чуть не утонула. Соседский пацан – до сих пор его ненавижу – отобрал у меня спасательный круг в форме уточки, в котором я весело барахталась в речке. А мама с отцом были слишком заняты очередной затянувшейся ссорой, чтобы это заметить. Я беспомощно молотила руками по воде, крикнула, пытаюсь позвать на помощь, захлебнулась и пошла ко дну. Вода была всюду. Она была внутри меня, она была снаружи – окружила плотным коконом, давила сверху тысячетонной плитой. Тогда я выжила, но теперь...

Я снова тонула. Снова испытала то, что чувствовала тогда. Беспомощность и разрывающий душу страх. Снова видела зависшую над головой темную бездну, слушая не диагноз – приговор.

Лейкемия. Слово, окрашенное в ярко-алый. С острыми гранями, с привкусом страха и безысходности, колкое и ледяное.

Эгоистично говорить, что моя жизнь перевернулась. Что же тогда сказать о Соне, которая была в центре этого торнадо? Но так и было. Я словно ненароком забрела на съемочную площадку – таким нереальным казалось все происходящее. Все вдруг так изменилось... Не только в наших мыслях, нашем мироощущении. Но и в нашем доме тоже. Мама возила сестру по бесконечным обследованиям, отыскивая лучших врачей, потому что отчего-то не доверяла городской больнице. Потом, когда диагноз подтвердился, она наконец оставила Соню в покое родного дома, а сама с головой окунулась в работу – нам нужны были деньги. Зато дедушка переехал жить к нам, с сожалением променяв уютный домик в пригороде на пафосный двухэтажный особняк, в котором он всегда чувствовал себя как в «элегантной каменно-стеклянной клетке».

И все это время я исправно ходила на учебу, встречалась с друзьями – продолжала жить, ведь и Соня не умирала, но... все было как в тумане.

А потом Соне стало хуже. Первый обморок. Первая химиотерапия. Лучшая клиника, которую мы могли себе позволить. И разговор с дедушкой, который – кто бы знал тогда – стал началом еще больших перемен. Началом потерянной дружбы между двумя сестрами – Софией и Дианой.

- Ты приходишь к сестре со мной и мамой, но никогда не остаешься с ней наедине.

В голосе дедушки я услышала мягкий упрек. Мы находились на кухне, я помогала ему готовить ужин: по последней традиции, самые свежие овощи, мясо из эко-магазинов на пару и салат из кальмаров, который я за столом усиленно игнорировала. В тот страшный день, когда мы вернулись от врача, мертвенно-бледная мама достала из шкафчика мусорный пакет и свалила в него все, что не попадало под определение «здорового питания»: кетчуп, майонез, магазинные соусы, чипсы, печенье и прочее, прочее, прочее. Помню, я буркнула что-то вроде «могла бы и мне отдать, я бы все съела», за что мама наградила меня таким взглядом, от которого мне захотелось провалиться сквозь землю.

С тех пор мы питались правильно, что означало «пресно и ужасно однообразно». Не знаю, были ли эти нововведения результатом каких-нибудь исследований, о которых прочитала мама, или рекомендаций врача, был ли во всем этом вообще какой-то смысл... Как бы то ни было, мне пришлось полюбить фасоль и брокколи. Правда, никто не говорил, что в школе и после нее я не могу позволить себе есть то, что захочу. В конце концов, не я же болею.

Вообще, мама вкусно готовила – научилась этому, когда работал отец, а она сидела с нами, но сейчас ей было не до кулинарных изысков. В последнее время она почти не бывала дома – выбивалась из сил, пытаюсь заработать деньги на лечение Сони.

- Дедушка, я просто не знаю... - Я крепко зажмурилась. Выдохнула. - Я не знаю, о чем с ней говорить. Я никогда не умела ободрять, и...

- Диана, Софья сильная девочка, очень стойкая. Ей не нужны ободрения - и, я надеюсь, не потребуются. Ей нужно тепло близкого человека, тепло общения.

- В этом-то, деда, и проблема. - Я воткнула нож в скользкого кальмара. Брр... Гадость. Но Соня уплетала его за обе щеки. - Мы давно уже чужие друг другу. Знаю, это, наверное, моя вина, но... Я просто не знаю, что ей сказать.

Он повернулся ко мне - лучистые глаза и лучики-морщинки, въевшиеся в кожу, седые волосы, в которых не осталось ни намека на черноту. И улыбка - та самая, теплая, согревающая. Он умел согревать. Я... не умела.

- Не отдаляйся от нее. Это ведь очень легко - достаточно просто быть рядом. А нужные слова однажды придут сами.

Я выдавила улыбку.

- Обещаешь?

- Обещаю.

- Все так изменилось, - с тоской сказала я.

- Нет ничего более постоянного, чем перемены, Диана, - мягко сказал дедушка. - Они неизбежны. Но мы справимся с этим... все четверо. Мы обязательно справимся.

Я шла в комнату сестры. Ощущение - будто готовилась перейти минное поле. Соня лежала в кровати, укрытая одеялом

до подбородка – она любила тепло. Сегодня она почти не вставала – после «химии» ей всегда было плохо.

Это так... странно. Смотреть на нее – родную сестру, и не знать... кто она? Чем увлекается? Что любит? Что ненавидит?

До ее болезни у нас даже ужинов совместных не было – мама постоянно на работе, я у друзей или у Артема. Помню, когда в гости приходил дедушка, Соня болтала без умолку. Дед шутливо называл ее фонтанчиком, который нельзя заткнуть. Болтовня младшей сестры ужасно меня раздражала: мне хотелось похвастаться перед дедушкой сданными на отлично контрольными, лучшей в классе лабораторной работой, Артемом, наконец. А Соня все говорила, и говорила, и говорила – о какой-то ничего не значащей ерунде, в которую я даже вслушиваться не собиралась. И я все ждала – ну когда же она наконец замолкнет?!

Господи, как же стыдно...

И вот сейчас она лежит, до подбородка укрытая одеялом, а я не знаю, что ей сказать.

– Привет. – Кажется, это самое глупое, что можно сказать сестре в десятом часу ночи.

Соня пожала плечами под одеялом.

– Привет.

Круг замкнулся. Вторая попытка:

– Как себя чувствуешь?

Одеяло завозилось снова.

- Получше.

По-прежнему стоя в дверях, словно оставляя за собой право в любой момент дать деру, я покусала губу.

- Может, хочешь мультики посмотреть?

- Мультики, - пренебрежительно фыркнула Соня. - Мне что, по-твоему, пять?

Я снова вздохнула, признавая поражение. Я плохо помню свои двенадцать, но знаю, что была энергичным и активным ребенком. Деда называл меня «шило в попе». Я не любила сидеть на месте и ходила на все кружки, на которые меня принимали. Даже на гитаре играть училась. Потом все это куда-то ушло... Наверное, это случилось, когда я открыла для себя посиделки в кафе с подругами, где за чашкой ароматного кофе и беседой так легко было почувствовать себя важной и взрослой. Потом были ночевки у подруг, с мороженым и сплетнями, позже - походы в горы. Когда в моей жизни появились мальчики и школьные вечеринки, «глупые кружки» тут же отошли на второй план. Гитару я забросила, о чем до сих пор жалею.

Когда я стала старше, пропасть между мной и Соней лишь возросла. Меня злило ее вечное желание сидеть взаперти. Раздражала ее замкнутость, апатичность. Я пыталась вытащить сестру погулять, но дома ей нравилось больше. Дикая природа пугала Соню, и первый же совместный поход с ночевкой обернулся кошмаром. После этого я бросила все попытки ее растормошить. Все попытки вернуться к той близости, что когда-то была между нами. Больше не было «нас» - «Соня и Ди» остались в прошлом. Время заменило «и» на безликую точку.

Поэтому я понятия не имела, чем занимается двенадцатилетний ребенок, который безвылазно сидит дома.

Присаживаясь на край постели, я с тоской и какой-то едкой горечью заметила проплешину на голове Сони. «До» у нее были чудесные густые волосы, наш своеобразный подарок от отца. Ее – темно-русые, не мышинового, глубокого оттенка. Свои я красила в модное сейчас «омбре» – корни оставляла темными, потом шел плавный переход к русому, который заканчивался блондинистыми кончиками.

«После» волосы Сони сильно поредели и начали выпадать. В те редкие моменты, когда кто-то из нас с дедушкой заставал маму, мы пытались намекнуть ей, что уже пора. Волосы все равно отрастут. Глупо сохранять видимость прежней густой копны, если от нее уже ничего почти не осталось. Но мама и слышать не желала о том, чтобы побрить Соню. Как будто, если она это сделает, то признает, что ее дочь тяжело больна.

– Чем ты тогда хочешь заняться? – поинтересовалась я.

Боже мой, какая же Соня бледная...

Странно, что я никогда не замечала, какие голубые – бирюзовые, яркие-яркие, у нее глаза. Может, бледность кожи позволила это понять. Мои глаза были куда тусклее, скучного серо-голубого оттенка, который есть у каждого третьего.

На губах сестры появилась лукавая улыбка.

– Что? Говори, что задумала. – Я поерзала на кровати.

– Помнишь, как в детстве ты читала мне сказки? Которые сама сочинила?

Я рассмеялась. Надо же, и правда. А я уже почти забыла.

Знаю, что чтение сказок на ночь – прерогатива матерей. Но наша мама... Когда нас бросил отец, она осталась одна с двумя дочерьми – четырехлетней и девятилетней. Всем нам тогда пришлось... несладко. Мама была вынуждена на последнюю деньги нанять няню, а самой идти работать по профессии, в которой она успела разочароваться. Из дня в день слушать жалобы на жизнь от жен, которым изменял муж, мужей, которым опротивели их жены, матерей, чьи дочери устраивали бунт, и дочерей, которым осточертели собственные родители и весь окружающий мир. Впрочем, мама – женщина удивительной силы воли, с «бульдожьей хваткой», как говаривал отец.

«Если ваша мама, девочки, чего-то захочет, она это заполучит. Пусть даже весь остальной мир превратится в руины». Когда отец говорил так, я не могла понять – одобряет он ее или осуждает.

Как бы то ни было, мама сумела стать одним из лучших психотерапевтов в городе и вскоре брала за консультацию такие деньги, которые прежде нам и не снились.

Мне было девять, когда она почти перестала проводить с нами время. Мы виделись только по утрам, а возвращалась мама поздно ночью, когда мы уже спали. Наша няня Анна была чудесной девушкой, но вот сказки ни сочинять, ни читать не умела. У нее был слишком серьезный, монотонный голос, и она совершенно не умела читать по ролям, наделяя каждого персонажа запоминающимся голосом. То ли дело я. Я басом читала за грозного медведя, чем веселила Сою до колик. Принцесс я изображала очень тоненькими капризными

голосками – я искренне считала, что именно такими и должны быть принцессы.

Мама любила серьезные информативные фильмы – или наискучнейшие лекции по психологии, или биографии великих людей, или историческое кино. А вот Анна просто с ума сходила от мелодрам. Когда она сидела с нами, телевизор не замолкал, и от накаченных красавцев с соблазнительными баритонами у меня уже в глазах рябило. Именно у них я позаимствовала бархатный голос, которым говорили все принцы – ну или безродные хорошие парни, которые спасали девушек и мир заодно.

Однако в какой-то момент мне, вольной душе, стало скучно в рамках уже набивших оскомину сказок, и я принялась... творить. Бедная Анна, ей пришлось стать моим «консультантом» – слово «редактор» я узнала намного позже. Я писала истории, а Анне приходилось их править. Но так как особого энтузиазма у нее я не наблюдала (не до детских сказок, когда на экране очередной мачо признается в любви очередной серой мышке), то пришлось самой учиться красиво складывать слова в предложения. К тому же Соня была рада любой истории из моих уст – даже самой нескладной.

Господи, мы ведь и впрямь были очень близки. Когда-то.

– Ди, ты что, плачешь?

– Что? Нет, что за глупости! – Я быстро поморгала. – Взрослые девочки не плачут.

Соня фыркнула.

– Тоже мне взрослая. Взрослая – это Анна.

- Эй, у меня, на минуточку, парень есть! - возмутилась я. - А у маленьких девочек парней не бывает.

- То есть если у меня появится парень, я сразу стану взрослой? - заинтересовалась Соня.

Так. Разговор, кажется, повернул не в то русло. Все-таки не хватало мне маминых знаний. И вообще, если ее двенадцатилетняя дочка из-за необдуманных слов дочки семнадцатилетней вздумает завести себе парня, мама меня убьет.

- Никаких парней, - строго сказала я.

- Почему? - озадачилась Соня. - Ты же сама сказала... И вообще, я болею.

- Эй, не смей спекулировать! - Я легонько щелкнула хитрюгу по носу.

- Чего?

Я вздохнула.

- Ничего. Рано тебе парня. Давай лучше о сказках поговорим. А почему ты вообще про это вспомнила?

Соня застенчиво на меня взглянула.

- Я просто тут подумала... Может, ты напишешь для меня сказку?

- Ты уже взрослая для сказок, - нахмурилась я.

- Никогда нельзя стать взрослым для сказок, - рассудительно сказала Соня. - Это как шоколад. Или мороженное. Или Новый год.

- Ага. То есть ты хочешь от меня новую историю?

И без того большие глаза распахнулись от восторга. Сестра закивала.

- Ладно, - протянула я, подавив вздох. Сама напросилась. - Будет тебе сказка.

Соня захлопала в ладоши, от радости едва не подскакивая на кровати.

- А теперь... отдыхай.

Вернувшись в комнату, я бухнулась на кровать с чистой тетрадкой и карандашом. Озадаченно погрызла его, лежа на животе и болтая ногами. Так... Сказка, значит, да?

Через час моя новая история была готова. Неимоверно довольная собой, я вернулась в комнату Сони и озвучила ее торжественным голосом (не по ролям, так как сестра важно сказала, что для этого трюка она уже достаточно взрослая). История, надо сказать, вышла занятной. В ней рассказывалось о принцессе Софии, которая не знала, что она принцесса, но об этом сказал ей кролик. Еще он сказал, что его - кроличье, надо полагать - королевство под угрозой. И только похищенная когда-то из королевства принцесса София может его спасти. И вот она вместе с кроличьей семьей приключалась, приключалась, пока не доприключалась до спасения королевства и заслуженного трона.

- Конееец! - пропела я, улыбаясь до ушей.

Жюри в лице девочки под одеялом вынесло вердикт:

- Ужасная история.

У меня челюсть упала.

- Что?! Почему это?

- Она фальшивая. Искусственная. В ней нет... - Соня задумалась. - Нет души. Она как... мыльный пузырь. Вроде красивый, а иголкой ткнешь - он лопнет. И внутри ничего нет. Пустота. Сказки, которые ты рассказывала мне в детстве, были интереснее.

- Но... - Я ничего не понимала. - Тут есть принцесса, названная твоим именем, и есть кролики, которых ты любишь.

- Я ненавижу кроликов! Меня в детстве Кроликом называли, думаешь, это приятно?

- Не знаю, - осторожно сказала я. - Я думала, тебя называли так, потому что ты их любила. И ты обычно улыбалась в ответ.

Соня покачала головой, пораженная моей глупостью.

- А что мне еще оставалось делать? - воскликнула она. - Это... защитная реакция, ты должна понимать.

Ага. Общение с матерью-психотерапевтом, очевидно, не проходит бесследно. Мы в свои двенадцать уже о защитных реакциях рассуждаем.

- У меня были огромные зубы, которые ужасно выдавались вперед!

Пока она говорила, я склонила голову набок, рассматривая ее рот. Пожала плечами.

- Нормальные зубы.

Соня закатила глаза.

- Так потому что я с брекетами ходила два года! Еще скажи, что не знаешь, что после Кролика меня Щелкунчиком стали называть. Вроде как я могу щелкать своими железными челюстями орехи.

Мне стало не по себе. Мою младшую сестру оскорбляли за моей спиной. А я... А что я? Я была слишком занята своим взрослением, новыми потрясающими перспективами, которые открывала передо мной жизнь. Нет, я не делала ничего плохого... И хорошего тоже. Я ничего не делала ради Сони, я просто ее не замечала. Так лучше ли я тех, кто ее обижал?

Я вздохнула. Так. Попытка сблизиться явно провалилась. Надо начать сначала.

- Хорошо, я поняла. Ты не любишь истории про принцесс и принцев...

- Потому что они глупые и банальные. Напиши мне новую историю. Пусть она даже будет грустной. Но настоящей.

Никогда не умела отказывать тяжело больным девочкам. Проблема была только одна - я не знала, о чем мне писать в этой новой, «настоящей», истории.

- Хм. Ладно. Ты не любишь истории про кроликов. Тогда... Что ты любишь?

- Сейчас, - пробормотала Соня, вылезая из кровати. Ее пошатывало от слабости, и я кинулась ее поддержать. - Ничего, все нормально, мне недалеко.

Она вытащила из ящика стола альбом для рисования, протянула мне, и тут же забралась обратно под одеяло. Открыв

первую страницу, я ахнула. Сначала я увидела только огонь, чьи тона и оттенки были изумительно переданы акварельными красками. В следующий миг разглядела крылья, и только тогда смогла увидеть всю картинку целиком.

- Подожди. Это же...

- Феникс, - каким-то благоговейным шепотом выдохнула Соня. Смутилась - Нам рассказывали о нем на уроке литературы.

- Это ведь недавние рисунки, верно? - тихо спросила я.

Соня молча закивала.

- Родная... - Только прогнав ком в горле, я сумела продолжить. - Ты ведь знаешь, что не умрешь?

Она взглянула на меня своими чистыми глазами - серьезно, без тени улыбки, став вдруг еще взрослей.

- Медсестра Нина говорит, что мы все когда-нибудь умрем.

- Медсестру Нину нужно стукнуть по голове подносом или уткой, - процедила я. Соня хихикнула, и я тут встрепенулась: - Так, это ни в коем случае не совет, слышишь? Нина, конечно, та еще противоза, но она ухаживает за тобой и делает тебе очень важные уколы. Так что бить ее не надо. Людей вообще бить нельзя. Если только они этого не заслуживают, но это отдельная история.

Кажется, своей сумбурной речью я еще больше развеселила Соню.

Боже. Воспитатель из меня просто никудышный.

Я листала страницу за страницей, все больше поражаясь тому, что вижу. Я и подумать не могла, что Соня так рисует! Да, я с самого детства наблюдала, как она черкает что-то сначала в тетрадке, потом в альбоме, высунув от усердия кончик языка, но... думала, это обычная детская мазня. Но это...

И везде одни фениксы.

Мне вдруг стало тошно. Сестра я или нет? Мы отделились, да. Будучи родными, единокровными, стали друг другу такими чужими... Знаю, потерянные года уже не вернешь, но я могу хотя бы порадовать ее – тем подарком, которого она так желает.

И стало очевидно кое-что еще. Девочке, которая рисует фениксов, восстающих из собственного пепла, не нужны истории про принцесс и кроличьи королевства.

– Я... Ты спи, ладно? А я завтра к тебе приду.

– С новой историей?

– С новой историей.

Уходя и закрывая за собой дверь комнаты, я должна была сказать: «Я тебя люблю». Не сказала. Не смогла. Сказанные сейчас, слова прозвучали бы неискренне, фальшиво. А Соня ясно дала понять, как относится к фальши.

Мне не спалось. Мысли в голове кружились как обезумевшие пчелы, чей улей сбили с дерева палкой. Устав ворочаться, я села, скрестив ноги и завернувшись в одеяло.

«Вспомни, как ты писала их, когда была ребенком». Что изменилось с тех пор? Вернее, не так. Что делало те мои, неуклюжие и наивные, истории настоящими?

И я вдруг поняла. Я писала о том, что меня волновало. Меня не интересовала композиция, построение стройного логичного сюжета – о чем я и сейчас имела весьма отдаленное представление. Я выплескивала на бумагу все: свою боль, свою радость, свои печали и страхи, свои восторги после первых, маленьких, но таких важных побед. Вот что делало мои истории настоящими.

Что волновало меня сейчас? И спрашивать не стоит.

Соня и Ди. Когда-то такие близкие, оказавшиеся по разные стороны пропасти. Лейкемия. Облучение. Пряди волос в мусорном ведре. Феникс. Целый мир в огромных голубых глазах, который рушился на части. Ничто уже не станет прежним, даже если... Даже когда Соня исцелится.

Случилось «после», и наша жизнь перевернулась навсегда.

Я бросилась к ноутбуку, поняв, что карандаш за моими мыслями не поспеет. Открыла файл и, ерзая от нетерпения и охватившего меня предвкушения, написала первые слова.

«Тени пришли из Ничто – тьмы, что окружала Край мира»

Глава вторая. Тьма

Тени пришли из Ничто – тьмы, что окружала Край мира. Место, куда войдя однажды, уже невозможно вернуться. Место, сотканное из мрака, несущего гибель всему живому. Остов

Забвения, Пропась, Бездна – люди называли это место по-разному. Риони называла его Ничто.

Тьма существовала всегда – с начала времен, с начала создания мира. Изредка оттуда появлялись невероятно странные создания – внешне устрашающие, но слабые. Больше, чем они пугали людей, их самих пугал свет. Риони довелось однажды увидеть такое чудище – отдаленно напоминающее краба, но с длинными, похожими на паучьи, лапами. Оно выползло из Ничто, и как только первый луч света попал на гладкую чернильную спину, пронзительно завизжало – так тонко и режуще, что Риони, вскрикнув, зажала уши руками. Порождение Ничто заметалось в поисках привычного и уютного мрака, но, видимо, было совершенно слепо и помчалось в другую сторону, семеня тремя лапами и волоча по земле три другие.

Риони передернуло от отвращения – мысль, что тварь ненароком коснется ее ног, пугала до смерти. На пронзительный визг чудовища из дома выскочил дядя. Бросился к нему и вонзил меч в лоснящийся темный бок. Порождение Тьмы сдохло, испустив слабый прощальный стон.

Риони знала: далекие от Края мира люди рассказывали друг другу всякие небылицы о Стене Тьмы. Поговаривали даже, что иногда из Стены выходят измененные люди, превращенные загадочной, всепоглощающей Тьмой в ужасных чудовищ. Риони только посмеивалась над этими слухами – ни ей, ни ее родным, ни знакомым никогда не доводилось видеть ничего подобного. Кому, как не им, живущим на самом Краю мира, знать, что Тьма, в общем-то, совсем не опасна.

Или же только казалась таковой.

Их деревушка – славная, спокойная Шала – однажды ночью просто сгорела дотла. Риони видела, с чего все началось, а

преследующие ее и во снах, и наяву кошмарные воспоминания ни на мгновение не давали об увиденном забыть.

Замерев у окна своей спальни, Риони с изумлением и ужасом наблюдала за дядей, который пытался отбиться от нечто, напоминающего огромную, размытую тень. Видела и других сельчан, пытающихся уничтожить незваных гостей. Помнила свои мысли: она все ждала, когда Тени, испугавшись света факелов в руках жителей Шалы, трусливо скроются в спасительной Тьме. Но Тени не казались испуганными и уходить не спешили.

Увиденное из окна повергло ее в ужас – Тень поглотила огонь факела, которым ее пытались убить, а затем просто выдохнула его. Пламя – не привычное золотисто-красное, а темно-медное, пугающе густое и тягучее, объяло ближайший дом. Языки пламени жадно набросились на добычу, и симпатичный бревенчатый домик полыхнул, как невероятных размеров костер.

Тень с огненным дыханием продолжила шествие по деревне. Дома загорались один за другим, и дом Риони постигла та же страшная участь. Она почувствовала запах дыма. Риони могла спастись, выбравшись на улицу через окно второго этажа, но... она нигде не видела маму. Задыхаясь от обуревавшего ее страха, она сбежала по лестнице вниз, чтобы найти маму. Но... опоздала. Стена пламени отрезала единственный выход из дома, упавшая балка – путь к лестнице. Попавшие в огненную ловушку, Риони с матерью стояли, держась за руки и глядя в лицо неотвратимой гибели. Рухнула крыша, за ней лестница. Дом погибал, в нем почти не оставалось пространства, где бы не царствовал огонь.

Если бы Риони знала тогда...

Она бы бросилась вперед, сквозь обжигающую преграду, и, приняв удар стихии на себя, протащила бы через огненное кольцо мать.

Если бы Риони только знала...

В какой-то момент она потеряла сознание – кажется, отступала назад и упала, споткнувшись об опрокинутый табурет. Очнувшись, поняла... Она жива. Не просто жива – совершенно невредима. На коже – ни малейших ожогов. Словно бы и не существовало Тени и ее огненного дыхания, превратившего деревушку в пепел.

Риони выжила. Но все остальные жители Шалы погибли.

Все ее друзья. Мама. Дядя. Энцо. Ее Энцо.

Нагая, в копоти и саже, которые заменили ей сожженную дотла одежду, с нетронутыми пламенем волосами, прикрывшими худую спину и обнаженную грудь, Риони бродила босиком по еще не остывшей золе, но не чувствовала ее жара. Рухнула на землю и, запрокинув голову к небу, завывала. Когда кончились слезы и голос охрип, неловко поднялась, сжимая в ладони последний осколок прошлого – медальон, который подарил ей Энцо. Шатаясь, Риони побрела прочь от деревни, в одночасье превратившейся в огромный погребальный костер.

Они выжила. Она – саламандра. Тогда почему ей так сильно хотелось кричать?

– Ну как? – выдохнула я. Отчего-то я волновалась.

Спохватилась: – Нет, это, конечно, не вся история – только ее начало...

– Это правильная сказка. Печальная, но... настоящая. Она...

Риони – феникс? – замороженно спросила Соня.

Я спрятала улыбку – рада, что история ее заинтересовала.

- Ну нет же. Феникс - это тот, кто умирает и воскресает из пепла, ты же сама говорила. А Риони не умерла. Она саламандра - что ни делай, огонь ее не тронет. Но этого слишком мало, чтобы стать настоящим фениксом.

- Ааа, - разочарованно протянула Соня. Вздохнула. - Грустное начало... Мамы не должны умирать.

- Знаю, родная. Но так случается. И знаешь то? Хорошо, что наша с тобой история другая, что в ней наша мама жива. И когда ты увидишь ее в следующий раз, крепко обними и скажи, что очень ее любишь. Ей будет приятно.

Не знаю, имела ли я права советовать подобное - если учесть, что сама не помню, когда в последний раз говорила маме, что люблю. Или когда в последний раз болтала с ней по душам. Все наши разговоры обычно сводились к коротким лекциям: о том, как можно и нельзя вести себя с мальчиками, о вреде курения и косметики и прочих навевающих скуку вещах. Но если Соня сможет стать к маме ближе, то и я смогу. Попытаюсь.

- Ты думаешь... слишком грустно? - осторожно спросила я. Не хотелось бы еще больше расстраивать Соню.

Она пожала плечами.

- Не грустнее, чем лейкемия. Но я рада, что Риони не погибла. Она ведь отомстит тем, кто убил ее маму?

- Непременно отомстит, - заверила я.

Вытянув худую шейку, Соня заглянула в распечатанный на домашнем принтере листок.

- Там еще есть?
- А хочешь? – лукаво прищурилась я.
- Конечно, хочу!

У него длинные – почти до плеч – темные волосы, которые ей так нравится накручивать на палец. Волосы, которые сейчас лениво треплет ветер. И Риони ревнует к ветру, потому что это она – только она! – должна касаться его. Но ее руки сейчас по локоть в чешуе и требухе пойманной Энцо рыбы, которую она разделяет с видимой небрежностью, чтобы произвести на него впечатление. Риони жалеет, что не может к нему прикоснуться, и позволяет ветру делать это за нее. А сама украдкой любит простыми, даже чуть грубоватыми, чертами лица, строгой линией широких плеч и крепкими руками, которым так нравилось ее обнимать.

Энцо, ее Энцо.

Он так красив, когда улыбается – в уголках глаз разлетаются лучики-морщинки, хотя он совсем не стар. Ему всего двадцать пять, хотя ей он кажется очень мудрым и взрослым. Молодой мужчина, который улыбается так часто, что морщинки у глаз и у рта уже очертили мягкими линиями его кожу.

Ее мужчина.

Риони осознает, что слишком часто – пожалуй, неприлично часто – повторяет, что он – ее. Просто никак не может привыкнуть к своему счастью. Никак не может поверить...

И кажется, что это – сон, и однажды она проснется...

- Снова любовь! – Соня смешно наморщила носик. – Взрослые такие странные...

Я рассмеялась.

- Все в этом мире, так или иначе, связано с любовью. И в сказках она бывает почти всегда. Красавица и Чудовище, Золушка, Белоснежка, Спящая красавица... Если бы герои не знали, что такое любовь, и финалы их историй были бы другими.

- Грустными?

- Грустными.

Меня вдруг поразила страшная, до мурашек, мысль. А что о любви могла знать Соня? Отца она почти не помнит – он бросил ее в том возрасте, о котором остаются только смутные, зыбкие воспоминания. Но все это время в ней жило понимание, что он никогда ее – нас – по-настоящему и не любил, раз смог просто взять и оставить. Как оставляют в коробке с игрушками куклы, с которыми надоедает играть.

Мама... Она любила нас – своей особенной, своеобразной любовью. Она считала, что дети не могут быть счастливыми, если у них плохие игрушки, а в холодильнике – дешевая еда. Если они одеваются в секон-хендах или в недорогих магазинах, если у них нет гаджетов, а потом, как повзрослеют, не будет машины. Поступить в обычный колледж, жить в обычном доме – для неудачников, но никак не для детей Вероники Полянской.

Мама давно уже отдалилась. Но разве я имела право ее винить? Мама заботилась о нас с Соней за двоих – с тех самых пор, как отец посчитал нас недостойными его внимания. Беда лишь в том, что она заботилась о нас единственным способом, который знала – покупая нам красивую жизнь. Забывая, что тепло родного человека и душевную близость ни за какие деньги не купить.

Что до меня... да, мы с Соней были близки когда-то. Но потом все так изменилось... Наша дружба ушла, сестринская любовь поблекла. Мы виделись по утрам за завтраком, иногда пересекались в коридоре, обмениваясь ничего не значащими фразами. Ей нравилось быть в одиночестве, мне – с друзьями. Я всегда находила занятия поинтереснее, чем сидеть с младшей сестрой.

Единственный, кто купал Соню в любви, так это дедушка. Единственный, кто давал ей то, что мы должны были давать втроем – мама, отец и я.

– А ты? Ты уже влюблялась?

Я вздрогнула, удивленно подняла глаза. Соня ждала моего ответа. Артем... Нравился ли он мне? Да, несомненно. Все по закону жанра: высокий, узкая талия и широкие плечи. Красавец и спортсмен, звезда любой вечеринки. Любила ли я его? Нет, боюсь, что...

– Нет. Но мы и встречаемся недолго.

– А когда ты его полюбишь?

– Не знаю. И никто не знает. Может быть, никогда. Может, полюблю, и это чувство будет со мной до самой старости – как у бабушки с дедушкой – пока кто-то из нас не уйдет.

- Вслед за бабушкой?

Я улыбнулась печально.

- Вслед за нашими родными. А может, я влюблюсь, но это пройдет. И я встречу кого-то другого.

- Но это неправильно, - нахмурилась Соня.

Она говорила об отце. О том, что однажды он разлюбил маму.

- Я знаю. Но иногда любовь уходит - потому что и у нее есть свой срок. Как ледяные скульптуры у дворца - как бы они ни были красивы, весной они растают. Просто чья-то зима длится дольше...

- Ди... - встревоженно протянула Соня.

- Ничего, я... Все нормально.

- Ты злишься на него, да?

Я взглянула ей прямо в глаза. Начиная писать сказку про саламандру, я дала самой себе слово, что не буду врать - не буду писать о принцессах и принцах на единорогах. Что напишу настолько правдивую историю, насколько это возможно, когда пишешь про фэнтезийный, выдуманный мир. Не только потому, что Соня уже давно читала недетские книги - это я узнала только вчера, пробежавшись взглядом по корешкам книг на ее полке. Потому что она давно уже стала взрослой. Еще до того, как узнала диагноз, до того, как поняла, что он означает для нее - для всех нас. Потому что это глупо, и неправильно и... двулично - врать девочке, больной лейкемией. Неважно, идет ли речь о вымысле или реальности.

- Да, Соня. Злюсь. Потому что он не имел права бросать нас. Но иногда... случается так, что у хороших девочек больше нет отцов. Или они так далеко, что их не услышат. Но нам повезло больше, чем Риони - у нас есть мама.

- Да, повезло, - прошептала Соня.

Мы помолчали.

- Но это ведь сон, правда? То, где она видела своего любимого?

- Сон, - с сожалением сказала я.

Риони проснулась.

Энцо мертв. Мама мертва. Мертва Шала. И подаренный любимым медальон - единственное, что у нее осталось.

Воспоминания, восстав из покрывала горячего пепла, жалили ее. Сдавлив грудь, чтобы не дать кровоточащему сердцу разорваться на части, Риони беззвучно расплакалась.

Но она заставила себя подняться и идти. Просто не могла остаться там, в этом покрытом черной золой кладбище, в землю которого впиталась горечь дыма и вонь горящего мяса. Как слепой котенок, как нагая феникс, только возрожденная, Риони брела вперед, сама не зная, куда идет.

Она запрещала себе думать о том, что произошло - боялась, что, осознав, найдет ближайший обрыв, подойдет к самому краю и спрыгнет. Что боль сведет с ума, уничтожит рассудок, и когда-

нибудь – спустя дни и недели – ее обнаружат на пустыре, умирающую от голода, лепечущую что-то бессвязное.

Риони запрещала себе оглядываться назад. Но правда в том, что впереди была только пустота и неизвестность.

Первую Тень она встретила, когда Шала осталась далеко позади.

Ей повезло, ей просто невероятно повезло – Тень попалась слабая. Как она понимала теперь – только вышедшая из Ничто, и потому очень голодная. Первую свою ошибку Риони совершила, когда заглянула Тени в глаза – в нечто, что их заменяло. В две искры, алеющие среди бесформенного тела с лоскутами конечностей. В тот же миг Тень, проплывающая мимо, стремительно развернулась и набросилась на нее.

В голове забились лихорадочная мысль: она же – саламандра! Та, в чьих жилах течет огонь! Вдохновленная, Риони попыталась призвать огненную стихию. И это было ее второй ошибкой. Вместо того, чтобы попытаться убежать, она лишь потеряла драгоценное время. До того, как Тени напали на Шалу, Риони не знала о том, что она – саламандра. Не знала до сих пор, что должен чувствовать тот, кто призывает магию... но не чувствовала ничего. Магия, которая текла в ее крови и позволила выжить в огненном аду, не спешила пробуждаться.

Тень зажала Риони в свои тиски – мучительные, смертоносные объятия. Ноющая боль, рвущая жилы и по частям выдергивающая душу, распространялась по всему телу. В желудке словно образовалась воронка, из которой Тень высасывала ее энергию. Силы покидали Риони, она чувствовала, что слабеет с каждым мгновением.

Закричала отчаянно и яростно, лихорадочно извиваясь, вонзила длинные ногти в сомкнутые на шее эфемерные подобия

рук. Хватка Тени ослабла. С трудом, но Риони удалось вырваться из душащих тисков. У нее не было оружия, не было силы. Все, что ей оставалось – бежать.

Риони спасла не скорость. Тень уже настигала ее, когда наступил рассвет. Резкий звук – то ли визг, то ли крик – разорвал тишину. Риони закричала, зажимая руками уши – жуткий, пронзительный звук достиг таких невероятных высот, что, казалось, разрывал изнутри ее барабанные перепонки. Тень растворилась в робких лучах солнца.

Обессиленную после долгого бега, оглушенную и напуганную, Риони радовало лишь одно – если Тени боялись света, то долго им за пределами Тьмы не продержаться.

Как же она тогда ошибалась...

– А вот теперь точно все, – закончила я, складывая вчетверо лист.

– Все? Как все?! – Не помню, когда в последние дни видела Сою такой возбужденной. – А когда новая часть?

Я рассмеялась.

– Не знаю, она еще не написана.

– А когда напишешь? – нетерпеливо спросила Соня.

Я подмигнула.

– Когда Сказочник нашепчет мне ее на ушко.

– Сказочник! Ты помнишь! – радостно вскрикнула она.

Когда я, девятилетняя, сочинила свою первую сказку, я сказала Соне, что ее мне нашептал ветер. Она покривила носик и произнесла, смешно картавя: «ветер не может сочинять». Я ответила: «Да, если только это не человек, который может превращаться в ветер. Он путешествует по мирам, слышит сотни разных историй, и рассказывает их людям из других миров. Чтобы мы, живущие в разных вселенных, знали и помнили друг о друге».

Так у нас появился общий друг – Сказочник.

Я улыбнулась. Вот и еще один мостик над пропастью. Еще одна ниточка, протянувшаяся в прошлое, в те дни, когда мы были счастливы. Немного одиноки, да: мы злились на отца (точнее, я злилась, а Соня не понимала, куда он ушел и почему никак не может вернуться), скучали по маме, которой никогда не бывало дома, подтрунивали над Анной и ее любовью к мелодрамам. Но что бы ни происходило в нашей жизни... мы были друг у друга.

– Расскажи мне об этом мире. Он всегда был... таким? В нем всегда были Тени?

– Нет, родная, – ласково сказала я, глядя на сестру. – Это был чистый и красивый мир, недостойный того, чтобы в нем поселилось что-то черное, что-то плохое. Чтобы однажды пришла тьма и все изменила. Просто... знаешь, так случается. Это не назовешь справедливостью, остается только верить, что все это делается с какой-то целью. Но нам, людям, никогда, наверное, ее не понять...

– Ди, – озадаченно позвала Соня.

Я вострепенулась, словно вынырнув из темных глубин на поверхность.

- Мир... Люди назвали его Альгардес. Он круглый и плоский, как монета, и в нем живет волшебство. Королева Иллирэ, единая богиня Альгардеса, создавая его, хотела сотворить мир без тьмы. Но там, где есть свет, всегда найдется место тьме - таков закон вселенной. Тогда всю тьму созданного ею мира - все плохое, страшное и лживое, что было в нем, Иллирэ вытеснила за пределы Альгардеса - за стену вечной темноты за Краем Мира. Поначалу Иллирэ сама управляла погодой, сменяла день ночью, но чем больше в мире появлялось людей, тем больше она уставала. Тогда она создала четырех дочерей, которые должны были править миром попеременно, четырех королев, которых назвала Осень, Зима, Весна и Лето.

- Так нечестно, это она у нас подсмотрела! - возмутилась Соня.

Не выдержав, я рассмеялась.

- Твоя правда. Во всем виноват Сказочник, который рассказал Иллирэ о мире под названием Земля.

- А какие они, эти королевы? - заинтересовалась Соня.

- Зима - высокая белокожая красавица в платье со шлейфом и короткой шубке из снега. Весна - легкомысленная веснушчатая прелестница с копной кудрявых волос. Многим нравится королева Лето - черноволосая, черноглазая, с карамельной кожей. Босая, в легком платье, манящая своей жемчужной улыбкой, она стремительная, как горная лань, а ее смех подобен журчанию ручья. Там, где она ступает, плавится песок. Но

больше всех Риони нравится королева Осень. У нее тонкие черты лица, горделивая осанка и длинные каштановые волосы. Она идет, и за ее спиной с деревьев слетает листва, из зеленой превращаясь в золотую и багряную. – Я помолчала, улыбаясь. – Под управлением правящей королевы погода во всем мире едина: от Края мира до самой его Сердцевины – земель близ Сердца Альгардеса. Нигде не спрятаться от жары, которую так любит королева Лето. И если идет дождь – любимая причуда капризной Осень, то он идет всюду, и бедным магам-стихийникам приходится прилагать все усилия, чтобы защитить Альгардес от потопа.

– Какой необычный мир! – Глаза Сони сияли.

– Он приснился мне, – улыбнулась я.

Я говорила чистую правду. В те времена, когда я писала сказки для сестры, мне приснилось, что я иду по зеленому лугу и встречаю босоногую королеву Лето, которая спешит занять трон. Я видела этот мир чистым, сказочным, волшебным – тогда в нем и в помине не было Теней, и вся тьма клубилась за Краем Мира, где и должна была быть.

Все это время мир терпеливо ждал, пока я выплесну его на бумагу в черно-белых тонах, вязью букв, а Соня разукрасит его акварелью.

– Я верю, что все выдуманные миры существуют на самом деле, – застенчиво сказала сестра. – Они живые, и живут потому, что кто-то их однажды придумал.

– Думаешь, туда можно попасть? Хотя, знаешь, мне нравится эта идея. Не зря же мы, фантазеры, в своих снах часто

оказываемся там, где никогда прежде не бывали... Может, мы ненадолго заглядываем в кем-то созданный мир?

Засыпая, Соня улыбалась. Наверное, просила Морфея забросить ее в один из чужих миров.

Глава третья. Больше не одна

- В детстве, когда мне было сильно грустно, я представляла себе, что вокруг меня - не скучный N-ск, а какой-то совершенно другой мир, просто... скрытый ото всех. Что озеро в парке заколдовано, и в нем живут наяды. Что в антикварной лавке на соседней улице продаются не простые вазы, а вазы со спрятанными внутри джиннами.

- А куда же делись их лампы? - рассмеялась я.

Соня фыркнула.

- Лампы - это прошлый век.

- И какие же желания ты думала загадать? - с улыбкой поинтересовалась я.

Соня же, напротив, посерьезнела. Сказала тихо:

- Чтобы папа вернулся. Чтобы снова нас полюбил.

- Малышка... - растроганно прошептала я.

- А еще, чтобы у меня был нескончаемый стаканчик мороженого. Ну, знаешь, ты ешь, ешь, а он... не кончается.

- Не могу тебя за это винить, - пробормотала я, - хотя лично я предпочла бы нескончаемую плитку шоколада.

Дедушка заглянул к Соне в комнату, но увидев меня, сидящую напротив ее кровати, заходить не стал. Лишь подмигнул - с явным одобрением.

- Ладно, а третье желание? - уже всерьез заинтересовалась я.

Соня приподнялась в кровати, села поудобнее, с головой завернувшись в одеяло. Я заметила, что она любит так спать, хотя и уверяет, что ей не холодно. Как будто хочет спрятаться ото всех... Или, быть может, от собственных страхов?

- В общем, так. Я бы загадала, чтобы все, что я нарисую, оживало и появлялось у меня в руках.

- Ага, - рассмеялась я. - Маленькая хитрюга!

Соня хихикнула.

- Я как-то увидела красивые туфельки с блестками, розовые такие, а мама сказала, что мне нужно подождать. Мы тогда, ну...

Я понимающе кивнула. Видимо, это была та пора, когда отец только ушел от нас, и мы едва сводили концы с концами.

- Я вернулась домой и их нарисовала. Это, конечно, глупо, но мне показалось, что они выглядят как настоящие! И я представила, как они оживают, и стоят передо мной. А потом, когда обувала в школу свои старые и некрасивые, представляла, что надеваю их - розовые и блестящие. - Соня смущенно улыбнулась. Закутанная в одеяло, она напоминала белого медвежонка с пятнами-котятками на шерсти. - И так каждый раз.

Когда я видела то, чего мне бы хотелось, я представляла, как рисую эту вещь, как она появляется у меня. Я вообще любила... воображать всякое. Ты думаешь... это глупо?

Не знаю, быть может, я ошибалась, но мне вдруг подумалось, что все эти выдумки не остались в прошлом. Что и сейчас она, двенадцатилетняя тихоня, порой рисовала в своем воображении фениксов, ожидающих на заднем дворе нашего дома, и, быть может, полный дом друзей...

Стало горько, и на мгновение кольнуло где-то в груди.

- Конечно, нет, - убежденно сказала я. - В фантазиях нет ничего плохого. Иногда они помогают справиться со страхом, иногда - разукрасить серые будни. Я и сама иногда... не фантазирую, но... представляю, какой я буду пять лет спустя, десять. Думаю, где смогу побывать, сколько собак у меня будет, и прочую ерунду. Но, знаешь, от этой ерунды становится веселее. Неважно, сбудутся твои мечты или нет. Никто не запретит тебе мечтать.

Соня вздохнула - будто бы с облегчением. Неужели думала, что я буду ее осуждать? Что так же, как некоторые мои друзья, незнакомые с тактом, сочту ее «какой-то странной»?

- Ты когда-нибудь пыталась это рисовать? То, что тебе представлялось?

Соня кивнула, смущенно потупившись.

- Покажешь мне?

- Только... ты не смейся, ладно?

Я прищурила глаза и сказала максимально торжественным тоном:

- Официально заявляю, что не буду смеяться, какое бы испытание для моих глаз ты ни приготовила.

Хихикнув, Соня сползла с кровати, подошла к столу и очень долго рылась в ящиках. Вытянув шею, я с удивлением увидела целую стопку альбомов, тетрадок, красок в баночках, кистей, карандашей. Все эти годы, пока я задавалась вопросом, чем целыми днями в комнате занимается моя сестра (вру, не задавалась, я была слишком для этого занята), достаточно было просто постучаться в ее дверь и... заглянуть. И, попросив разрешения увидеть то, что Соня с таким упоением рисует, чуть лучше узнать свою сестру. Понять, как она талантлива и какой неумемной фантазией обладает. Понять, что мы не так уж и непохожи, как мне казалось.

Только свою искорку таланта, в отличие от Сони, я закрыла в непроницаемый ящик и задвинула в дальний угол. И не открывала его до тех пор, пока моя младшая сестра не заболела лейкемией.

- Это... потрясающе,- прошептала я.

Передо мной на белых листах оживал целый мир из акварельных красок. Пусть он был несовершенным - нарушены пропорции, мазки неуверенные, особенно поначалу, в первых альбомах, но... потрясающе красивым. Оригинальным. Живым. Особенным.

Это был мой родной город - небольшой, скучный и ужасно обыкновенный. Город, сквозь стены которого проглядывала

совсем другая реальность. На камнях у озера в центральном парке сидели наяды. В пшеничном поле, которое раскинулось прямо посреди центральной улицы, потеснив громады торговых центров, с цветочными венками на золотистых кудрях танцевали полуденницы. На крыше городской церкви распустила крылья горгулья, готовясь улететь. В подземном переходе рядом с уличным музыкантом на флейте играл лепреккон, и в лежащую перед ним шляпу из воздуха сыпались золотые монеты. В каменную статую вечного огня на центральной площади – две полыхающие ладони – пламя выдыхал сам дракон, удобно примостившийся на ближайшей крыше.

Этот мир... он жил, он дышал, вытесняя N-ск. Разрушая безликие кирпичные стены, сквозь которых пробивалась золотистая дымка – наверное, именно такой Соня представляла себе магию. Золотистой, как солнце.

Словно детеныш дракона, вылупившийся из обычного куриного яйца, мир фантазий Софии Полянской превращал серую обыденность в яркую сказку. Так вот какой была моя сестра... И почему я никогда этого не замечала?

Просто не хотела замечать. Затянутая водоворотом собственной жизни, не хотела остановиться хотя бы на мгновение и оглянуться назад. Посмотреть на девочку по имени София, чья душа была целой вселенной, полной света и волшебства.

- Ди, – осторожно протянула сестренка.

Видимо, я молчала слишком долго. Я прокашлялась, от переизбытка чувств даже не зная, что сказать.

Я, которая всегда любила заглядывать в будущее, рисовать его – несомненно, светлое – в своих мечтах, сейчас этого делать не хотела. Потому что боялась увидеть там все того же черного зверя, который зажал Соню в тиски. Впился в шею, заразив ее кровь своим ядом. Я боялась представить, что будет, если зверь окажется сильнее, чем мы ожидали. Смертоноснее...

Но я знала одно: я хочу узнавать сестру. Всю жизнь. Обе наши жизни. Так запрыгивают в последний вагон уходящего поезда – так и я хотела успеть поймать то, что едва не упустила.

Я не знала, что будет в будущем. Но у меня еще было наше настоящее.

– Соня, как ты смотришь на то, чтобы нарисовать мою саламандру? Такой, какой видишь ее ты?

Ее губы сложились в идеальную «о», в глазах искрился восторг и изумление.

– Ты... это серьезно?

– Конечно, – улыбнулась я. – Такой талант не должен пропадать даром. К тому же, я совершенно нахально эксплуатирую свою младшую сестру. Потому что я точно не найду во всем N-ске художника, с которым смогу расплачиваться шоколадными конфетами.

– Конфеты! – Соня радостно подпрыгнула на кровати.

– Маме, чур, не говорить. Не про рисунки, а про шоколад. Для нее ты на строгой диете. Но лично я считаю, что одна конфета в день тебе не повредит. Пусть это будет нашей маленькой тайной. Договорились?

- Договорились, - выдохнула она. Накрыла голову одеялом, снова притворяясь белым мишкой. - Обожаю тайны!

Я рассмеялась. Положила альбомы на стол, зная, что еще не раз их просмотрю. Потому что мир Софии Полянской... завораживал и вдохновлял.

- Так, а сейчас самое время для продолжения истории.

Сестренка запищала от восторга.

- Тише ты, - посмеиваясь, бросила я. - Дедушку разбудишь. Он наверняка заснул в гостиной с газетой в руках.

- А ему? А ему ты свою сказку прочитаешь?

- Я боюсь, что дедушке она придется не по вкусу, - задумчиво сказала я. - И вот что, медвежонок, давай договоримся - если тебе будет страшно... если история станет слишком жутковатой и грустной - ты скажешь об этом мне.

- Но я люблю страшные истории, - разулыбалась Соня.

Да, я помню. Помню, как мы играли в детстве игру, известную, наверное, во всех странах и временах: вдвоем залезали на узкий чердак в нашем старом доме, и в темноте, разбавляемой светом допотопного фонарика, рассказывали друг другу страшилки. Чаще - услышанные в школе, реже - выдуманные. Я была старше, и по логике вещей мои истории должны были пугать сильнее, но... обычно получалось наоборот.

Малышка Соня знала, как впечатлить публику, и нередко подключала к простому пересказу звуки: барабанила пальцами по дощатому полу, изображая, как неведомое чудище перебирает ногами и лапами, спеша к несчастной жертве;

завывала, как завывал ветер в старом доме, где с минуты на минуту появится страшный призрак; шептала, изображая невидимую сущность, которая задалась целью свести с ума бедную героиню, чтобы вселиться в нее и украсть ее тело и жизнь.

Теперь, когда я увидела рисунки Сони, вдруг появились подозрения: а не она ли была автором большинства рассказанных на чердаке историй?

– Ди, ну давай уже! – взмолилась сестренка. – Читай!

– Ладно. – Я вынула из кармана джинсов сложенный листок.

Риони понятия не имела, куда и зачем идет. До ближайшего города – несколько лиг. Единственная попавшаяся на пути деревушка оказалась совершенно пуста, если не считать тел, усеявших землю – тел тех, кто сбежать не успел.

Тени добрались и сюда.

Магия тьмы, магия теней, магия ночи – так люди называли силу, что клубилась за Краем мира и пряталась в складках темноты. Прежде никому из ныне живущих не приходилось сталкиваться с ней, ведь тeneвая магия, выходя на свет, неизбежно рассеивалась, погибала. Но что-то произошло, и вышедшая на поверхность тьма, черными кляксами Теней заполонившая мир, умирать не желала.

Было стыдно, противно, мерзко, но Риони забралась в ближайший дом и съела все, что смогла найти. Отыскала одежду – длинное платье из грубой ткани, истоптанные туфли. Они едва ли

годились для скитаний по свету, но Риони была рада и такому подарку – ее босые ступни были изранены и кровоточили от долгой ходьбы. Она даже подумала о том, чтобы остаться в деревне, но тут же отказалась от этой безрадостной идеи. Жить среди мертвых в надежде на возвращение живых...

Набив мешок съестным и водой, Риони снова двинулась в путь.

Ночью спать нельзя – так она думала – ведь вокруг сновали пока еще невидимые, но оттого не менее опасные Тени. Спала днем, где придется, но чаще – на земле, постелив взятое в деревне покрывало.

Каждый день Риони оплакивала тех, кого потеряла. Каждый день боялась, что и ее вскоре постигнет та же участь – пусть она и саламандра, но совершенно бессильна против порождений Ничто. Не воин, не валькирия, не колдунья и не чародейка... Ее не учили сражаться, она не была готова к тому, что придется бороться за собственную жизнь.

Риони потеряла счет времени. Сколько она брела наугад, прежде чем с гребня холма увидела расположенные в низине дома – несколько дней или, может, недель? Бросилась бежать, забыв про усталость. Когда до ближайшего дома, обещавшего уют и долгожданное пристанище, оставалось лишь несколько шагов, ветер принес тошнотворный, гнилостный запах.

Она мечтала обрести покой среди живых, но ее снова встретили мертвые.

Риони бросилась прочь. Слезы стирали многодневную грязь с лица, но она не знала, как стереть воспоминания – страшные картины изувеченных тел и разложившейся плоти.

Она совершенно отчаялась. Страх перед Тенями – тварями, что уничтожили Шалу и всех ее жителей, и тем навсегда разрушили ее жизнь – умолял вернуться назад, в деревню, где были лишь

мертвые, и Теням нечем было поживиться. Но желание услышать человеческий голос, почувствовать человеческое тепло гнало Риони вперед.

Одиночество грозило свести с ума. Дни сменялись днями, но ей по-прежнему не попало ни единой живой души. Здешние земли были почти необитаемы – близость Края мира отпугивала людей. Риони брела по полям, простирающимся до самого горизонта, в ночи моля о том, чтобы увидеть огни, означающие, что где-то рядом есть жизнь. И вместе с тем страшилась их увидеть – ведь эти огни могли оказаться странными глазами Теней.

Когда кончились последние припасы, Риони пришлось есть траву. Сдирать ножом жесткую, сухую кору с деревьев и, морщась, пытаться ее прожевать. Она несколько раз теряла сознание от голода, прежде чем дошла до небольшого леска. Риони не хотела углубляться в лесную чащу, боясь заблудиться. Бродила по опушкам в поисках съестного, пока не нашла куст с алеющими на нем ягодами. Набросилась, как голодный зверь, не могла перестать есть, пока не свело желудок.

Иногда ей казалось, что она слышит какие-то голоса. Сердце замирало, а потом подстреленной птицей падало вниз, когда, обернувшись, Риони не обнаруживала за спиной ни людей, ни животных. А она бы – смешно признаться – была рада и мирному зверью. Хоть какому-нибудь существу, чье тело не было соткано из Тьмы, а прикосновение не убивало.

Но Риони была одна. Одиночество шло за ней по пятам, не желая оставлять ее – свою нечаянную жертву – в покое.

Ей стало казаться, что она дичает. Риони все чаще говорила вслух, просто чтобы не молчать, чтобы услышать собственный голос, чтобы знать, что он ее еще не подвел. Она боялась, что когда-нибудь, когда Тени уйдут, а люди вернуться, ее найдут в лесу

- совершенно одичавшую и шарахающуюся от любой тени. Даже человеческой.

Когда сил бороться уже не осталось, судьба смилостивилась над ней, вознаградив за лишения и упорство.

Первым, кого встретила Риони, был Бье.

- Она кого-то встретила! - радостно воскликнула Соня.

- Встретила, - улыбнулась я. - Хватит ей уже быть одиночкой.

- Одиночкой быть трудно, - поддакнула сестра, и в ее голосе мне почуялась нотка грусти.

«Ты больше не одна, милая. И я сделаю все, чтобы так это и оставалось».

Прекрасно, когда судьба подкидывает шанс исправить ошибки прошлого. Ужасно, что на этот раз причиной перемен стала лейкемия.

- Давай, читай дальше! - Соня уже извелась от нетерпения.

Риони негромко рассмеялась. Бье - энергичный юноша с темными волосами и загадочным блеском ореховых глаз, всегда заставлял ее улыбаться. Непривычное, уже полузабытое ощущение.

Лиэн замерла, подала им знак. Они последовали ее примеру и остановились, настороженно прислушиваясь.

- Нет, - сказала Лиэн с тщательно скрываемым облегчением. - Показалось.

Риони медленно выдохнула.

Вот уже несколько дней они брели по голой равнине с потрескавшейся от недостатка влаги землей. Чахлые деревца,

жухлая трава и валуны – все, чем могли порадовать эти негостеприимные земли. Неудивительно, что они не встретили здесь людей.

Снова вспомнилась Шала – чистая, уютная, зеленая. Вспомнилось озеро, в прозрачную прохладу которого Риони так любила погружаться жаркими деньками. Вспомнила, как дядя учил ее, мелкую, плавать, и она, задыхаясь от страха и восторга, неистово молотила руками по воде. Как они с Энцо брызгались, шутливо боролись, вдоволь наглотавшись воды. Вспомнила, как выходила из озера, нагая, прикрывшись мокрыми волосами – сирена, русалка, наяда. Тогда Риони еще не знала, что ее стихия – огонь. И Энцо, лежа на траве и подпирая голову рукой, смотрел на выходящую из воды Риони, и от этого взгляда ее щеки горели. Но отчего-то совсем не было стыда...

Вот бы вернуться туда хотя бы на несколько мгновений... Вернуться в те дни, когда не было Теней, а Тьма казалась лишь безобидной загадкой природы, ее прихотью, одной из странностей богатого на чудеса Альгардеса.

Горячие слезы обожгли глаза, когда Риони подумала о маме, об их глупой размолвке за несколько минут до того, как мир перевернулся. Она до сих пор не могла прогнать терзающее ее чувство вины, не могла простить себя и перестать корить за ссору. За то, что было сказано. За все слова, которые могла сказать, но так и не сказала. Простые, но такие важные слова.

Риони смахнула выступившие в уголках глаз слезы и ускорила шаг.

Пустырь казался бесконечным. Они все шли и шли, а виднеющийся вдалеке лес и не думал приближаться. По словам Бье, там, за лесом, раскинулся небольшой, но уютный городок Калмая. Риони смутно припоминала, что дядя частенько

наведывался туда за зельями и припасами. Бье уверял: нужно преодолеть лишь одну преграду – лес, что разделял равнину и Калмаю, и тогда они окажутся в безопасности.

А главное – среди людей.

– Откуда ты знаешь? – со вздохом спросила Хели – юркая, ладная, словно ласка.

Глядя на Хели, такую хрупкую и миниатюрную, Риони с трудом могла поверить, что передо ней – одна из лучших охотниц в провинции Галохара. Слишком милым и трогательным был образ сероглазой пепельноволосой куколки, с лица которой не сходила улыбка. Однако первое впечатление было обманчивым. Стоило Хели почувствовать опасность, она молниеносно выхватывала с наплечья лук, черты хорошенького лица заострялись, глаза возбужденно сверкали, выискивая жертву. В такие моменты она казалась и прекрасной, и опасной одновременно.

– Что, если и там нас поджидают Тени?

Бье замотал головой.

– Тени не могли уничтожить всю Калмаю. Я слышал, что в городе есть даже несколько чародеев – не думаю, что Теням удалось их одолеть. К тому же... даже если там действительно нет живых, нам все равно нужно куда-то идти. Не стоять же на месте, ожидая, пока Тени до нас доберутся.

На какое-то время между путниками воцарилось молчание. Напряженное, потрескивающее в воздухе – как готовые обрушиться с небес на землю молниевые нити.

Риони первой добралась до высокого, поросшего небольшими кустами холма. Вскарabкалась на вершину, держась за торчащие из земли кусты, оглядела простирающийся внизу лес.

- Отсюда он кажется таким огромным, - тревожно заметила Хели. Обычно живая и разговорчивая, сегодня она что-то притихла.

Риони кивнула, оглядела четверку друзей, застывших позади.

- Вы уверены, что нам стоит входить в лес? Он действительно кажется опасным. Если мы заблудимся...

- То что? - пренебрежительно бросила черноволосая и черноокая красавица Лиэн. - Мы все равно уже очень долго не видели никого из людей.

- Но где-то же они есть, - резонно заметила Риони.

- Не волнуйся, лес я знаю превосходно, - заверил ее Бье. - Я еще ребенком излазил его вдоль и поперек.

Риони с сомнением качнула головой. Лес уходил за горизонт, казалось, ему не было ни конца, ни края. Себе она могла признаться, что боится этого исполинского леса, но признаться в слабости друзьям гораздо сложнее.

Желая окончательно развеять ее сомнения, Бье добавил:

- Хели - отличная охотница, с ней нам никакие Тени не страшны.

- Сомневаюсь, что обычные стрелы так уж опасны для Теней, - подал голос молчавший до сих пор Гвел.

Он никогда не отличался особой разговорчивостью, к чему все давно уже привыкли. Риони нравился Гвел - не так сильно, как он нравился Хели, но все же... Была в нем какая-то спокойная уверенность, непоколебимость, едва различимая за обычной хмуростью лица.

- Зачарованных-то нам все равно негде взять. - Бье пожал плечами.

От Риони заметила украдкой брошенный на нее взгляд Лиэн. Ну конечно, Риони же единственная из них, кто обладал

магической силой. Но что с того, что в ней таился дар саламандры, если она могла использовать лишь одну его грань – невосприимчивость к огню, которая сейчас была совершенно бесполезна?

Вся четверка, почти синхронно, повернулась к ней. Они ждали ее ответа. Это в очередной раз удивило Риони. Она была самой молодой из них – Тени напали на Шалу за месяц до ее восемнадцатилетия. Свой день рождения Риони встретила в пути, убегая от преследующих ее Теней и собственных кошмаров. Она нашла их – Гвела, Лиэн, Хели и Бье, одного за другим – таких же беглецов, ищущих спасения и пристанища. Они прислушивались к ней, они ей верили, и это осознание грело душу.

Прикрыв глаза, Риони принялась рассуждать вслух:

– Вокруг леса – безлюдно, и до сих пор нам не встретилось ни одной Тени. В лесу опаснее, но там есть еда – ягоды, грибы, а, главное, мясо. Которое нам добудет Хели. – Риони перевела взгляд на подругу, и та с готовностью кивнула. – Значит, решено – идем в лес. Но Бье... прошу, будь внимателен. Так, как ты, этого леса не знает никто.

Он подмигнул и быстро сбежал с холма. Неодобрительно качая головой, Лиэн спустилась следом – медленно и осторожно. Гвел протянул руку Хели и та, зардевшись, ее приняла. Риони не могла сдержать улыбки, когда смотрела на эту парочку. Нашествие Теней стало для людей настоящей трагедией, но в истории Гвела и Хели нашлось место проблеску света – случившееся соединило две родственные души.

Поддавшись неведомому порыву, Риони помчалась вперед – и вниз, с вершины. Почти нагнала Бье в основании холма, заслужив его одобрительную ухмылку.

– Быстро учишься, ящерка, – рассмеялся он.

Ящеркой Бье стал называть ее с самого первого дня знакомства, как только Риони рассказала ему, что она – саламандра. Так нарекли огненных стихиалей – по названию огненных ящеров, живущих в кострах и жерлах вулканов.

Лиэн догнала их. Вперила тревожный взгляд в приближающуюся стену леса.

- Не нравится мне эта затея, – вполголоса призналась она.

- Лиэн, не будь трусихой, у тебя у единственной целых два кинжала! – воскликнул Бье.

- Я танцовщица, а не воин, – бросила черноокая.

Ускорила шаг, чтобы их обогнать. В этом была вся Лиэн – что бы она ни говорила и как бы ни боялась того, что скрывал лес, но войти в него хотела первой. Она во всем и всегда стремилась быть первой.

- Ящерка, – замороженно протянула Соня.

- Я знала, что тебе понравится, – рассмеялась я. – Это, конечно, не твои любимые фениксы...

Собственные слова натолкнули меня на мысль, плеснувшую в душу едкой горечи. В старых альбомах Сони не было фениксов – быть может, тогда до этого мифа она еще не добралась, а может, до недавних пор огнедышащие драконы, хрупкие феири, устрашающие великаны и прочие создания больше ее привлекали. Но последний альбом, самый свежий... он был полностью посвящен фениксам. Неужели из-за их особенности – умерев, воскреснуть?

Неужели Соня боялась... умереть?

- Читай, Ди, читай!

Я заставила себя продолжить.

Бье и Риони повстречали Лиэн у заброшенного дома на границе Вижон и Галохары – небольшой провинции близ Края мира, к которой принадлежала и Шала.

Странное это было зрелище: красотка с гладкими черными волосами, облаченная в ниспадающее до пола ярко-алое платье, стояла рядом с мертвой лошадей и опрокинутой на бок каретой. Но в темных-темных глазах не было испуга. Скорее – злость и недоумение.

– Да что тут творится! – завидев их, вместо приветствия гневно воскликнула Лиэн – словно это именно они с Бье виновны в происходящем.

– Что с тобой случилось? – мягко спросила Риони.

– Я мало что успела заметить из окна кареты, – с неохотой призналась Лиэн. – Увидела, как мелькнуло что-то, похожее на большущую тень. Услышала крик кучера, а потом мы перевернулись. Я ударилась, даже, кажется, сознание потеряла. Кое-как выбралась из кареты и увидела мертвую лошадь. Собственно, это все.

– А где же тогда кучер? – Риони, нахмурившись, осматривала дорогу.

– Может, утащили Тени? – предположил Бье.

– Но зачем? Ты видел, чтобы они так делали?

– Я – нет, но... кто их разберет. Думаю, они не просто так нападают на людей и вытягивают из них жизненные силы. Мне кажется, они этими силами питаются. А если я права, то почему бы Теням не оставить «еды» про запас?

– Подождите, – вклинилась Лиэн. – Что за тени? Вы вообще о чем?

Риони рассказала ей все, что знала. О странных, сотканных из тьмы фигурах, нападающих на людей и высасывающих их энергию до последней капли.

- Мать всего сущего, - пробормотала Лиэн. - Если эти ваши Тени бродят неподалеку, нам лучше поскорее убраться отсюда!

- Я бы посоветовал тебе для начала переодеться во что-то более подходящее для путешествия, - насмешливо произнес Бье.

- А я не нуждаюсь в советах. - Лиэн смерила его надменным взглядом прекрасных бездонных глаз.

Помнится, Риони тогда подумала - ей бы, девушке, в которой не было ничего примечательного, такие черные глаза, тонкие черты лица и ладную фигурку... И тут же кольнула усталая мысль: а зачем? А не все ли равно?

Энцо любил ее и такую - слишком обычную, слишком худую и совсем не изящную...

Но не только Риони потеряла близкого человека. Во время блуждания по провинции Бье рассказал о своей девушке, Наис. Когда на их деревню напали, многие бросились бежать. Среди них были семьи Наис и Бье. Влюбленные до последнего старались держаться рядом, но последний бой с Тенями их разлучил. Пока Бье, как мог, отбивался от Тени, отец Наис схватил свою дочь за руку и вместе с ней скрылся в роще. Победив врага, сотканного из Тьмы и пришедшего из Тьмы, Бье побежал за ними, но найти не сумел. Брат, помогавший ему убить Тень, был выпит ею до дна. Бье остался один, разом потеряв и девушку, и брата.

Лиэн вынула из недр опрокинутой кареты дорожную сумку. Приказала Бье отвернуться и торопливо переделалась в скромное платье, которое, тем не менее, великолепно сидело на ее фигуре. Риони со вздохом подумала про себя, что таким невероятным девушкам идет все, что бы они ни надели.

Образ довершил пояс, оснащенный двумя ножнами с клинками. Увидев парные кинжалы Лиэн, Бье изумленно присвистнул.

- Я же знала, что еду к Краю мира, - пожав плечами, бросила она.

- А, кстати говоря, зачем ты приехала? - любопытствовала Риони.

Лиэн долго не отвечала, но все же с видимой неохотой произнесла:

- Навестить друга.

- В таком наряде? - фыркнул Бье. - Должно быть, это очень дорогой тебе друг.

Взгляд Лиэн стал обжигающе-острым.

- Перед самой поездкой я выступала, - сухо сказала она. - Не было времени, чтобы сменить платье.

Позже Лиэн рассказала Риони, как танцевала перед Иллирэ - самой королевой-богиней. Признаться, ей с трудом верилось в эту историю. Однажды Лиэн показала друзьям по несчастью свое искусство, и ее танец был действительно прекрасен - прекраснее всех, что Риони доводилось видеть. Наверняка Лиэн не раз танцевала перед знатными леди, но выступать перед королевой Иллирэ, в ее знаменитом летающем дворце...

И это была не первая загадка черноокой красавицы. Она так и не призналась, зачем приезжала в Галохар из Трастена - большой, процветающей провинции близ Сердцевины Альгардеса.

Отделялась лишь общими фразами - о некоем друге, который находился при смерти, и которому была нужна ее поддержка.

Риони и сама не могла понять, отчего ее настолько смущали слова Лиэн. И все-таки казалось подозрительным, что леди благородных кровей оказалась почти на самом Краю мира, так далеко от дома.

Какая-то недосказанность крылась в словах прекрасной танцовщицы...

Некая тайна, открывать которую она не спешила.

- Хм... - глубокомысленно произнесла Соня.

Я едва сдержала смех - такой не по возрасту серьезной и сосредоточенной она сейчас казалась. Ни дать ни взять, Шерлок Холмс, взявшийся разгадать очередную загадку, у которого вместо трубки во рту был стащенный с тумбочки леденец на палочке.

- Понравилось?

- Понравилось, - с хрустом раскусывая леденец, кивнула Соня.

- Тогда до следующей истории, медвежонок. - Я наклонилась и звонко поцеловала ее в лоб.

Уходя из комнаты сестры, я улыбалась.

Я стану твоей Шахерезадой, София.

Глава четвертая. Не оставляй меня

- Вы сдружились, как я погляжу, - с улыбкой заметил дедушка.

Ловко перевернул гренку и налил мне кофе. Сам он не признавал ни соки – даже свежавыжатые, ни молоко, ни кофе, и был заядлым «чаеманом». Лучший для него подарок на любой праздник – коробка чая самых экзотических сортов.

– Ей плохо после каждой химии, – вздохнула я. – Мне хочется... хочется хоть как-то сделать ей приятное.

– Но дело ведь не только в этом?

Я дернула уголком губ. Дедушка всегда меня – всех нас – видел насквозь. Обеими руками обняв чашку, я глотнула обжигающий сладкий кофе.

– Я и не знала, что она... такая. Веселая. Храбрая – ни разу за все это время не пожаловалась. Талантливая...

Если бы не лейкемия, я никогда бы не узнала, какая она – моя сестра. Я бы продолжала жить в своем мире, а Соня – в своем, параллельном. А параллельным линиям, как известно, пересечься не суждено.

– Я была ей плохой сестрой и плохой подругой, – тихо сказала я. – Почему я поняла это только сейчас?

– Помни, Диана: измениться никогда не поздно. Истина простая, но о ней отчего-то часто забывают. Куда легче сказать «я плохой», чем попытаться исправить собственные ошибки. Потому что говоря «я плохой», ты снимаешь с себя всю ответственность за свои слова и поступки. Куда сложнее измениться. – Помолчав, он добавил: – Да, ты была плохой сестрой. А станешь хорошей.

Странное дело: я и сама признавала, что была неправа, но слышать это от бабушки... стыдно и больно.

Я вздохнула.

- Ты видел, как Соня рисует?

Бабушка кивнул. Пока я впивалась зубами в гренку, он пил крепкий чай. Бабушка любил повторять, что в его возрасте не помешала бы диета. Врал он все. Для своих лет - через несколько месяцев ему исполнится шестьдесят пять, он выглядел просто прекрасно. Подтянутый, поджарый, энергичный - даст фору многим, кто ему в сыновья годится. Тем, кто только и делает, что целыми днями лежит на диване, отращая пивной живот.

Вот уже несколько лет бабушка неукоснительно следовал собственному распорядку дня. Утром - плотный завтрак: сваренные вкрутую яйца, хрустящие гренки и черный чай. Потом он читал газету в гостиной перед выключенным телевизором - его бабушка не жаловал. Днем выходил на прогулку - и гулял по Н-ску до самого вечера, навещая знакомых или просто блуждая по паркам и улочкам. Раньше он гулял вместе с бабушкой, теперь... всегда один. Вечером он приходил в одно и то же кафе, где раньше всегда заканчивалась их с бабушкой долгая прогулка. Говорил, что там подают вкусный чай.

Когда я думала об этом, когда представляла, как он сидит в кафе в одиночестве, вспоминая об их былых неторопливых беседах, у меня сердце ныло от тоски.

Словно подслушав мои мысли - говорила же, бабушка насквозь нас видит, он вдруг наклонился ко мне и тихо сказал:

- Цени то, что у тебя есть, Диана. К сожалению, человек так устроен, что по-настоящему понимает ценность событий и людей, только когда они останутся в прошлом. Это неправильно, счастье не должно жить только в воспоминаниях. Нужно уметь дорожить настоящим. Понимаешь?

Я неуверенно кивнула. Дедушка отставил в сторону чашку, взглянул в окно отстраненным, ищущим взглядом.

- Бабушка знала, что я ее люблю. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мог бы сделать для нее гораздо больше. Лишний раз налить ей чай, лишний раз накинуть плед на плечи, лишний раз смолчать, не допустив глупой ссоры. Никогда не бывает слишком много заботы, нежности и теплоты.

- Ты думаешь... - Слова острыми кусочками льда застряли в горле. Я боялась, что если озвучу их - вселенная услышит. И отомстит, претворив их в жизнь.

- Мы сделаем все, чтобы спасти ее, слышишь? - Дедушка положил на мою ладонь узловатую руку. - Но как бы ни было ужасно и жестоко то, что сейчас происходит, судьба дала тебе шанс узнать родного тебе человека, узнать, что такое настоящая дружба и сестринская любовь. Непусти его.

Я с усилием кивнула, пытаюсь загнать слезы обратно. Не хватало мне еще разрыдаться перед дедушкой. Мы все держались, как могли. Никто не выказывал отчаяния и страха, словно подчиняясь некоему регламенту. И если даже сама Соня не плакала, я плакать не имела права.

- В N-ске хорошие врачи. Да и ваша мама крутится как белка в колесе. Вероника списалась с каким-то столичным врачом, он

работает в компании, которая занимается разработкой лекарств. Сейчас они тестируют один экспериментальный препарат. Но он... довольно сильный. Его применяют только тогда, когда обычная химиотерапия уже не помогает.

- Но пока же помогает, верно?

Дедушка вздохнул.

- Скоро Софии придется вернуться в больницу для новых анализов. Тогда и будет ясно. Но если ее состояние ухудшится... у нас остается надежда на новый препарат. Если он пройдет все испытания.

Я отставила тарелку в сторону. Аппетит пропал.

- Диана, нужно поесть. Не заставляй меня говорить с тобой, как с маленькой.

Я слабо улыбнулась, но в гренку послушно вгрызлась. Желая перевести тему разговора - хотя бы ненадолго изгнать из головы мысли, от которых было больно дышать - спросила:

- Думаешь, это не слишком глупо? Ну, то что я снова начала писать?

Дедушка улыбнулся.

- Как это может быть глупым, родная, если ты можешь сделать свою сестру чуть счастливее?

Я улыбнулась в ответ, но пришедшая в голову мысль стерла улыбку. Я вдруг поняла, что до позавчерашнего дня Соня показывала рисунки только дедушке. Мне вдруг стало грустно. И капельку обидно. И все же... никто, кроме меня, в этом не был виноват. Я собственными руками разрушила нашу дружбу, без

зазрения совести начисто забыв о сестре. Вычеркнув ее из своей жизни, превратив в невидимку в собственном доме.

В комнату к Соне я поднималась с тяжелыми мыслями. Но они ушли, стоило мне только окунуться в выдуманный мир.

Энцо гладит ее по щеке, и эти невинные прикосновения отзываются легкой щекоткой, а после – обжигающим жаром. Будто бы одно его касание превращает ее кровь в жидкое пламя. И Риони тает, как ледяная статуя, плавится, как воск свечи. И, не боясь сгореть, шепчет: «Люблю».

Ее голова лежит на груди Энцо, его рука нежно ее обнимает. Риони поднимает голову, тянется к нему, касаясь его губ губами. И хочется заставить время остановиться – чтобы этот поцелуй не кончался никогда.

– Она скучает по нему, – грустно сказала Соня. – Поэтому он постоянно ей снится.

За потрясающий рисунок, на котором была изображена хрупкая тоненькая девушка с закрытыми глазами, застывшая напротив эфемерной Тени, она совершенно заслуженно получила от меня конфету-суфле в виде медвежонка. Развернула фантик и сунула лакомство в рот, на мгновение зажмурившись от удовольствия.

– Скучает, милая.

– А ты... тебе нравится целоваться? – вдруг любопытствовала Соня, сделав хороший глоток чая.

Привычку выпивать по несколько кружек в день мы переняли, конечно же, от деда – мама в основном пила свежавыжатый сок, как все успешные деловые леди. Вот только наши с Соней вкусы немного разнились: сестра любила черный чай с фруктовыми нотками, я же предпочитала полезный для фигуры зеленый – какая семнадцатилетняя девушка с красавцем-парнем не думает о фигуре?

Однако теперь Соня полагался исключительно витаминный «чай» без кофеина – настои шиповника, смородины или рябины. Вкусно и полезно, но, как потомственный чаеман, к подобной перемене Соня привыкла не сразу.

Я рассмеялась.

– Думаю, да. Нравится.

Подумала об Артеме – он скоро должен был вернуться с соревнований. Мы не виделись вот уже три недели, и раньше я бы с ума сходила от скуки по нему и желания его увидеть. А сейчас... что я чувствовала сейчас? Да, Артем превосходно целовался. Да, он был великолепно сложен и красив. Но... Я вдруг поняла, что впервые за последние несколько дней почти не думаю о нем. Соня и юная саламандра Риони украли все мои мысли.

Даже наши разговоры по телефону стали короче и... формальнее, что ли. Будто мы оба понимали – нужно позвонить, и звонили. И все же я ждала его возвращения. Уверяла себя – он вернется в N-ск, и все станет как раньше. И только потом приходило понимание: как раньше уже не будет никогда.

– Бабочки в животе, – сморщила носик Соня.

– Всегда терпеть не могла это выражение, – призналась я. – Непохоже это на бабочек. Совсем непохоже.

– А на что похоже?

Я задумалась. Чуть было не ляпнула – химию. Горло словно ножом резануло, и слова застряли на губах. Соня знала совсем иное значение этого слова. Все бы отдала, чтобы она никогда его не узнала.

– Это... как маленький фейерверк, – наконец сказала я, – от которого расходятся искры – мурашки бегут по коже и щеки горят от волнения. Он распускается в груди – бабах! – Я сжала руки в кулаки и резко разжала. – И в такт ему быстро бьется сердце. И вообще, рано тебе знать о поцелуях. Я сама в первый раз по-настоящему поцеловалась в пятнадцать лет.

– Это долго, – вздохнула Соня.

Я щелкнула ее по носу.

– У тебя все еще впереди. Слушать будешь?

– Буду! – с готовностью отозвалась она.

Крутой склон, поросший невысокими деревцами, сменился равниной. Деревья здесь были выше и толще, они тянули свои кроны к самому небу – ясному, безоблачному. Солнце слепило – у королевы Весны, дочери Иллирэ, сегодня было превосходное настроение. Должно быть, летающий дворец королев Альгардеса война не коснулась.

Теперь, когда уже не нужно было подниматься вверх, цепляясь за ветки растущих на крутом склоне деревьев, идти стало намного легче.

Риони остановилась на мгновение, делая вид, что внимательно осматривает окрестности. На самом деле ей просто нужно было восстановить сбившееся после долгого подъема дыхание.

Показывать друзьям свою усталость она не хотела. Из всей пятерки Риони и Лиэн были самыми неподготовленными к долгому и трудному путешествию. Но Лиэн помогало ее танцевальное прошлое – она без труда пробиралась через частокол стволов и переплетение сухих ветвей, легко перепрыгивая через валуны и упавшие деревья. Поднимаясь на склон, даже не запыхалась – лишь раздумянулась, что придало ей еще больше очарования.

– Так тихо... – В голосе Хели явственно прозвучала тревога.

Риони тоже было не по себе от повисшей в воздухе неестественной тишины. Не пели птицы, не шелестел ветер. Нервно передернув плечами, она сказала:

– Скоро стемнеет. Нужно остановиться и развести огонь.

Судя по тому, что Риони довелось видеть, пламя отпугивало Теней – если только речь не шла о Тенях из Шалы. Наверное, именно близость к Стене, к Тьме, сгустившейся за Краем мира, позволила им уничтожить деревню. Позволила сделать своего врага – пламя – своим оружием.

Иллирэ свидетель, как не хотелось Риони зажигать огонь – в памяти еще были живы кошмарные картины прошлого. Тень, выдыхающая пламя, как огнедышащий дракон из сказок, которые в детстве ей читала мама; горящие как огромные факелы люди – все, кого Риони знала и любила. Дом дяди, полыхнувший в одно мгновение – никакой огонь не был способен на такое, а значит, пламя, что исторгали из своего нутра Тени, таило в себе иную, враждебную магию.

Нетрудно догадаться, какую. До сих пор Риони приходилось слышать лишь о четырех стихиях: вода, воздух, земля и огонь. С

приходом Теней магия порождений Тьмы просочилась в плоский мир, меняя и безжалостно его разрушая.

Бье вызвался собрать хворост, Хели под руку с Гвелом направились осматривать ближайшие кусты в поисках съедобных ягод.

- Не уходите далеко, - крикнула им Риони.

Парочка кивнула вразнобой и углубилась в лесную чащу. Лиэн игралась с клинками - кружила по поляне, разя невидимого противника зажатými в обеих руках кинжалами. Риони невольно залюбовалась ей - грациозной и смертоносной. Вздохнула мечтательно:

- Мне бы так научиться...

Лиэн остановилась, послав ей насмешливый взгляд.

- Брось, это просто танец с особыми... атрибутами. - Она кивнула на кинжалы. - Я совсем не уверена, что буду так же ловка, когда столкнусь с Тенью лицом к лицу. Танцевать я умею - что есть, то есть, но сражаться - нет. Я брала несколько уроков, но относилась к этому не больше, чем к своеобразной игре. Если бы знала тогда, как скоро мне выпадет шанс проверить свое мастерство, отнеслась к этому посерьезнее...

- Никто не знал, что будет так, - тихо сказала Риони. Помолчав, добавила: - Что-то Бье запропастился - похоже, помощь в собирании хвороста ему не помешает.

Лиэн кивнула, но пойти с ней не вызвалась. Вместо этого возобновила свой необычный танец. Сухие ветки ломались под ее ногами, прошлогодняя листва летела в стороны, но танцовщица ни разу не сбилась с такта.

Бье Риони нашла неподалеку. Увидев ее, он ухмыльнулся.

- Так и знал, ящерка, что ты придешь. Ты жутко нетерпеливая.

- А ты жутко медлительный, - передразнила его Риони.

- Просто осматриваюсь. Я давно не был в лесу. Не до того было.

Риони молча принялась собирать хворост. Неподалеку раздавались голоса Хели и Гвела. Тревога, змеей обвившая сердце, как только они вошли в лес, понемногу отпускала. Риони нагнулась, подобрала с земли несколько тонких веток. Выпрямившись, окаменела, когда краем глаза заметила мелькнувшую сбоку тень. Хворост выпал из ослабевших пальцев.

Риони знала, что должна предупредить Бье, но не могла выдать ни слова. Губы просто не слушались. Онемели, как и все тело – от пальцев ног до макушки. Кожа будто покрылась корочкой льда. Риони превратилась в ледяную статую – безмолвную и совершенно беспомощную.

Тень была бесшумна – даже в этой неестественной для леса тишине Риони не слышала ни звука. Но знала, что Тень рядом.

В нескольких шагах от нее Бье, и не подозревая о таящейся за его спиной угрозе, добавил еще одну ветку к вязке с хворостом. Риони попыталась его окликнуть, открыла рот, но из горла вырвался лишь жалкий хрип. Даже голос ее подвел – как и тело, его сковало всепоглощающим ужасом. Она поняла, что не дышит уже около минуты – с тех самых пор, как увидела Тень. Голова кружилась от недостатка воздуха, волна паники, зарождающаяся где-то глубоко внутри, грозила накрыть с головой. Риони сделала неглубокий, короткий и судорожный вздох.

И возненавидела себя. За слабость, за страх, контролировать который была не в силах. За то, что своим молчанием обрекала их обоих. Если ее смерть была неизбежна – Тень наверняка уже заметила ее, – то у Бье еще оставался шанс спастись.

- Бье, - собрав по крохам силы, шепнула Риони. Шепот вышел таким тихим, что она сама едва себя расслышала. Выдохнув драгоценный воздух, попыталась снова: - Бье!

Он обернулся, удивленный - должно быть, расслышал ужас в одном коротком слове.

- Беги, - приказала Риони, цедя слоги сквозь плотно сжатые зубы - сжатые, чтобы не выбивали позорящую ее перед другом дрожь.

Бье мотнул головой. Осторожно опустил хвост на устилающую землю листву. Выпрямился, настороженно глядя поверх ее плеча.

- Она рядом? Она возвращается? - непослушными губами выдавила Риони.

- Недалеко. Но знаешь... она будто не слышит нас.

И тут Риони увидела ее снова - Тень лениво проплывала мимо. Полупрозрачный сумрачный шлейф, тянущийся за тварью, скользнул по обнаженной руке Риони. Вернулось уже позабытое ощущение, будто из нее высасывают жизнь. Мерзкое чувство исчезло, когда порождение Тьмы проплыло вперед.

Бье проводил Тень отрешенным, застывшим взглядом. Она скрылась меж деревьев, растворившись в их тенях.

Риони шумно выдохнула. Разом лишившись сил, упала на колени прямо на ковер из листьев. Ноги просто отказывались ее держать.

- Что сейчас произошло?

Риони облизнула пересохшие губы. Взглянула на Бье в надежде, что он сможет хоть что-нибудь прояснить. Но Бье находился в таком же замешательстве, как и она сама.

- Не знаю, ящерка, - тихо ответил он.

- Тень не заметила нас. Почему? И почему она появилась сейчас? Разве они могут существовать при свете дня?

- Может, потому и не заметила, что солнечные лучи ослабили ее магию? - предположил Бье.

- Не думаю, - хмуро ответила Риони. - Но... хорошо, если бы это было так. Иллирэ благословенная, что я говорю... - Помолчала, подбирая слова. - Если Тени могут существовать и днем, притом сохраняя свою силу - это очень, очень плохо. Тогда выходит, что против них мы практически бессильны. Но если днем они слабы - это хоть какой-то, но шанс.

- Понимаю. - Бье кивнул.

Взял ее дрожащую ладонь в свои теплые руки. Стало чуточку легче. Страх отпустил, но не ушел окончательно - она это знала. Лишь затаился в ожидании подходящего момента... чтобы напасть снова. Напасть и терзать, высасывая из Риони душу, подобно тому, как это делали Тени.

Будто ей мало было кошмаров.

В ее мысли ворвался негромкий голос Бье:

- Как думаешь, что нужно Теням?

- Не знаю. Вряд ли в их появлении в той или иной точке Альгардеса есть какая-то конкретная цель. Знаешь... Они представляются мне эдакими странниками, бесцельно бредущими по миру. А мы для них - не больше, чем пища. Мы ведь не задумываемся, что испытывает лань, когда ее убивают? Просто пускаем в нее стрелу, а потом едим. Думаю, для Теней мы - испуганные лани.

- Тогда я докажу им, что я не какая-то там добыча! - жестко сказал Бье, непроизвольно сжав мою ладонь в своей. Поняв это, извиняюще улыбнулся.

Риони промолчала. Не потому, что не восхищалась Бье и его силой духа. Потому, что не могла сказать того же самого. Риони чувствовала себя чужой добычей. Еще как чувствовала.

- Это ненадолго! - сжав кулачки, воскликнула Соня. - Риони им еще покажет!

Я улыбнулась, глядя на нее. Ощущая теплоту там, где прежде билось равнодушное сердце. Она боец. Настоящая юная воительница.

- Конечно, покажет, - кивнула я. - Саламандры никогда не сдаются...

- Не хочу, не хочу, не хочу!

Только вырвавшись из вязкого плена кошмара, Риони поняла, что кричала наяву. Горло саднило от неистового крика, лицо было мокрым от слез.

Ей снилось что-то... что-то очень важное... то, что она мучительно пыталась забыть...

- Все хорошо. - На лоб легла прохладная ладонь Хели. В голубых глазах ее светилось беспокойство и участие. Сразу пришло успокоение, кошмар поблек и растаял. - Все хорошо.

Стало легче дышать, страх больше не клокотал в груди, понемногу стихая. В который раз Риони подумала о том, что без поддержки людей, которые за короткое время стали ей очень

близки, она просто не смогла бы пережить всех ужасов последних дней. Если бы не они, ее давно бы уже не стало.

Однажды Риони чуть не перешагнула порог, разделяющий жизнь и смерть – незадолго до того, как встретила Бье. Растерзанная на части одиночеством и нескончаемыми кошмарами, она стояла на вершине утеса и смотрела в раскинувшуюся внизу пропасть. Едва не сделала тот роковой шаг, который стал бы последним в ее короткой и почти бесцветной жизни, которая расцвела яркими красками лишь с появлением в ней Энцо. Уже представляла, как летит вниз, раскинув руки словно птица. Втайне надеясь, что смерть ей будет послана раньше, чем тело ударится о жесткий холодный камень, и боли почувствовать она не успеет – сердце разорвется в полете.

Риони до сих пор не знала, что остановило ее тогда. Но какой бы горькой, безрадостной и беспросветной ни казалась жизнь, она все же была не готова от нее отказаться.

Хели ласково улыбнулась ей, стирая из памяти обрывки тяжелых воспоминаний. Риони вновь улеглась на покрывало и закрыла глаза. Кошмары отступили, трусливо поджав хвосты, и больше тронуть ее не посмели.

Во всяком случае, в эту ночь.

«Не оставляй меня, Энцо», – засыпая, просила Риони. – Пускай я навсегда тебя потеряла... Не оставляй меня хотя бы во снах».

На этот раз Соня молчала дольше обычного.

– Хорошо, что Риони передумала, – наконец хмуро бросила она. – Сдаваться нельзя. Даже если будет очень-очень трудно...

- Да, медвежонок, - выдохнула я. - Но знаешь, те, в чьем сердце горит огонь, никогда не сдаются.

- Огонь? - Меж бровей пролегла тонкая морщинка.

- Любовь, желание защитить кого-то очень близкого...
Заветная мечта, страсть к любимому делу... То, что толкает тебя вперед, что делает тебя особенным, ни на кого не похожим. - Я прикрыла глаза, пытаюсь собрать разлетающиеся мысли. - Это как карандашный набросок, который раскрасили акварелью. Есть люди пустые, полые внутри, в них нет ничего, кроме черно-белых штрихов. Есть люди, в чьих сердцах горит огонь - они яркие, живые и настоящие.

- А во мне есть огонь? - робко спросила Соня.

- Целый костер, - шепнула я.

Уходя, я задержалась на пороге. Оглянулась на сестру. Бледная, изможденная, а на губах - мечтательная улыбка. Знаю - стоит мне уйти, Соня бросится к альбому и краскам.

«Саламандры никогда не сдаются». Пусть это станет нашим девизом.

Глава пятая. Время перемен

Впервые за долгие годы я чувствовала, как от предвкушения написать новую главу зудят кончики пальцев. Будто так и просятся поскорее прикоснуться к клавиатуре.

Сидя перед ноутбуком, задумалась, вспоминая, когда именно бросила писать. Мне было тринадцать. Мои новые подруги, узнав о моем увлечении, его осмеяли. Не будь я так зависима от чужого мнения, могла бы отстаивать свое право писать и творить. Но с подругами было весело, они, будучи старше, открыли мне вход в манящий мир почти-взрослых. Нет, тогда я, разумеется, считала нас взрослыми. Теперь и думать об этом смешно. Я тринадцатилетняя была куда глупее и инфантильнее Сони.

Потом у меня появился первый парень. Хотела бы сказать, первая любовь, но до любви дело так и не дошло. Так, разве что симпатия – и некая благодарность семнадцатилетнему привлекательному мальчику, который обратил внимания на худую мелюзгу на пару лет его младше. А еще страх быть не такой как все – ведь у моих подруг к тому времени уже были ухажеры.

Уже тогда я видела, как реагируют на Соню другие: снисходительными взглядами, многозначительно вздернутой бровью, презрительными фразочками вроде «она на своей волне», которые только подчеркивали ее отчужденность. И я, тогда еще совсем не популярная, никому, кроме нескольких подружек, не интересная, что я сделала? Защитила ее от нападок? Говорила всем, какая она замечательная и «вообще отстаньте от нее, она моя сестра»? Нет. Вместо этого я лезла из кожи вон, чтобы в глазах одноклассников не стать такой, как Соня. Чтобы заработать «престиж» – мамино любимое словечко.

И она, бывшая королева школы, немало мне в этом помогла. Я, отличница, подкупала будущих друзей ответами к контрольным и тестам, а потом, когда мы встали на ноги –

подарками, которые вручала просто так, по поводу и без: недешевой косметикой, бижутерией, оригинальными безделушками, которые мама привозила из столицы. В те времена она часто ездила туда на курсы повышения квалификации, оставляя нас с Соней на няню. И предлагала мне по выходным «приглашать друзей, пока дом пустой». Мама хорошо знала, как важен «престиж», и в чем-то она была права, ведь в этой школе мне предстояло учиться еще десятки долгих месяцев. Но я-то, глупая, считала это единственно важным.

Я ошибалась.

Из отличницы я стала хорошисткой – а когда все успеть, когда день-деньской бродишь с новообретенными друзьями по N-ску в поисках развлечений? Мама не видела в этом ничего такого – «обычный процесс взросления и поиска себя», дедушка же неодобрительно качал головой. Сестру замечать я совсем перестала – на нее у меня просто не оставалось времени.

Я зло щелкнула по клавише, отправляя написанное в печать. Принтер, заворчав, выплюнул мне в руку два листка.

Еще не лишенная жалких остатков некогда роскошной гривы, Соня уже стеснялась своих волос. Красивый газовый шарфик, который мне подарили на день рождения, был обмотан вокруг ее головы, частично скрывая проплешины. Их становилось все больше, но говорить с мамой о бритье я не рисковала – слишком уж нервно она на это реагировала.

– Ты написала! – Голубые глаза на заострившемся личике зажглись восторгом.

Мне кажется, или Соня похудела? Рука, высунувшаяся из-под одеяла – кожа да кости. И вены слишком выделяются...

Я вздохнула, присаживаясь на край кровати. Хотела даже сказать: «Прости». Просто, чтобы она знала, что я сожалею.

Нет. Как-то глупо это. Словами ничего не изменишь. Если это не те слова, которые я сейчас держала в руках.

Вьющийся между деревьями ручей, вдоль которого они шли, резко вильнул в сторону. Идти становилось все труднее – дорогу преграждали густые заросли кустов. Приходилось буквально продирааться сквозь них, вовремя отводя ветки от лица. Платье цеплялось за торчащие ветки, но Риони уже перестала обращать внимания на треск рвущейся ткани.

Рядом сквозь зубы цедила ругательства Лиэн. Черноокая красавица с самого утра была не в духе. Она, городская леди, до сих пор не привыкла ночевать в лесу под открытым небом: на твердой земле, среди насекомых, жаждущих наброситься на благородно бледную кожу и полакомиться теплой кровью. За все утро танцовщица сказала не больше пары фраз.

Зато настроение Бье такая мелочь, как недавнее столкновение с Тенью и ночевка среди дикой природы, не могла испортить. Он ловко перепрыгнул через поваленное замшелое дерево и неторопливо последовал за Лиэн, насвистывая себе под нос смутно знакомую мелодию. Риони шла позади Хели и Гвела. Склонив головы друг к другу, они нежно перешептывались. В который уже раз Риони поймала себя на мысли: как же все-таки

эти, казалось бы, полные противоположности, идеально подходили друг другу!

Хели – светловолосая, яркая, милостивая, Гвел – с темными волосами и несколько грубоватыми чертами лица, чем-то неуловимо напоминающий Энцо. Хели – живая, темпераментная, никогда не впадающая в уныние, Гвел – задумчивый, постоянно погруженный в себя, даже угрюмый. Она импульсивна, он – рассудителен. Они дополняли друг друга, будто и впрямь были двумя половинками единого целого. Риони и не поверила бы, что такое возможно, если бы не видела своими глазами.

Она никогда не грезила о большой, невероятной любви, как многие ее подруги-ровесницы. Но все изменилось, когда она встретила Энцо. Потеряв любимого, Риони стала казаться себе неполноценной, а ее жизнь – половинчатой... И всякий раз, глядя на Гвела и Хели, она испытывала ощутимый укол зависти.

Тяжело вздохнув, Риони напомнила себе: у нее еще будет время для страданий, ненависти к судьбе и смирения с нею. Чтобы заново собрать себя по кусочкам и научиться жить без Энцо... для начала нужно просто выжить.

Вскоре кусты поредели, а затем и вовсе исчезли. Обогнавшая друзей Риони первой ступила на поляну. Обрадовалась передышке и открытому пятачку леса – «прогулка» по чередующимся шипами кустов изрядно ее вымотала.

Она с облегчением сбросила сумку с плеча и уселась прямо на устланную листьями землю – платье все равно было безнадежно испорчено. С некоторой завистью взглянула на наряд Хели – настоящий кожаный костюм охотницы, практичный и наверняка очень удобный. Одежда Риони едва пережила путешествие через дремучие заросли и вся изодралась: подол превратился в

лохмотья, на боку и на спине зияли прорехи, открывающие незащитную, исколотую шипами кожу.

Отдохнув с минуту, Риони поднялась, чтобы собрать немного хвороста. Как и она, остальные были совсем не прочь устроить небольшой привал. Гвел с Бье притащили откуда-то полусгнившее бревно, не без опаски на него уселись. Хели устроилась на коленях возлюбленного и уткнулась лицом в его шею. Глядя ее по спине и волосам, Гвел что-то вполголоса ей говорил. Лиэн отошла за край поляны и игралась с кинжалами, вонзая их в дерево, вынимая и бросая снова. Риони не уставала поражаться ее меткости – ни разу не случилось такого, чтобы кинжал не настиг намеченную для него цель.

Зябко ежась, она наблюдала за Бье, который вот уже несколько минут безуспешно пытался развести костер из собранного ею сушняка. День выдался холодным и пасмурным, и безумно хотелось хоть немного тепла и света. Не выдержав, Риони вырвала из рук приятеля добытое в одной из деревень огниво и взялась за розжиг.

– Ты же саламандра, – насмешливо протянул Бье, – не должна мерзнуть.

– Какая из меня саламандра... – буркнула она. И принялась яростно ударять кремь о кресало, вымещая на них свою злость.

Хели с готовностью подхватила мысль Бье:

– А я слышала, что саламандры умеют зажигать огонь одним только взглядом! Ри, тебе нужно попробовать!

– О чем ты говоришь? – с мукой в голосе бросила Риони. – Я даже костер разжечь не могу!

– Ты должна пытаться, – настойчиво сказала Хели. Добавила с усмешкой: – И я не о костре, а о твоём даре. Ты не знаешь, на что на самом деле способна. И не узнаешь – пока не попробуешь.

- Она права, Ри, - поддержал возлюбленную Гвел. - Ничто не дается просто так, по щелчку пальцев. Уж тем более магический дар.

- Дар, о котором ты прежде не имела никакого понятия. - Лиэн подошла ближе, возвращая кинжалы в ножны. - Думаешь, легко станцевать один-единственный танец? Со стороны все кажется простым, но попробуй повторить! Запомнить порядок движений, позицию тела, постановку рук, положение головы - все тонкости и детали, которые, только сложенные воедино, и рожают чувственный, завораживающий танец. Для этого нужны постоянные тренировки. И если ты хочешь чего-то достичь, тебе необходимо практиковаться - каждый день, а лучше - каждый час. Пытаться снова и снова, прислушиваясь к себе, заглядывая внутрь себя. И однажды ты поймешь, как управлять своим даром.

- Не знаю, - скептически отозвалась Риони. - Но... я попробую.

Искра наконец разгорелась. Хотелось бы ей сказать, что в этом помог дар саламандры, но... это не так. И это удручало. Снопом искр Риони подожгла мох и раздула из тлеющего трута пламя. Глядя на лица друзей, на которых читалось искреннее участие, дала себе слово, что сделает все возможное, чтобы попытаться пробудить в себе дар саламандры.

Огонь был совсем слаб - несмотря на хворост, который постоянно подбрасывал Бье, он никак не желал разгораться. В конце концов Риони махнула на него рукой - судя по всему, ее друзья не слишком замерзли, а саму ее попытки разжечь костер согрели.

Заглянув в сумку, Риони расстроено покачала головой - ягоды закончились, да и сухарей осталось совсем немного. Желудок настойчивым урчанием напомнил о том, что последний раз она ела несколько часов назад.

- Еда кончается, - вслед за ней заглянув в котомку, вздохнула Хели.

- Сухарей хватит на пару дней, - прикинула Риони. - Слава Иллирэ, что в лесу достаточно съестного, хотя... долго питаться одними ягодами и грибами - не дело. - Сказала мечтательно: - Сейчас бы хороший кусок зажаренной на костре оленины...

Подняв голову, Хели посмотрела на небо, затянутое тяжелыми дождевыми тучами.

- Сегодня вряд ли удастся поохотиться.

- Ладно, сегодня обойдемся тем, что есть, - легко согласилась Риони. - Но на всех ягод не хватит, так что нужно собрать еще.

- Я с тобой, - вызвался Бье - его взгляд был не менее голодным.

Они покинули поляну.

- Мне совсем не нравится эта тишина, - вполголоса, словно неосознанно боясь быть кем-то услышанной, сказала Риони. - Какая-то она... неестественная.

В округе Шалы не было леса, и ей никогда раньше не приходилось в нем бывать. Она не знала, как должен звучать для заблудших путников настоящий лес, но в этом и впрямь творилось что-то неладное. Ни трелей птиц, ни шороха травы под чьими-то маленькими лапками, ни топота ног и треска ломающихся веток...

Этот неправильный лес пугал ее. Утешало только одно - Бье, которому не раз приходилось бывать в этом месте, не находил в нем ничего устрашающего.

- Ящерка, это просто лес, - беззаботно отозвался он, когда Риони поделилась с ним своими мыслями. - Да, он странный, но он всегда таким был. Да и мало ли в нашем мире странностей? Взять хотя бы ту же Тьму... Разве ее существование никогда не казалось тебе неправильным?

Риони неопределенно пожала плечами. Она с детства привыкла к виду угольно-черной, непроницаемой стены за окнами, и воспринимала ее как данность, как некую причуду природы. Бье был прав – отчего же тогда обыкновенный лес внушал ей страх?

Она прошла место, где несколько минут назад собирала хворост, двинулась дальше, рассеянно скользя рукой по шершавой коре попадающихся навстречу деревьев. И остановилась как вкопанная.

В десяти шагах от Риони возвышалось высокое дерево, в немой мольбе тянущее свои голые руки-ветви в свинцовое небо. И все бы ничего, если бы не его угольного цвета кора. Дерево не казалось высохшим, оно просто почернело и потеряло листву, рассыпавшуюся у корней темным пеплом.

Риони вглядывалась в дерево. Что-то – помимо неестественно-черной коры – цепляло, смущало, резало глаз. Приглядевшись, она поняла: очертание ствола с одной стороны было неровным. Словно нечто пряталось за деревом, пытаясь с ним слиться. Нечто такое же черное...

Тень отделилась от дерева, прежде чем Риони успела предупредить Бье. Тут же услышала его негромкий – не испуганный, скорее изумленный – вскрик за спиной. Судорожно озираясь по сторонам, Риони увидела неподалеку точно такое же дерево с тонкими черными ветвями. И еще одну Тень, отделяющуюся от него.

Около десятка Теней почти одновременно выползли из своих укрытий.

К горлу подступил крик. Не в силах сдержать его, Риони закрыла рот рукой. Крик вышел сдавленным, глухим. Слезы отчаяния и страха душили изнутри, не находя выхода. В груди сдавило, стало нечем дышать.

Никто и никогда не вызывал у нее такой всепоглощающий, абсолютный ужас. Ужас, от которого судорогой сводило тело, сжимало легкие в невидимых тисках. Ей казалось, что сердце сейчас просто не выдержит и разорвется на части.

Риони отвернулась – не могла больше выносить пугающего зрелища. Перемежая тяжелое дыхание всхлипами, посмотрела на Бье, ища поддержки и невольно с ним прощаясь. Если ей суждено умереть, пусть ореховые с золотистыми искорками глаза станут последним в ее жизни воспоминанием.

Если ей суждено умереть... совсем скоро она увидится с мамой и Энцо. Они ждут ее там, она это знала.

С той стороны, где находилась поляна, показалась Хели. Судя по ее встревоженному лицу, она находилась неподалеку и услышала вскрик Бье. За ней появился Гвел, сжимавший в руках отцовский меч, и бледная больше обычного Лиэн.

Увидев Тень, Хели молниеносно сдернула лук со спины. Натянула тетиву, вставила длинную стрелу с темным оперением. Лиэн вынула из ножен кинжалы, но дрожь в руках свела на нет грациозность ее движений. В глазах каждого из них застыл страх – они смотрели в глаза собственной смерти и понимали это. Против десятка Теней им – обычным юношам и девушкам, не воинам, не бойцам – не устоять.

Лицо Бье расплывалось из-за застилающих глаза слез. Риони торопливо и зло смахнула их, коря себя за то, что даже умереть не может достойно. А потом вдруг поняла, что Тени добираются до них слишком долго.

Почему они не нападают?

Риони обернулась назад и изумленно застыла. Тени уходили. Точнее, неторопливо перемещались по лесу – от одного дерева к другому, ближайшее из которых было всего в паре шагов от

друзей. Но Тени словно не видели их, занятые своими важными делами.

Риони ничего не понимала. Абсолютно ничего.

Каждый раз она узнавала о порождениях Тьмы что-то новое – то, что не вязалось с прежним знанием о них. Риони уже смирилась с осознанием, что Тени представляли опасность не только ночью – это явно было как-то связано с энергией, которую они вытягивали из людей. Должно быть, человеческая жизненная сила питала, поддерживала их, позволяя существовать и днем.

Она должна была радоваться, что Тени их не увидели, но вместо этого лишь недоумевала. И даже теперь, когда опасность отступила, страх не исчез, просто свернулся на сердце ледяным клубком. На едва слушающихся ногах Риони стала отступать к поляне, увлекая друзей за собой.

– Назад, – громким шепотом приказала она, не сводя глаз с ближайшей призрачно-темной фигуры.

Не зная, в чем кроется причина их для Теней невидимости, Риони не решалась срываться с места и бежать. Отступала медленно и осторожно, не рискуя поворачиваться спиной к порождениям Тьмы.

Странный кусок леса с черными деревьями остался позади, они вновь оказались на поляне. Но Тень, следующая за ними, не остановилась и не замедлилась. Она будто искала что-то – но не их пятерых, ведь они были совсем рядом, буквально в нескольких шагах. На людей Тень не реагировала – все ее внимание приковали чахлые кустарники, окружающие поляну: она подлетала к кусту, ненадолго замирала и со странным, словно бы разочарованным гулом перемещалась к следующему.

Не сводя с твари настороженного взгляда, Риони продолжала отходить назад. Пересекла поляну, уперлась спиной в кусты, через

которые с таким трудом недавно пробиралась. За спиной слышался шорох – ее друзья, один за другим, осторожно скрывались в густых зарослях. Риони собиралась последовать за ними, но не смогла удержаться, чтобы не бросить на Тень прощальный взгляд.

Порождение Ничто неторопливо плыло вперед, и она наконец поняла, что же его манило. Сотканная из тьмы фигура приблизилась к деревцу с узкими длинными листьями на краю поляны. Протянула к нему подобия рук... и оплела их вокруг ствола в жутковатом подобии объятия.

Риони знала, что нужно немедленно нырнуть в кусты, пока она не привлекла внимание Тени, но странное зрелище заворожило ее, заставив позабыть об осторожности и страхе.

Коричнево-золотистая кора дерева стремительно меняла свой цвет, темнела, сморщивалась. Листья скручивались, опадали, и, не успев коснуться земли, превращалась в труху.

– Что оно делает с деревом? – раздался из кустов возбужденный шепот Бье.

Тень отделилась от почерневшего ствола – видимо, завершила свою странную трапезу. Порождение Тьмы стояло к Риони спиной или вполоборота – точнее понять было невозможно из-за размытости и бесформенности его очертаний. Но когда Тень повернулась к ней лицом, Риони поняла это сразу – на нее в упор уставились два глаза – два крохотных алых огонька посреди непроглядной тьмы. И огоньки эти не предвещали ничего хорошего.

Что-то изменилось в облике Тени. Риони не увидела это – почувствовала. Призрачная тварь вся подобралась, глаза-вспышки полыхнули еще ярче.

Тень ее заметила.

- Бье! - отчаянно закричала Риони.

Он молниеносно выскочил из кустов, держа одноручный меч наготове. Как-то Бье признался, что совершенно не умеет сражаться. Впрочем, так же, как и Гвел, Лиэн и сама Риони - как все они. Ведь в Альгардесе десятки лет царили мирные времена. Десятки лет тишины и покоя. Люди настолько привыкли чувствовать себя в безопасности, что начали забывать, что спокойная, размеренная жизнь по велению судьбы может разрушиться в одно мгновение. Так и случилось, когда из-за Стены появились Тени. Никто не был к этому готов.

Из зарослей выскочила Лиэн. Похоже, ей пришлось ломиться через кусты, мчась на отчаянный зов Риони - на щеке алела длинная царапина. За Лиэн - Хели и Гвел. Пепельноволосая охотница уже натягивала тетиву, целясь в теневую тварь.

А Тень все приближалась. У Риони был небольшой кинжал с резной рукоятью, который она забрала с собой из «мертвой деревушки», где, казалось, целую вечность назад запаслась провизией и одеждой. Но она словно окаменела, не могла даже рукой шевельнуть, не говоря уже о том, чтобы с оружием броситься на порождение Тьмы.

- Риони! - крик Бье вывел ее из оцепенения.

Над ухом просвистела стрела Хели. Она попала в бок Тени, но та даже не шелохнулась. Словно и не заметила смазанного ядом наконечника, пронзившего эфемерную плоть. Краем глаза Риони видела Бье - он стремительно приближался к ней, видимо, желая заслонить от Тени своим телом. Стало стыдно - пока она стояла, оглушенная страхом, друзья боролись за свои жизни. И за ее собственную жизнь.

Как ни странно, но стыд придал сил. Риони сумела наконец выудить из ножен кинжал, хоть и получилось это из-за дрожащих

рук не с первого раза. До изящных, но стремительных движений Лиэн ей было очень далеко.

Тень надвинулась на Риони, зависла в воздухе. Сбоку к твари подлетел Бье. Лиэн рысьим прыжком присоединилась к нему в отчаянной попытке найти уязвимое место врага. Стрелы Хели одна за другой вонзались в призрачное тело Тени. Риони боялась, что в какой-то момент они просто пройдут насквозь, словно сквозь пустоту. Этого не случилось – стрелы застревали в теле порождения Ничто, но... вреда не причиняли.

Тень будто и вовсе не замечала их, все ее внимание было приковано к Риони. Она подняла руку с кинжалом и резко обрушила ее вниз. Лезвие вонзилось в сотканную из тьмы плоть. Риони не знала, как сильно сумела ранить Тень, но, похоже, только ее разозлила. Черная рука, лишенная пальцев, потянулась к горлу Риони.

– Попробуй... – задыхаясь, выкрикнула Лиэн. – Ри, попробуй призвать магию!

– Не могу! – чуть не плача, выкрикнула она. Неуклюже размахивая кинжалом перед собой, пыталась отсечь кусок клубящейся тьмы, заставить Тень отдернуть ответвление, заменяющее ей руку.

– Просто попробуй! – В голосе Лиэн звучала уже не мольба. Злость.

Она словно говорила: «Да сделай же хоть что-нибудь!»

Риони сжала кинжал так сильно, что заломило пальцы. Уговаривала лезвие раскалиться – великая Иллирэ, хотя бы потеплеть! – но ничего не происходило. Клинок оставался холодным.

Бежать было бессмысленно, Риони это понимала. Там, где ей пришлось бы прилагать невероятные усилия, продираясь сквозь

заросли кустов, Тень могла просто пролететь. Все, что оставалось Риони – исступленно размахивать кинжалом, вонзая его в призрачную темную плоть. Тень верещала – удары клинка все же были болезненны для нее, но недостаточно сильны, чтобы ее уничтожить.

Голова раскалывалась от непрекращающегося визга Тени. Риони отступала назад, все дальше погружаясь в заросли. Парные клинки Лиэн беспрестанно рассекали воздух, но было заметно, что танцовщица устала. Как и Гвел, и Бье, и Хели. Так не могло продолжаться вечно.

Со всей отчетливостью, которая наступает лишь тогда, когда смерть оказывается настолько близко, Риони поняла, что нужно делать. Резко метнулась вправо, отскочив на безопасное расстояние от тянущихся к ней призрачных рук. Тень тут же устремилась за ней, но Риони только это и было нужно. Она бегом пересекла поляну, остановилась в самой ее середине – у костра. Искры его пламени касались обнаженных ног, но не жалили.

Риони застыла на месте, чувствуя как сердце стучит где-то в горле. Сжала свободную руку в кулак, вонзая ногти в мякоть ладоней. Резкая боль немного привела в чувство. Хорошо. Панике поддаваться нельзя.

Преследующая Риони Тень была уже совсем близко. Мгновение – и она оказалась прямо перед ней, протягивая сотканые из мрака руки. Хотя все естество молило бежать прочь без оглядки, Риони стояла на месте. Всхлипывала от страха, но стояла. Тень сделала еще один короткий рывок, подплывая вплотную. Ее руки уже были готовы сомкнуться на горле не сопротивляющейся добычи, как вдруг та, неподвижная прежде, прыгнула назад.

Прямо в полыхающий костер.

Пламя охватило ноги, взмыло вверх по многострадальному платью. Риони полыхнула как факел. Не дожидаясь, пока обуглятся и сгорят остатки одежды, шагнула вперед. И заключила Тень в жаркие объятия. Сплела руки и обхватила эфемерное тело так крепко, как только могла.

Порождение Тьмы завопило от боли. Крик – нереальный, нечеловеческий – оглушил Риони, но рук она не разжала. Она – саламандра – не ощущала ни боли, ни жара, а вот Тени приходилось несладко. Тварь бесновалась в ее объятиях, бешено извивалась, пытаясь выскользнуть. Но Риони не собиралась ее отпускать. Вместо этого высвободила руку с раскалившимся от жара костра кинжалом и, что было сил, вонзила его в Тень. Вынула клинок и ударила вновь. Била снова и снова, пока сотканная из тьмы тварь не распалась на клочья пепла, растворившиеся в воздухе мгновением спустя.

Сил хватило лишь на то, чтобы сделать один-единственный шаг. Все еще пылающая, Риони упала на поляну и закрыла глаза. Ей уже было все равно, что подумают друзья. Она не была сильной, и глупо пытаться таковою казаться.

Одежда догорела, ветер охлаждал обнаженную кожу. Где-то далеко прозвучали шаги, отчасти приглушенные сырой землей, шуршание листьев. Риони накрыли одеялом – она попыталась открыть тяжелые веки, но так и не смогла разглядеть лица того, кто ее укрыл.

«Только бы не Бье, – вяло мелькнула мысль. – Не хочу, чтобы он видел меня без одежды. Я слишком худая и совсем не такая фигуристая, как...»

Безумие, но она уснула.

Энцо... Он снова был рядом.

Он улыбается, глядя на нее, а в его глазах – нежность и восхищение. Нет, что-то большее – сродни обожанию. Так смотрят на чудесную картину, величайшее творение человеческих рук... и боятся прикоснуться, чтобы ненароком ничего не испортить.

На Риони летнее белое платье. Энцо говорит, что в нем она похожа на невесту, и на лице его появляется такое лукавое выражение, отчего сердце колотится отчаяннее и становится теплее на душе, словно согретой солнечными лучами.

Риони тянется к нему. Они должны спешить на праздник, их уже ждут родные и друзья. Энцо третя носом у нее над ухом, шепчет, и по коже пробегают мурашки: «Пусть еще немного подождут».

- Фейерверк, да? – тихо спросила Соня.

- Да, – подмигнула я. – Мурашечный фейерверк.

- А как же поцелуи?

- И поцелуи будут, но... – Я замолчала, подбирая слова. –

Иногда достаточно просто видеть человека, говорить с ним, чтобы он вызвал в тебе целый океан эмоций. Но это должен быть правильный человек, понимаешь? Твой.

Оставив сестру отдыхать – сегодняшняя часть истории вышла длинной и долгой, и ночь уже опустилась на N-ск, – я вернулась в комнату. Плюхнулась на кровать с телефоном в руке и, улыбаясь, набрала выученный наизусть номер.

- Зая, времени в обрез, – раздалось на том конце спустя пару гудков.

- Эм... И тебе привет. – Улыбка увяла.

- Не злись, коть, правда времени мало. Тренировка в шесть утра, мне еще выспаться надо.

Я вздохнула.

- И не вздыхай, ты сама куда-то пропадаешь постоянно.

- Не куда-то, - сухо сказала я. - Я здесь. Рядом с Соней.

- Вы ж с ней вроде не шибко общались?

Я прикрыла глаза. Спокойнее, Диана, спокойнее.

- Артем, она болеет.

- Да не, я помню. Просто удивился.

За эту пренебрежительность в голосе Артема мне захотелось его ударить. Если точнее, сначала дождаться его приезда, а потом уже хорошенько шандарахнуть по голове. Чтобы мозги на место встали. Помнит он.

- Соня - моя младшая сестра, и сейчас ей нужно...

- Да понял я, понял. - В его голосе отчетливо звучало раздражение.

Обычно именно я в нашей паре была тем, кто сглаживает острые углы. Артем мне по-настоящему нравился, он был моим первым мужчиной, он был симпатичным парнем, и вообще... Это «вообще» меня терзало. Что-то было в нем такое... неправильное. Отмахнувшись от ощущения, что мысленно рассматриваю Артема со всех сторон, чтобы увидеть его хорошие стороны - ни дать ни взять товар с полки, - я сказала:

- Знаешь, я тебе не говорила... Я снова начала писать. Для Сони, как... раньше.

Артем фыркнул.

- Сказки, что ли?

- Ну, это не совсем сказка, - уклончиво сказала я. - В ней героиня сталкивается и с опасностью, и с жестокостью, и с потерей близких. Потому что неважно, ребенок ты или взрослый, тяжело болен или полностью здоров... каждый из нас постоянно сталкивается с целым ворохом собственных страхов. Я называю их

Тенями, потому что они... это темная часть нашей души, отражение наших страхов и нашей боли. Понимаешь?

- Ага.

Он не понимал. Ему было скучно. Он маялся, вынужденный продолжать неинтересный ему разговор.

И это - «мой Энцо»? «Мой» человек?

- Ладно, забей, - нахмурившись, сказала я. - Отдыхай.

Спокойной ночи.

Нажав «отбой», я еще какое-то время лежала, бездумно глядя в потолок.

Фейерверка не было. Совсем.

Глава шестая. Искра дара

- А кем ты хочешь стать после школы? - вдруг спросила Соня, когда я пришла к ней с новой частью истории о саламандре.

Прежде, в эпоху «до», мы никогда об этом не разговаривали - непросто говорить по душам, когда сталкиваешься разве что по утрам в коридоре или в очереди в ванную.

- Адвокатом, - с гордостью ответила я.

- Но это же ужасная профессия!

Реакция сестры меня озадачила.

- Что? Но почему?

- Не люблю адвокатов, - нахмурилась Соня. - Им же приходится защищать ужасных людей!

- Но не всегда, - попыталась оправдаться я.

- Но приходится же! Вот что ты будешь делать, когда тебе придется защищать виновного?

- Не знаю, - обескураженно сказала я. Точнее, я знала, но не могла это озвучить - когда Соня вот так смотрела на меня. - И вообще, как я могу быть уверена, что он виновен?

- Но ты же не знаешь наверняка, что он невиновен, а значит, он может быть виновен! - упрямо сказала сестра.

Кажется, дискуссия зашла в тупик.

- И вообще, почему ты не хочешь быть писательницей? Мне же нравится твоя история, значит, понравится и другим! Ты могла бы писать для детей... или для взрослых.

Вот тут я по-настоящему растерялась. Думала ли я об этом когда-нибудь? Нет, конечно.

Когда я, девятилетняя, только начала писать, мама отнеслась к этому как к обычной детской забаве - вроде игры в куклы и пятнашки. Она не призывала меня писать еще, и, в отличие от бабушки с дедушкой, не просила прочитать ей уже написанное. Это была моя личная инициатива. И когда я торжественным голосом произнесла «конец» - а это была одна из лучших моих сказок! - я не увидела на мамином лице ничего, кроме вежливой улыбки, которая была настолько фальшива, что даже не сумела прикрыть скуку в глазах. И с тех пор моими слушателями были только Соня, бабушка и дедушка - до тех пор, пока я не решила, что занимаюсь ерундой.

Я не винила маму ни тогда, ни сейчас. Она была реалистом, человеком, который считал любые фантазии глупостью. Людей, которые прятались за грезами и мечтами, как за щитом, она не понимала. Мы просто по-разному смотрели на мир...

Даже странно, что у таких родителей – владельца небольшой компьютерной фирмы и лучшего психотерапевта N-ска – выросли мы с Соней. В нас обеих была та искорка, которая побуждала творить. Та самая искра, которая позволяла видеть в серой обыденности что-то... совершенно иное. Но надо признать: в разукрашивании мира в яркие тона Соня обгоняла меня на сотню шагов.

– Я не чувствую, что я... Что это мое призвание, понимаешь? – тщательно подыскивая слова, сказала я. – Когда-нибудь – может быть, но не сейчас, это точно. К тому же, сначала нужно получить профессию. Ну, хорошую профессию, серьезную.

«Которую одобрит мама», – добавила я про себя.

– Но у нас же есть деньги, – непонимающе протянула Соня.

«Деньги тают, милая. Львиная доля идет на твое лечение». Но дело было даже не в этом.

– Человека делают не только деньги, но и статус, – повторила я любимую мамину присказку. – Это называется престиж.

– Ерунда, – фыркнула Соня. – Человека человеком делает то, что у него внутри. Его доброта, его любовь к близким. И то, что он любит больше всего на свете. Я люблю рисовать, а ты?

– Соня... – вздохнула я. – Когда ты успела стать такой взрослой?

Она натянуто улыбнулась.

- Наверное, когда заболела.

- Нужно возвращаться обратно! - категорично заявила Лиэн.

Танцовщица, не в силах усидеть на месте, ходила вперед-назад по поляне. Облаченная в ее платье - бархатное, изумрудное, слишком роскошное для прогулки по лесу, кишашему Тенями, Риони молча наблюдала за ней. Перевела взгляд на Гвела, Хели, Бье... Пламя костра кидало блики на бледные, мрачные лица друзей.

- Возвращаться обратно? Куда? - глухо сказал Гвел. - Калмая - прямо за этим лесом...

Резко остановившись, Лиэн развернулась к нему и гневно выпалила:

- Да как вы не можете понять - нам не пройти этот треклятый лес! Нам здесь не выжить! Если мы впятером едва одолели одну-единственную Тень, что нам делать в лесу, где их целый сонм? Вы же своими глазами видели, что произошло. Наше оружие для Теней - ничто! Если бы Риони не придумала заманить эту тварь в костер...

- Лиэн права. Нужно выбираться отсюда. Пока у нас еще есть такая возможность, - мрачно заключил Бье.

Хели замотала головой. Сказала отчаянно:

- Я хочу увидеть людей. Хочу добраться туда, где есть жизнь - настоящая жизнь, а не ее подобие! Тени не могли за такое короткое время захватить всю Галохару. В городах есть чародеи, они наверняка придумали, как одолеть этих тварей! А что

предлагаете вы? Бродить по заброшенным деревням и просто ждать, когда туда вернуться люди? Выживать, пока не кончатся запасы еды? А что потом?

Бье молчал. Молчала и Лиэн.

- Нам некуда бежать. Некуда возвращаться, - с болью сказала Риони. - Если идти - то только вперед, через лес. Нас везде подстерегает опасность. Кто знает, вдруг равнины около Края мира уже кишмя кишат Тенями? Единственный наш шанс выжить - добраться до Калмаи.

- Согласен, - подал голос Гвел. - Нам просто нужно быть осторожнее, чем прежде - теперь, когда мы знаем, что этот лес - прибежище Теней.

- Зачем они здесь? - ни к кому не обращаясь, прошептала Хели. - Эти деревья... все это так странно.

- Не страннее самих Теней, - заметил Бье. - Хотя я и сам не понимаю, что они делали с деревьями.

- Судя по тому, во что превратились деревья после контакта с Тенями, думаю, вытягивали их энергию - задумчиво ответила Риони. - Теням нужно чем-то питаться, а кроме нас в этом лесу, кажется, и нет никого. Неизвестно, сколько дней они бродили без всякой... гм... пищи.

Лиэн нахмурилась.

- Но если они голодны, то как смогли существовать при свете дня? Что давало им силы?

- Может, как раз таки энергия, полученная от деревьев? - предположила Хели. - Они же впитывают из земли силу, позволяющую им расти. А под испорченными деревьями земля иссушилась и потрескалась. Уверена, это не случайно. И животные в лесу - кто знает, сколько их превратилось в пепел от прикосновения этих призрачных тварей?

- А как же те Тени, которых мы встретили еще на подходе к лесу? - вмешался Бье. - Деревьев там было полно, но Тени не трогали их!

- Боюсь, Тени меняются, - тихо сказала Риони. - Так же, как они изменяют наш мир, мир изменяет их.

Хели вздохнула. Положила голову на плечо Гвела, рассеянно глядя вдаль.

- По крайней мере, теперь мы знаем, что они не всемогущи. И что они не видят нас, если не смотреть им в глаза.

- Мы не знаем этого наверняка, - возразила Риони подруге.

- Но ты же видела сама - до тех пор, пока ты не встретила взглядом с Тенью, она тебя не замечала.

- Это так, но...

Риони умолкла. Проницательная Лиэн вскинула голову, пристально взглянула на нее.

- Что тебя смущает?

- Возможно, это ерунда, но... - Риони повернулась к Бье. Он внимательно вслушивался в разговор и, как и Лиэн, ждал ее ответа. - Бье, помнишь, когда мы собирали хворост, мы увидели Тень?

- Такое не забудешь, - пробормотал он.

- Я же видела твой взгляд. Не видела взгляд Тени, но она шла прямо на тебя, смотрела перед собой, а ты был на ее пути. - Риони запнулась, подбирая слова. Судя по озадаченному взгляду Бье, он едва ли что-то понял из ее сумбурной речи. - Мне показалось... нет, я почти уверена, что ты смотрел в глаза Тени! Но она тебя не увидела...

- Брось, ящерка, - небрежно ответил Бье. - Я смотрел на ее руки, но никак не в глаза - просто боялся, что эти самые руки вот-вот сомкнутся на моей шее.

Она закусила губу. Набрала в легкие воздуха, но передумала что-то говорить. Да и что Риони могла сказать? Спорить с Бье о том, куда был направлен его взгляд, смешно и нелепо. Если он говорил, что не заглядывал Тени в глаза, значит, так оно и было.

Риони постаралась выкинуть из головы пустые мысли и сосредоточиться на том, что действительно имело значение. Она поборола свой страх и убила Тень. Она осталась в живых. Но странное чувство, определения которому Риони не могла найти, беспрестанно терзало ее, исподволь разъедая душу и не позволяя насладиться победой. Это чувство давно преследовало ее – с тех самых пор, как они вошли в этот проклятый лес.

Риони догрызла последний сухарь и с тоской посмотрела на дно сумки, в которой не осталось ничего, кроме жалких хлебных крошек. Ягоды, которые они собрали возле памятной полянки, закончились уже давно. Прежде Риони возлагала надежды на грибы и умение Хели в них разбираться, но их планы на плотный обед из грибного супа были нарушены – они вошли в ту часть леса, где почти каждое второе дерево было черным – высосанным Тенью, как говорил Бье.

Когда они очутились здесь, на темной половине леса, Риони показалось, что за ними захлопнулась дверь, отрезая путь в привычную реальность. Солнечные лучи сюда не проникали, при взгляде на небо не было видно даже их бледных отблесков. Само небо потеряло здесь свою высоту и яркость. Создавалось ощущение, что какая-то темно-серая, свинцовая субстанция давит на них сверху, припечатывая к земле.

И все та же мертвая тишина, изредка прерываемая шагами и резкими порывами ветра. Беспричинная тревога, закравшаяся в сердце при первых же шагах по лесу, сменилась внезапно накатившей безысходной тоской.

Грибов постигла иная участь, нежели высосанных Тенями деревьев – их просто не было. Совсем. Лишь однажды Хели удалось отыскать под деревом нечто, смутно похожее на прогнившую и рассыпавшуюся шляпку гриба.

Им пока удавалось избегать Теней – едва заведя на горизонте темные фигуры, они тут же меняли направление. Каждый раз Риони с тревогой смотрела на Бье, на что он успокаивающе кивал – дескать, все в порядке, с пути не сбились. Однако Калмая по-прежнему оставалась лишь далекой мечтой – слишком велик лес и слишком труден путь. Только Хели и Бье в лесу чувствовали себя уверенно, но и они не были рады близкому соседству с Тенями.

Привалы становились все реже и короче. Каждый из путников желал как можно скорее покинуть лес, и упорно шел вперед, невзирая на усталость и стертые ноги.

Оттого так ценны были редкие минуты отдыха. Сидя на поваленном дереве, Риони погружала руки в самый центр костра, наслаждаясь ощущением близости к родной стихии. Хели, заметив ее баловство, нервно передернула плечами. Ей трудно было понять, что у саламандры – даже такой непутевой, как Риони – огонь ассоциируется не с болью, а с теплом и... силой. Всякий раз, касаясь пламени, Риони чувствовала, как отзывается что-то внутри. Она жаждала быть частью огненной стихии, призывать огонь, взаимодействовать с ним, использовать его как оружие... но как этому научиться, не знала.

Присев напротив, по другую сторону костра, Лиэн кинула на нее красноречивый взгляд. Угадать ход ее мыслей было нетрудно. Риони вздохнула.

– Давай, саламандра, – подбодрила черноокая. – Ты – наша надежда. Неизвестно, что ждет нас дальше. И если Тени станут сильнее, если научатся находить, распознавать нас... ты знаешь –

нам несдобровать. Достаточно одной встречи с Тенью, одного неосторожного взгляда, чтобы эта тварь нас обнаружила. И позвала остальных. Тогда, без магии огня...

- Без магии нам просто не выжить, - хмуро бросил Гвел. - Ни я, ни Лиэн, ни Бье толком сражаться не умеем. Хели - единственная из нас, кто отлично владеет оружием, но ей одной не выстоять против Теней.

Риони долго не отвечала, чувствуя себя мишенью под пытливыми взглядами друзей.

- Я знаю, - наконец неохотно сказала Риони. - Просто... Я боюсь.

- Боишься, что у тебя ничего не выйдет, - понимающе кивнула Лиэн. Поднялась, обошла костер, чтобы сесть рядом. - Я знаю, каково это. Бояться, что не оправдаешь чужих ожиданий - ожиданий людей, кто тебе близок и дорог. Не знаю, стали ли мы для тебя таковыми, но... просто поверь - я прекрасно понимаю, что ты чувствуешь. Мне это знакомо. Когда я только начала танцевать, никто даже и подумать не мог, что когда-нибудь я стану знаменитой на весь Трастен танцовщицей. Я ошибалась, разочаровывалась в себе, но, стиснув зубы, продолжала идти к своей цели. И только целеустремленность и упорство, только нежелание опускать руки позволили мне стать тем, кем я стала.

- Ри, я много слышала о таких, как ты, - вмешалась Хели. - Кровь саламандр - это жидкий огонь! Тебе просто нужно понять, как этим пользоваться.

- Просто нужно понять! - передразнила ее Лиэн. - Это-то и есть самое сложное.

Риони долго молчала. Вспоминала, как часто, не веря своему счастью, спрашивала, что Энцо - ее сильный, смелый Энцо - в ней нашел. Он смеялся, шутливо щелкал ее по носу и говорил: «Ты

особенная, родная. Ты совершенно особенная». Риони так и не узнала, что он вкладывал в эти слова. Самой себе она всегда казалась слишком... обычной.

Но только не сейчас.

Ей нужно было во что бы то ни стало разжечь едва тлеющую искру дара. Не для того, чтобы почувствовать себя настоящей саламандрой, не для того, чтобы что-то доказать остальным... Для того, чтобы понять, зачем судьба уготовила ей такую жестокую участь, такое испытание – выжить в огне, когда погибли все, кем Риони дорожила и с кем была близка. Пережить собственную мать. Пережить любимого. Расколоть свое сердце на две половины, одну из которых отдать на растерзание тьме. Мучиться от боли и непрекращающихся кошмаров.

Для того, чтобы понять, зачем она осталась жива.

– Только, прошу, не смотрите, – наконец глухо произнесла Риони. – Это... смущает.

Лиэн кивнула. Следом за ней поднялись остальные. Отошли на несколько шагов, о чем-то негромко переговариваясь. Риони оставалось только надеяться, что говорили не о ней.

Они рассчитывали на нее, они в нее верили. Риони просто не могла их подвести.

Она перевела взгляд с четверки друзей на полыхающий костер, с костра – на свои руки. Коротко вздохнула. Вынула из ножен кинжал и с нажимом провела по ладони. Струйка крови – горячая, алая, побежала по запястью. Риони поднесла руку к глазам, вгляделась.

– Кровь как кровь, – пожав плечами, пробормотала она.

Снова вздохнула. Что ей нужно сделать, чтобы разжечь дар? Как вообще можно призвать то, о чем имеешь только смутное представление?

Самое главное в любом деле – концентрация, решила Риони. Прикрыла глаза, стараясь сосредоточиться на воображаемом образе – ярко-оранжевом пламени, вспыхивающем на ладони – там, где алел порез. Фантазия так и осталась фантазией – выдуманный ею сгусток огня появляться не спешил. Она открыла глаза, убедилась, что ладонь по-прежнему была пуста, и закрыла снова.

Огонь... Обжигающее пламя костра...

Риони недовольно поморщилась – картинка в голове получалась зыбкой, неубедительной. Неудивительно, что воображаемое не спешило воплощаться – огню, которому она видела внутренним взором, не хватало энергии, яркости, силы. Риони было трудно поверить в него, и потому было трудно его призвать.

И тогда она вспомнила Шалу. Воспоминание пришло само, неосознанное и непрощенное. Риони знала: даже времени его не стереть – кошмары, преследующие ее каждую ночь, забыть не позволят. Все глубже погружаясь в глубины памяти, Риони видела, как они с мамой жмутся друг к другу, понимая, что охваченный пламенем дом, обвалившаяся крыша, закрывшая путь на улицу, окно, на пути к которому встала огненная стена, означали только одно – конец. Их дому, их мечтам... их жизням.

Видела Тень, выдыхающую огонь, который в то же мгновение обволакивает дом в подобии гигантского факела. Безумные, голодные языки пламени...

Слезы катились по щекам, но Риони их не замечала. Закусила губу, чтобы не зарыдать в полный голос. Вскрикнула от резкой боли, пропоров зубами мякоть губы. И в тот миг, когда она почувствовала солоноватый вкус крови с отчетливым привкусом ненависти, пришло незнакомое, зыбкое ощущение. Риони

распахнула глаза, коснулась раненой рукой мочек ушей, пробежала пальцами по щеке.

Ей только казалось или кончики пальцев действительно потеплели?

Слезы высохли, губы дрогнули в робкой улыбке. Риони вскинула голову, чтобы рассказать друзьям о такой маленькой, но важной для нее победе... и обмерла.

Четверка невольных странников негромко переговаривалась друг с другом на краю небольшой поляны. А за их спинами неторопливо плыли Тени. И они приближались.

Прежде чем понять, что произошло, Риони опустила глаза вниз, в землю. Это было на уровне инстинктов, будто глаза сами знали, куда смотреть нельзя. Вот только ее друзья о надвигающейся опасности не знали.

Риони порывисто поднялась, перемахнула через костер. Рванулась к ним, боясь, что не успеет. Боясь, что кто-то из них решит оглянуться назад, в гущу почерневшего леса, и случайно скользнет взглядом по жутким вспышкам-глазам.

Добежав до друзей, жестко сказала, по-прежнему не отрывая взгляда от земли:

- Не оглядывайтесь.

Услышала тихий вскрик - кажется, он принадлежал Хели.

- Там Тени? - напряженным голосом спросил Бье.

- Да.

- Много?

- Несколько.

Риони осмелилась ненамного поднять взгляд, хотя внутри все обмерло от страха.

«Только не в глаза, только не в глаза», – молила она. Взгляд выхватил размытые черные лоскутья – там, где у человека должны быть ноги. Тени были совсем близко.

Лиэн, которая стояла на самом краю поляны, почти вплотную к месту, где сейчас блуждали Тени, внезапно повернулась вполоборота. Рука ее медленно легла на рукоять кинжала.

– Лиэн! – вскрикнула Риони.

Бледное лицо танцовщицы казалось напряженной, застывшей маской.

– А если мы ошиблись? – выдавила она. – Если Тени замечают нас не потому, что мы смотрим им в глаза?

– Лиэн, прошу...

Тонкие руки выхватили из ножен кинжалы.

– Я не хочу умереть, трусливо глядя в землю, – чеканя слова, с вызовом сказала она.

– Лиэн, пожалуйста, смотри на меня! – взмолилась Риони. Видя, что подруга не слушает, не выдержав, закричала: – Проклятая эгоистка, ты погубишь всех нас!

Лиэн застыла. Удивленно уставилась на нее.

– Просто смотри на меня, – умоляюще произнесла Риони.

Чуть переместила взгляд, заглядывая через плечо ошеломленной танцовщицы. Тени находились от нее на расстоянии вытянутой руки. Через несколько мгновений станет ясно, правы ли они или же ошибались. И ошибка станет для них смертельной.

Риони смотрела на встревоженные, напряженные лица друзей. Бье стиснул зубы так сильно, что на скулах играли желваки. Встретившись с ее взглядом, ободряюще кивнул. Риони бледно улыбнулась в ответ. Лиэн стояла, закрыв глаза, но ее руки по-прежнему сжимали клинки. Гвел и Хели смотрели друг на друга –

остальной мир их сейчас не интересовал. На их лицах была написана мука – наверное, они жалели, что не могут обнять друг друга. Их разделял Бье, а любое движение грозило смертью.

За спиной Хели Риони отчетливо видела Тень. Темная фигура подплыла совсем близко и, должно быть, коснулась спины охотницы, потому что та вздрогнула и закрыла глаза. Мгновение – и Тень прошла прямо сквозь Хели.

Риони зажмурилась. Так сильно, что заболели глаза и боль перетекла в виски. В мертвой тишине она слышала единственный звук – оглушающий стук собственного сердца.

Риони долго не решалась открыть глаза. Возможно, не открыла бы их никогда, если бы не тихий шепот Бье:

– Они ушли.

Мелькнула безумная мысль – мысль, которая могла появиться только после нескольких дней блуждания по кишасщему Тенями лесу: это уловка. Это не Бье, это Тени с ней говорят. Хотят, чтобы открыла глаза, чтобы встретилась с их огненно-смертоносным взглядом. Она откроет их и увидит только черное нечто, вышедшее из Ничто. А потом – тянущиеся к ней руки и порог забвения, переступив который, Риони уже не вернется.

– Ящерка, все закончилось, – ворвался в ее сознание изумленно-испуганный голос Бье. И она не знала, чего там было больше – изумления или испуга.

Риони заставила себя разлепить веки. Увидев лицо Бье – такое обеспокоенное и такое родное, тихо заплакала. Мысль о том, что стыдно показывать свою слабость парню, который нравился ей, пришла слишком поздно. Она шагнула вперед и прижалась лицом к его плечу. Уткнулась в ворот рубашки, пропахшей костром. «Прости, Энцо. Мне это сейчас необходимо. Если бы ты только мог оказаться рядом... Мне бы не нужен был никто другой».

Бье обнял Риони. Шептал на ухо бессмысленные, но такие нужные слова, пока ее рыдания не затихли.

Потерянные, ошеломленные, друзья продолжили путь. Долгое время никто не произносил ни слова.

За несколько часов блуждания по лесу им попался лишь захудалый кустик с мелкими неспелыми ягодами. Путники набросились на него, но едва ли утолили голод кислыми, вязнущими во рту плодами. Хели сетовала, что в этом участке леса охота бессмысленна – там, где стояли черные, высушенные Тенями деревья, не было ни птиц, ни животных.

– Нам нужно выбраться из этого проклятого места, – зло бросила охотница.

– Боюсь, до Калмаи еще далеко, – вздохнул Бье.

– Я говорю не о Калмае, хотя попасть туда хочу не меньше вашего. Но должны же где-то здесь быть участки леса, куда не успели добраться эти твари! Там должны быть животные, а нам нужна еда!

Друзья покивали вразнобой. Риони и сама ощущала, как сводит болью желудок. Когда она в последний раз нормально ела? Уже и не вспомнить.

Измученные голодом и неизвестностью, они решили устроить привал. Костер весело потрескивал, разгорался, бросая яркие искорки на протянутые к нему руки. Ночью в Альгардесе было холодно – королева-мать Иллирэ спала, а легкомысленная королева Весна частенько пренебрегала своими обязанностями.

Путники окружили костер, пытаясь урвать свой кусочек тепла и уюта, но лица их были мрачны как никогда. Риони прикоснулась рукой к огню. После недолгих колебаний тот перекинулся на ее ладонь. Огненные змейки оплели пальцы, перебежали вверх по

запястью, окружили его диковинным пылающим браслетом. И потухли, вызвав едкое разочарование.

Риони раздраженно выдохнула. У нее все лучше получалось задерживать огонь на руке, еще дольше – если на ладони был след ее крови, которую Хели называла жидким огнем. Но этого недостаточно, чтобы противостоять Теням. Да, Риони могла заставить пламя костра плясать на своей руке, но по-прежнему не могла вызвать его сама, из ниоткуда.

– А волосы? – заинтересовалась вдруг Лиэн.

Риони не сразу поняла, что имеет в виду танцовщица. Играла с огнем костра, даже не думая, что за ней так пристально наблюдают остальные. А подняв голову, увидела их внимательные взгляды, надежду, робко затаившуюся в глазах.

Им нужно было надеяться на что-то. На Бье, который знает эти земли, и непременно выведет их из леса и приведет в Калмаю. На Хели, которая поймает для них добычу, и успокоит голодную боль. На нее, саламандру Риони, которая сможет обуздать огненную стихию, и станет их оружием в неравной борьбе с Тенями. В борьбе, где любой нечаянный взгляд может оказаться последним.

Риони улыбнулась, глядя на Лиэн, вынула кинжал из ножен. Шипя от боли, провела лезвием по внутренней стороне ладони, оставив на ней длинный алый след. Поднесла руку к костру. Кровавая дорожка тут же вспыхнула, две огненные стихии – природная и человеческая – слились воедино. Мгновение Риони любовалась ярким, слепящим пламенем на ладони, а затем провела ею по волосам. Они вспыхнули, перенимая стихию.

Лиэн заворожено ахнула.

– И как? – с улыбкой спросила Риони.

Черноокая вдруг засуетилась, полезла в сумку, лежащую рядом с ней. После недолгой возни вынула оттуда небольшое

зеркальце, поверхность которого была заляпана землей и, кажется, раздавленными ягодами.

- Ты носишь с собой зеркало? - Хели изумленно вытаращила глаза.

Лиэн буркнула что-то себе под нос, не удостоив охотницу внятным ответом. Вместо этого повернулась к Риони и, наскоро протерев зеркало, выставила его перед собой - так, чтобы она смогла увидеть свое отражение.

Риони заглянула в зеркальную гладь. Лицо в неровном свете луны казалось бледнее обычного, под глазами залегли тени. Резко очертились скулы - она всегда была худой, но долгое скитание по лесу выпило из нее последние силы. А волосы... волосы были прекрасны. Они полыхали, бросая на лицо блики, оживляли, придавали ему неземные краски. Даже глаза, словно заразившись сиянием волос, ярко блестели, в глубине тая огонь. Риони улыбнулась своему отражению. С сожалением тряхнула волосами, гася пламя.

Она сделает все возможное, чтобы стать той, кем сотворила ее природа, а не только ею называться.

Рано или поздно, но она станет истинной саламандрой.

- У нее получилось! Получилось! - Восторгу Сони не было предела.

- Да, медвежонок.

А на следующее утро она протянула мне альбомный листок, на которой была изображена все та же Риони, но на этот раз с

языками пламени в волосах. А за плечом – призрачный молодой мужчина. Ее ангел-хранитель, ее Энцо – частый гость ее снов.

– С ума сойти, как красиво! – искренне восхитилась я. Задумалась. – Соня, а ведь и правда... Ты могла бы рисовать иллюстрации по моей сказке! Хочешь?

– Конечно, хочу!

Я рассмеялась, с теплотой взглянула на сестру.

Давай создадим этот мир вместе. Ты и я.

Глава седьмая. Черное солнце беды и белое солнце надежды

Я лениво переключала каналы, пытаюсь хоть чем-нибудь себя занять. Уроки сделаны, глава для Сони написана – но она уснула, и читать некому. Дедушка, сидящий на диване на расстоянии вытянутой руки от меня, был слишком занят своим ежедневным ритуалом – чтением газеты и осуждающим покачиванием головой.

Зазвучала модная летняя мелодия – хит хитом, а название группы, хоть убей, уже не помню. Покряхтев и поерзав в кресле, я вытащила сотовый из кармана пижамных штанов.

– Лера! – весело воскликнула я в трубку.

Главное в науке «Как не оттолкнуть последних друзей» – или сокращенно КНОПД – в разговоре с подругой делать

умопомрачительно радостный голос, словно все это время, что вы не виделись, ты сидела в ожидании ее звонка.

- В общем, слушай меня внимательно, - деловитым тоном начала Лера. - Мы с Даной и Викторией посоветовались и решили, что пора тебя спасать.

- Как принцессу из башни?

- А?

Я покачала головой - совсем как бабушка при чтении политических новостей. Иногда я с мысленным вздохом называла подруг «поколение интернета», пока не вспоминала, что к этому поколению отношусь и я.

- Ничего. Так от чего меня спасать надо?

- От затворничества. Ты совсем уже никуда, кроме школы, не выходишь.

Я обреченно вздохнула.

- И что вы предлагаете?

- Предков до воскресенья не будет, так что сегодня я устраиваю вечеринку! - сообщила Лера.

- Вечеринку? - отозвалась я с кислым видом.

Раньше я и недели без них прожить не могла. А сейчас... Не знаю, что изменилось. Не сразу, но я поняла, как хорошо дома, когда ты можешь сидеть в растянутой пижаме с огромными карманами и в розовых носках, зная, что никто тебя за это не осудит. С растрепанными волосами, без косметики, без необходимости соответствовать чужим ожиданиям: не сглупить,

не сболтнуть лишнего, не напиться, не разочаровать. Все просто и... уютно. Поболтать с дедушкой или Соней, написать новую главу истории о саламандре, почитать книги, до которых все это время руки не доходили...

Но было еще кое-что...

Мне казалось почти несправедливым, неправильным веселиться – «отрываться» – в то время как Соня... страдает. В то время, как не всегда даже может выйти с дедушкой или со мной погулять. Ей приходилось ходить в больницу каждые две недели, чтобы ей вкололи лекарства. После этого ей плохо по несколько дней – плата за то, чтобы потом стало чуточку лучше, чем раньше. И все равно постоянная слабость давала о себе знать. Иногда мне казалось, что химия не помогает, только еще больше крадет ее силы.

– Соглашайся. – Перегнувшись через подлокотник дивана, дедушка легонько дернул меня за локон. – Хватит тебе делать из себя добровольную пленницу.

Я вздохнула. КНОПД, будь он неладен. И настойчивый дедушкин взгляд.

– Ладно, Лер. Во сколько?

– Подваливай ко мне через три часа. Раньше все равно народу не будет.

– Ладно, – бросила я и нажала кнопку отбоя.

Я поднялась с кресла, чтобы подняться к себе и начать прихорашиваться. Отложив газету, дедушка веско сказал:

- Диана, ты не должна лишать себя мгновений беззаботного счастья из-за того, что твоя сестра больна. Ты подросток. Эти годы уйдут и - поверь старику - никогда уже не вернуться. А София, если почувствует, что ты отказываешься от полноценной жизни из-за нее, начнет себя винить.

- Хорошо. Но ты не старик, - возразила я, улыбаясь. Подошла к нему и поцеловала в щеку. - Ты самый лучший.

Входная дверь вдруг открылась. На пороге стояла мама, увешанная пакетами.

- О, я, кажется, тебя знаю. Ты ведь моя мама, да?

- Не ехидничай, - устало сказала она. - Лучше помоги разобрать сумки и приготовить ужин. Там все замороженное. Я хочу быстро поесть и хоть немного побыть в тишине.

Я бросилась ей на подмогу. Мама привалилась спиной к дверному косяку, скидывая с себя туфли, и направилась в гостиную к дедушке.

- Считаю меня непрофессионалом, но все, о чем мне жужжат клиентки в уши - это измены их мужей. А сами не прочь воспользоваться их счетом в банке. Или жалуются на все тех же мужей, но уже по другой причине - вместо того, чтобы отправить своих благоверных за границу, они - ах, негодяи! - дали денег лишь на шоппинг в столице. Вот бы этим кудахтающим курицам в бриллиантах больную дочь, посмотрела бы я, как они...

- Вероника, - неодобрительно бросил дедушка.

Она вздохнула.

- Прости, пап. Я просто устала.

- Зачем ты так убиваешься? - тихо спросил он.

- Нам нужны деньги.

- У нас есть деньги.

- На стандартное лечение в N-ске - да. Но не на новое лекарство.

Я делала вид, что всецело занята на кухне, разбирая покупки, но на самом деле держала ухо востро. Давно не видела маму такой - дерганной, раздраженной. Да и раньше она никогда не позволяла себе так отзываться о клиентах. Она вообще о работе предпочитала не говорить.

- Вероника, - вздохнул дедушка, - препарат еще в разработке. Мы даже не знаем, как скоро они пройдут все тесты и выпустят его на рынок.

- Но к этому моменту мы должны быть уже готовы за него заплатить. А оно недешевое, знаешь ли.

Их голоса стали еще тише и приглушеннее. Я с удвоенной энергией зашуршала пакетами, чтобы унять дрожь в руках. Чтобы загнать поглубже истерические слезы.

Надежда есть. А пока есть надежда...

Я разогрела нам ужин в микроволновке - практически потолок моих кулинарных способностей. Тишина за столом была такой плотной, хоть ножом режь, и от этого становилось еще неуютнее. Быстро запихнув в себя еду, я поднялась к себе. Долго крутиться перед зеркалом не стала, сразу выбрала беспрюирышный вариант: маленькое черное платье, туфли с

причудливо переплетенными ремешками и красный клатч «под крокодила». По всей видимости, красного.

Лера, Вика и Дана встретили меня так, будто мы не виделись как минимум пару лет – а не несколько часов с конца уроков.

– Когда Артем приедет, падшая ты женщина? – потягивая коктейль, лукаво осведомилась коротко стриженная Вика. Сегодня она оделась скромно – в черные топ и джинсы.

Она называла меня так с момента, как я начала встречаться с Артемом. Ей казалось, что это очень смешно.

– Через неделю, наверное, – отозвалась я.

Народ уже прибывал. Лера поначалу радостно приветствовала входящих, а потом плюнула на это гиблое дело – людей в доме стало слишком много. Я сидела на диване, наблюдая за остальными. От коктейля, который мне настойчиво совала в руки Дана, я отказалась: хотела вернуться пораньше и прочитать-таки Соне обещанную часть истории. Совсем не хочется, чтобы в этот момент от меня пахло алкоголем. Она укорять не станет, я знаю. Иногда казалось, что Соня и вовсе не может никого ни в чем упрекнуть – из-за ее удивительной способности видеть в людях только самое лучшее. Прежде мне казалось это слабостью. Сейчас, когда я узнала сестру поближе, меня это в ней восхищало. Я так не умела.

И все равно... пить не хотелось. Дана расстраиваться не стала и заграбастала мою порцию себе. Вечеринка была в самом разгаре, первые подвыпившие уже начали танцевать. А я никак не могла понять, что со мной происходит. Мне не было весело. Я маялась от скуки. Обсуждения «кто с кем встречается» и «кто

куда поступает» были обсосаны уже по десять раз. В одиннадцатый говорить об этом не хотелось... но пришлось.

Раньше я жить не могла без всего этого: без Вики, Леры, Даны, без менее популярных девчонок, которые, как щеночки, с обожанием смотрели на нас, чуть ли не заглядывая в рот, благодарные за то, что мы «снизошли» до них и пригласили на свою вечеринку. Без, прямо скажем, не самых умных, но забавных и легких на подъем друзей Артема. А сейчас... Я поняла, что есть лишь три человека, без которых я действительно не представляла жизни: мама, бабушка и Соня.

Во всем виновато это проклятое «после».

Закончится последний год в школе, и все, кто сейчас находится в доме Леры, разлетятся кто куда. Буду ли я вспоминать эти вечеринки? Нет, они не оставляют следа. Буду ли я скучать по Вике, Дани и Лере? Поначалу, наверное, да. А потом... Если нас развести по разным сторонам, мы через десять лет друг о друге и не вспомним.

Да, раньше было весело, но раньше мне не нужно было заглядывать в будущее, гадая, что приготовит следующий день. Сейчас я уже не могла жить только лишь настоящим. Не могла не думать о том, что ждет нашу семью впереди. И, думая об этом, я не видела рядом с собой никого из тех, кто меня сейчас окружал.

Последние дни меня не отпускало ощущение надвигающейся беды, и я надеялась, что вечеринка поможет мне отвлечься от этих мыслей. Не вышло. Среди всех этих пьяных лиц, среди гомона и десятков взглядов я чувствовала себя чужой. А потом, когда мы шестером – мои подруги и трое друзей Артема,

отгородились от всех в комнате Леры, чтобы поиграть в излюбленную «Правду или желание», все стало еще хуже.

Невинная, оброненная вскользь фраза – что-то о Соне... и повисла гробовая тишина. Улыбки замерзли. Будто я сказала о ком-то, о ком не принято говорить в порядочном обществе... или о том, кто уже умер. Я видела по их лицам: я не должна была говорить о сестре. Не должна была упоминанием ее имени портить всеобщее веселье.

Они не хотели задумываться о неизбежном, потому что впереди у них – вся жизнь. А Соня для них – это почти приговор. Сталкиваясь с такой страшной угрозой, теряешь право называться царем природы, утверждать, что свою судьбу ты создаешь, строишь сам. В такие моменты чувствуешь себя лишь хрупкой фигуркой перед лицом неукротимой, как смерч, беды. Бессильной стеклянной фигуркой, в любой момент готовой разбиться.

Никто не хочет задумываться о подобном, когда грохочет музыка, а в руке – стаканчик с дрянным пойлом. Никто не хочет, чтобы градус веселья снижался. А я своими словами, своим напоминанием о Соне будто окунаю их, беззаботно пьяных, в прорубь с ледяной водой.

Я понимала, что это их личный выбор, что свою боль я им навязать не могу. Но вместе с тем я понимала, что лишняя здесь. Меня от них тошнило.

И, поднявшись, я сказала то, чего не говорила прежде никогда:

– Знаете, я хочу побыть с сестрой.

И ушла.

Меня никто не остановил. Все, не сговариваясь, решили, что так будет лучше. Такси брать не стала – захотелось прогуляться по ночному N-ску.

– Уже вернулась? – удивился дедушка, увидев меня на пороге дома.

Обычно он ложился рано, но, бывало, просыпался среди ночи. Сидел на кухне несколько минут, попивая свой любимый чай.

Ручаюсь, он все прочитал по моему взгляду.

– Это не из-за Сони, – заверила я его. – Просто... я больше не чувствую себя там счастливой.

Дедушка не стал ничего спрашивать и уточнять. Просто кивнул.

– Попьешь со мной чаю? Крепкий, только заварил.

Я улыбнулась.

– Конечно.

Мы посидели в тишине, и эта тишина была мягкой и уютной. Умиротворяющей.

Когда я поднималась к себе, соседняя с моей дверь распахнулась. Из проема выглянуло бледное личико Сони.

– Ты чего не спишь, медвежонок?

– Не спится, – призналась она. – Проснулась пару часов назад, а теперь уснуть не могу. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Я юркнула в ее комнату, села на край постели. Соня принесла мне альбом для рисования. На открытой странице была изображена вся команда: Хели, Бье, Гвел и Лиэн. И, конечно же, Риони. На следующей я обнаружила изображение летающего замка Иллирэ, парящего прямо в небе.

Когда я собралась перевернуть страницу, Соня дернулась, будто этого не желая. Я вопросительно взглянула на нее.

- Там... - смущенно сказала сестренка. - Не про саламандру.

- Можно посмотреть? - улыбнулась я.

Она неуверенно кивнула.

На рисунке была я - с серьезным лицом сидела на стуле напротив Сони. Только вместо обычного распечатанного на принтере листка на моих коленях лежала книга в роскошном кожаном переплете. Не хватало только очков и седины в густую копну. Я рассмеялась.

Но то, что я увидела на остальных рисунках... Везде была Соня, в разных своих ипостасях. В выпускном классе на выпускном балу, за руку с симпатичным мальчиком - клянусь, видела его в каком-то популярном сериале. Вот она же, в свои двенадцать лет, но с длинными волосами, выкрашенными во все цвета радуги: прядь желтая, прядь красная, прядь голубая... Вот Соне лет двадцать, она сидит на веранде домика у моря, с пушистой белой кошкой на коленях. Вот она в картинной галерее, и на одной стене сплошь картины с изображением фениксов, что позволяло понять: галерея - ее.

Это не просто фантазии. Я видела по ее глазам, по затаенной горечи в ярких красках... Соня боялась, что всего этого может не случиться.

Как и все мы, своего будущего Соня не знала. Но она могла нарисовать себя любой: со сбывшейся мечтой, с безумной прической. Взрослой. Счастливой. Здоровой.

- Ты мне считаешь? - тихо спросила она.

- Конечно, - охрипшим голосом сказала я. - Подождешь меня немного, ладно? Я только косметику смою, возьму листок и вернусь к тебе.

Я добрела до спальни будто в полусне. Плотнo закрыла дверь, опустилась по ней на пол и разрыдалась - тихо, чтобы не услышала Соня. Успокоившись, умыла лицо. Вернулась к столу - к сиротливому листку, белеющему под ноутбуком.

Впервые за все это время мне захотелось все к чертям переписать. Написать про радугу, которая на самом деле - хвост исполинского единорога. Про чертово кроличье королевство, которое ждет свою принцессу Соню. Про пушистых зверюшек, про говорящих рыб, про что угодно! Но только не про отчаянную борьбу хрупкой девушки с тьмой. Слишком это жизненно и уже почти невыносимо.

Я уже потянулась к листку, я почти его порвала, но...

Я обещала. Обещала, что в этой истории не будет фальши. Что буду писать о том, чем дышу. О том, что не дает спать ночами. И это точно не пушистые зверята, кролики и единороги.

Не оставляя себе времени на сомнения, я с листком в руках направилась к Соне.

Риони согнулась пополам с протяжным стоном. Постояла так несколько минут, ожидая, когда спазм в желудке пройдет. Подняв голову, встретила с сочувствующими взглядами друзей. Несколько минут назад она вытряхнула из сумки крошки давно уже съеденных сухарей, разбухшие от сока раздавленных ягод. Разделила несчастную кучку на пять частей. Съела свою часть жадно и нетерпеливо, слизала с пальцев и ладони следы от ягодного сока. Таким ничтожным количеством еды унять голод было невозможно – Риони только раззадорила его.

У них хотя бы была вода – они шли вдоль ручья, надеясь, что он куда-нибудь их выведет. Бье рассказывал, что неподалеку должна быть река. От нее до Калмаи – не больше часа пути. На какое-то время его слова подбодрили путников, дали им сил для продолжения нелегкого пути. Но потом вернулся голод, и жизнь снова окрасилась в черные тона.

– Ребята! – вскрикнула Хели.

«Пожалуйста, пусть это будет что-то хорошее!», – взмолилась Риони.

Разогнулась, придерживая рукой живот, словно это как-то могло унять боль. Прокаженный лес заканчивался. Из-за черных стволов проглядывала зеленая листва на крепких деревьях, множество цветущих кустов, земля, усыпанная опавшими листьями.

– Слава Иллирэ, – прошептала Риони.

Путники ускорили шаг, чтобы как можно скорее оказаться в живом, не искалеченном Тенями, участке леса.

- Ты думаешь, там действительно будут животные? - поравнявшись с Хели, вполголоса спросила Риони.

- Очень на это надеюсь, - так же тихо ответила охотница, не желая, чтобы ее слова услышали остальные. - Конечно, их наверняка меньше, чем в любом другом лесу - или же чем было до того, как в эти земли пришли Тени. Но... Я надеюсь, что эти твари не успели уничтожить их всех. Если живности нет, если Тени что-то сделали с ними... ты же понимаешь - мы обречены.

Риони коротко кивнула. Мысль о идущей по пятам смерти не ужасала ее так, как раньше. Но она не смирилась, нет, и сдаваться без боя была не намерена. Больше, чем когда-либо, Риони готова была сражаться до конца. У них еще оставалась надежда выбраться из леса и попасть в Калмаю. Призрачный, но шанс все-таки был.

Она ступила на свежую, чуть сыроватую после утренней росы землю. Вдохнула запах прелой листвы, замерла и, наклонив голову, с наслаждением слушала шелест встревоженных ветром крон. А Лиэн уже подбегала к приземистым кустам в отдалении, чтобы полакомиться алеющими на нем ягодами. Гвел, Хели и Бье тут же последовали ее примеру - набросились на кусты так, что трещали ветки. Риони рассмеялась и ускорила шаг, чтобы присоединиться к остальным.

Брызжа соком, она торопливо поглощала ягоды с мелкими черными косточками, почти не ощущая их вкуса. Насытившись, запила водой из ручья. Довольно улыбнулась. Жизнь перестала казаться такой унылой и беспросветной, как буквально несколько минут назад. Набив сумки ягодами, друзья продолжили путь.

Когда робкое утреннее солнце засияло в полную силу, одаривая их жаркими лучами, до ушей Риони долетел слабый звук, который заставил ее резко остановиться. Шорох повторился, и звучал он совсем близко. Риони стрельнула глазами в направлении звука и радостно окликнула Хели, указывая рукой на просвет между деревьями, где виднелась мирно пасущаяся лань.

Оглянулась на Хели, чтобы удостовериться, что и она увидела добычу. Лицо охотницы расплылось в довольной улыбке. Хели сняла со спины лук, перехватила его поудобнее и, подмигнув Риони, двинулась вперед, к ничего не подозревающей жертве.

Увы, лань Хели сразу поймать не удалось – животное испугнули рыскающие по лесу Тени. Путники переждали, пока порождения Ничто утолят свой неумный голод, превратив несколько деревьев в почерневшие высохшие подобия самих себя. Как только Тени скрылись в гуще леса, Хели бросилась вперед, чтобы нагнать добычу.

Друзья следовали за ней, боясь потерять из виду и разделиться. Риони бежала позади, с трудом уворачиваясь от веток, так и норовящих хлестнуть по лицу. Приходилось успевать и смотреть под ноги, чтобы не споткнуться об упавшее дерево, торчащий из земли пень или камень. Горло саднило, в боку кололо от непрерывной погони.

Хели легко петляла между деревьями, пока остальные едва поспевали за ней.

– Вот она! – слышался ее возбужденный голос.

Задыхаясь, Риони завернула за дерево. В нескольких шагах от нее застыли друзья. Хели, приложив палец к губам, призвала Риони последовать их примеру и не шуметь.

На открытом пятачке леса в нескольких шагах от охотницы стояла та самая лань. Скрытая раскидистым кустом, Хели

медленно и осторожно сняла из налучья лук, вынула из колчана стрелу и приставила к тетиве. Шагнула в сторону на полусогнутых ногах, покидая укрытие. Риони заворожено наблюдала за тем, как охотница натягивает тетиву, как стрела сryвается из-под ее пальцев и летит вперед – уверенно и смело...

Стрела упала на расстоянии ладони от пасущейся лани. Вместо того, чтобы испуганно шарахнуться и броситься бежать, лань продолжала стоять как ни в чем ни бывало. Хели, шепотом ругнувшись, послала в полет новую стрелу. Казалась, уж она-то должна поразить добычу в самое сердце! Но вторая стрела, как и ее предшественница, пролетела мимо.

– Этого не может быть, – прошептала Хели. – Этого просто не может быть!

Стрелы летели одна за другой. Всякий раз Риони казалось, что стрела летит точно в цель, что мгновением позже вонзится в мягкую плоть, но этого не происходило. И лань будто не слышала свиста летящих мимо нее стрел, продолжала мирно пощипывать траву, совершенно не боясь чужаков, нагло вторгшихся на ее территорию.

Хели повернулась к друзьям. Побледневшее лицо ясно говорило о том, что происходило сейчас в ее душе.

– Я проклята, – выдавила она.

– Что ты такое говоришь! – нахмурившись, протестующее воскликнула Лиэн. – Ты просто немного потеряла сноровку. Вспомни, когда ты стреляла в последний раз!

– Ты не понимаешь, – едва слышно прошептала Хели. Сделала шаг навстречу друзьям, уже не таясь от неуязвимой добычи. – Такого никогда не было. Что-то случилось со мной! Что-то страшное...

К своему ужасу Риони услышала надрывные нотки в голосе охотницы. Кажется, она едва сдерживалась, чтобы не зарыдать. Если уж всегда жизнерадостная Хели готова была опустить руки, чего ждать от остальных?

Хели всхлипнула, в отчаянии бросила лук на землю и закрыла лицо руками. Гвел сделал к ней осторожный шаг, но тут же замер, не решаясь обнять любимую. Охотница отняла руки от лица, застывшим взглядом скользнула по лицам друзей.

- Тени... - прошептала Хели. Она выглядела сейчас как человек, которому открылась пугающая истина.

- О чем ты? - не поняла Риони.

- Тот день, когда Тень прошла прямо сквозь меня... она заразила меня своей темной магией. Она меня изменила...

Риони хотела было возразить, но не нашла нужных слов. Они до сих пор почти ничего не знали о порождениях, посмеивших пересечь границу между Ничто и плоским миром. Не знали, на что они способны. Что, если Хели права?

Она же своими собственными глазами видела, как тренировалась охотница. Посланные Хели стрелы всегда оказывались в самом центре самодельной мишени, грубо изображенной травяной кашицей на светлой коре. Ловкая, гибкая, сильная, она легко взбиралась на дерево, и с самой его высоты попадала в нарисованные на земле круги, которые изображали движение воображаемой добычи. Но теперь ни одна из пущенных Хели стрел не попала в цель - в цель, которая была недалеко и абсолютно неподвижна. Риони не знала, что и думать.

Сознанием завладела паническая мысль: они остались без еды.

Несколько часов путники бродили от одного куста к другому в поисках спелых ягод. Этот участок леса выглядел странно - часть была нетронута странной магией Теней, часть - безнадежно

мертва. Так и шли, пересекая живую полосу зелени, чтобы минутами спустя оказаться в полосе черной трухи и пепла.

И не лес вовсе – диковинное, полуживое и полумертвое чудовище, окрашенное в черно-зеленую полосу.

Ягоды снова кончались – собранных прежде горстей хватило ненадолго. Риони украдкой бросала на Хели беспокойные взгляды и каждый раз видела влажный блеск в ее глазах. Непривычно было видеть охотницу без ее любимого лука – его подобрал с земли и нес Гвел. После унижительного поражения Хели наотрез отказывалась брать в руки оружие.

В какой-то момент – после десятого, а может, и сотого куста, на котором путники не обнаружили ничего, кроме оцетинившихся, будто нацеленных на них шипов – Хели не выдержала. Стремительно преодолев разделявшее их с Гвелом расстояние, буквально вырвала лук из его руки. Из колчана, который по-прежнему был при ней, вынула стрелу и скрылась в лесной чаще. Гвел хотел было последовать за ней, но Хели парой несдержанных фраз заставила его повернуть назад.

Друзья застыли на месте, не решаясь продолжать путь без Хели.

Не прошло и часа, как она вернулась. Мрачнее тучи, с видом человека, чья жизнь разрушена в одночасье. Швырнула колчан с оставшимися стрелами на землю, буквально втоптала его в грязь кожаными ботиночками. Лук оставила висеть за спиной – наверное, просто не могла лишиться главного атрибута, который верой и правдой служил ей долгие годы.

До тех пор, пока они не вошли в лес.

– Хели, может... – осторожно начал Гвел, глядя на рассыпанные по земле стрелы.

- Не может, - отрезала она. - Они теперь бесполезны. Я бесполезна.

- Не вини себя, - мягко сказала Лиэн.

Хели закрыла лицо руками, сгорбилась, словно разом лишившись сил. Тщательно сохраняемое ею самообладание треснуло, как ореховая скорлупа. Она заплакала, позволив Гвелу себя обнять.

В воздухе повисла тишина, прерываемая лишь горькими всхлипами Хели. Риони беспомощно озиралась вокруг.

Вдруг вернулось знакомое чувство, когда леденеет кожа и страх вползает в сердце, заставляя его заиндеветь. Она видела перед собой кусты и деревья, нетронутые разрушающей силой Теней, голую землю и... больше ничего.

- Мы же шли прямо вдоль ручья, - медленно проговорила Риони. - Куда он делся?

Хели высвободилась из объятий Гвела, окинула лес пустым, отрешенным взглядом.

- Это все лес, - прошептала она. - Он проклят Тенями. Теперь и мы прокляты.

- Бье, ты же должен был следить, чтобы мы не потерялись! - не слушая подругу, гневно вскрикнула Риони. - Ты должен был вывести нас из леса!

Хели повернулась к ней. На бледном лице выделялись блестящие от слез глаза. Шагнув вперед, Охотница ша за плечи и легонько тряхнула.

- Да пойми же ты, - горячо зашептала она, - Бье не виноват! Это все лес...

Риони не слушала ее. В голове звонким колоколом билась одна-единственная мысль. Ручей должен был привести их к реке.

Река – к Калмае. Теперь, когда не было ручья, не было и шанса на спасение.

Она засыпала в слезах, надеясь, что ей приснится Энцо. И он приснился, как всегда – будто ответив на ее немой призыв.

Он держит ее лицо в ладонях, целуя нежно-нежно, едва касаясь губами губ. Риони качается на волнах охватившей ее неги, заполнившей каждую клеточку тела. Энцо трется носом о ее нос – их привычная и такая умилительная забава. Прядь длинных темных волос падает вниз и щекочет ей щеку. Риони фыркает и пытается вырваться. Как бы не так... Он смеется и сжимает объятья еще крепче.

За спиной Энцо встает черное солнце. И когда его луч касается щеки, Риони кричит.

– Значит, это все? – прошептала Соня. – Надежды нет?

– Надежда есть всегда, медвежонок. – Глядя сестре в глаза, я говорила медленно и отчетливо, чтобы выжечь мои слова в ее сознании. – Даже когда кажется, что ты стоишь перед пропастью, и кто-то сильный подталкивает тебя вперед. В любой истории – выдуманной или настоящей – наступает такой момент, когда кажется, что выхода нет, что мир рухнул...

– Что солнце стало черным, – тихо сказала Соня.

– Да, милая, да. – Я знала, что она меня поймет.

Я стиснула ее холодные пальцы – в последнее время она часто мерзла, –надеясь передать ей частичку своего тепла.

– Риони жива. И пока она жива, пока ее сердце бьется, а в венах течет огненная кровь... Есть и надежда.

Глава восьмая. Конец иллюзиям

- Не грусти, Ди. Так случается, - тихо сказала Соня.

Я смотрела на нее во все глаза, а в моем воображении разворачивалась картина из фильма-катастрофы. Мне виделась хрупкая девчушка с забавной косынкой с котятками на голове, которая прикрывает жалкие остатки волос, собранные в тоненький хвостик. Она стоит - прямо, гордо, а вокруг нее рушится мир. С корнем вырываются и падают деревья, осыпается вниз земля, оставляя гигантские рытвины, в глубине которых плещется магма. Крошится камень, под весом падающих крыш оседают дома. А она стоит посреди вселенского хаоса и тихо шепчет: «Так случается».

Как Соня может быть такой сильной, когда мне хочется бить кулаком в больничную стену и кричать?

А она, не тратя время на окрашенные в черно-красный эмоции, продолжала упрямо цепляться за жизнь тонкими, исколотыми капельницами руками.

У Сони обнаружили острую почечную недостаточность. Врач объяснил: при лейкозе почки отказывают из-за того, что вынуждены фильтровать продукты бесконечного распада раковых клеток в крови. Хуже всего понимать, что пересадка почки - при условии, что мы найдем подходящую - от лейкемии Соню не спасет. Лишь даст гарантию, что она не умрет от почечной недостаточности. И это меня... убивало.

Оставив дедушку и бледную до синевы маму засыпать врача вопросами, я вернулась в палату к сестре. Не хотела надолго оставлять ее в одиночестве.

Я должна была отвлечь Соню, а вместо этого молчала, потому что не знала, что сказать, и злилась на себя за это. Нужные слова никак не приходили, новой части истории при мне не было, и я

чувствовала себя беззащитной... хотя должна была сама защищать Соню.

- Давай поиграем, - вдруг предложила она.

Я удивленно вздернула брови. Осторожно произнесла:

- Давай. А во что?

- В «перевертышей».

- Ага, - глубокомысленно сказала я. - И как в это играть?

Соня поднялась на постели. Она выглядела изможденной, ее тошнило весь день, но при этом ее движения, как и речь, были быстрыми - быстрее, чем ожидаешь от больного ребенка. Как объяснил врач, и такое случается. При ухудшении есть два полюса - заторможенность и возбуждение, и организм Сони выбрал второй вариант.

Неплохо, на первый взгляд, вот только слова «ухудшение» и «так случается» я уже успела возненавидеть.

- Подойди к окну. Видишь кошку, которая охотится за воробьем?

Я послушалась. Проследила за ее взглядом.

- Ага, вижу. Только это вряд ли кошка. Скорее всего кот.

- Почему? - удивилась Соня.

- Потому что рыжий и толстый. И морда наглая. Точно кот.

- Кот так кот, - легко согласилась она. Торжественно подняла вверх указательный палец. - Но! Это не просто кот. Это господин Мяускас из параллельного мира.

Я закусила губу, чтобы не рассмеяться.

- Мяускас?

- Именно, - важно проговорила Соня. - В этом мире есть страна Мьявландия, где кошки ходят на работу, женятся и заводят де... котят. Они ездят на специальных автомобилях...

- В форме рыб, - ляпнула я. - То есть автомобили эти летающие, без колес. Аэромобили.

Соня поразмыслила над моим предложением. Кивнула - дескать, принимается. Продолжила:

- У них есть дома из меха и ткани...

- С синтепоном внутри, - подхватила я.

- Да, и с башнями-когтеточками. А еще жители Мьявландии любят заводить людей - домашних питомцев. Они очень болтливые и постоянно разговаривают на своем странном языке, в котором много лишних букв. Еще они глупые и постоянно занимаются какими-то странными вещами, но кошек это забавляет.

- Нет, думаю, люди у них не домашние питомцы, - возразила я.

- А слуги. Они следят за тем, чтобы в домах у кошек было тепло и сухо, чтобы вода всегда была свежей, они накрывают на стол - то есть насыпают корм в мисочку, а еще развлекают.

Соне моя идея пришлась по вкусу.

- А воробей, за которым охотится господин Мьяускас - это вражеский летчик.

- Шпион!

- Да, шпион из соседней страны Чикчирикии.

Я подавилась смехом. Соня заговорила тревожным голосом:

- Он был заслан в Мьявландию, чтобы разгадать секреты лечебной кошачьей магии, которая позволяла им исцелять своих слуг, людей.

- Магии мурчания!

- Да. Они хотели разузнать технологии мьявландов, и секретный агент Чикчирикии с кодовым именем 008 подобрался совсем близко...

- А жители Мьявландии, - вдохновенно продолжала я, - на самом деле киборги, в которых с детства вживляют аппарат «мурчалка»...

- ...и жители Чикчирикии хотят украсть технологию, чтобы самим завладеть мурчалкой!

Я сощурила глаза и, подавшись к Соне, произнесла низким голосом:

- А в соседних кустах, никем не замеченный, притаился тот, кого мы, глупые люди, называем овчаркой. На самом деле это - житель Гавгавии, сержант... сержант...

- Гав Нюк!

Я не выдержала и расхохоталась в голос.

Испуганная шумом, в комнату заглянула мама. Выдохнула облегченно и неуверенно улыбнулась, глядя на нас.

- Над чем смеетесь?

- Мама, твоя младшая дочь, кажется, недолюбливает овчарок, - вытирая слезы, сквозь смех выдавила я. - Или собак в целом.

- Они слюнявые и невкусно пахнут, - защищалась Соня. - Мама, поиграешь с нами в «перевертышей»? Нужно выбрать любой живой объект и придумать ему свою собственную историю.

- Милая, я не сильна в фантазерстве, - с извиняющимися нотками проговорила мама.

Смех как-то затих, желание играть пропало. Мне вдруг стало жалко маму - она выглядела такой растерянной... Будто бы забрела в чужой дом, на чужой праздник, и казалась самой себе лишней.

Это не потому, что она нас не любила. Просто так вышло, что мы были разными: мы с Соней выдумщицами, она - практиком и реалистом. Но это не мешало ей оставаться хорошей матерью... которую иногда, правда, так не хватало...

- Мам, а помнишь, ты рассказывала мне, что встречалась с заядлым кошатником... Ммм... Алекс его вроде звали?

Она смущенно рассмеялась. Взглянув на Соню, я объяснила:

- Он вроде бы славный парень, но его любовь к кошкам... это нечто. Он сам шил им костюмчики, можешь себе представить? И дни рождения их отмечал. Мам, расскажи, как он наряжал своих кошек!

- Мам, расскажи, расскажи!

Она сдалась под нашим напором.

- Ну... любимым костюмом у Алекса был костюм Кота в сапогах - шляпа, роскошные сапоги с отворотами и тряпичная сабля сбоку. А однажды он выложил в интернет фото маленькой Багиры, где она была в костюме горничной - в очаровательном берете и кружевном переднике. А еще...

Она рассказывала, Соня улыбалась. И вдруг показалось, что мы все преодолеем.

Пока они болтали, я попросила дедушку свозить меня домой. В палату я вернулась с заветным листком бумаги.

- Соня вытянула из меня все истории про Алекса и его кошек. - Мама выглядела счастливой и немного измученной. - В жизни столько о нем не говорила.

Когда я направилась к стулу, чтобы сменить маму на посту и рассказать очередную часть истории про саламандру, она задержалась на мгновение и шепнула мне на ухо: «Спасибо».

Я улыбнулась. Мы еще станем образцовой семьей. Обязательно станем.

Риони не знала, куда и зачем они идут. У них все равно не было ни единого шанса выбраться из леса. Он играл по правилам Теней

- лгал, околдовывал, путал. И Хели, и Бье будто оказались под знаком проклятья. И остальные - Риони была уверена в этом - не избежали горькой участи. Теперь стало ясно, почему их удары не приносили никакого вреда напавшей на путников Тени. У Риони еще оставалась сила огненной стихии, но кто знает, как долго это продлится?

Желая убедиться, что это еще не произошло, она ежеминутно раскаляла кончики пальцев. Однажды ей даже показалось, что по ним проскочила слабая, неуверенная искра. Но Риони не могла поручиться, что это случилось на самом деле. Возможно, она просто увидела то, чего так отчаянно хотела увидеть.

Зеленая полоса леса кончилась. Потянулись черные проплешины, кусты поредели, а затем и исчезли вовсе. Деревья торчали из потрескавшейся земли как гнилые зубы. Ветки от нечаянного прикосновения рассыпались в труху.

Риони устала. Живот сводило от невыносимого голода, мучила жажда. Ручей так и не появился, вода во фляге закончилась уже пару часов назад. Закончились и разговоры - друзья старались не тратить жалкие остатки сил. Бье шел с потерянными, виноватым видом. На него было больно смотреть. Риони уже сотню раз пожалела, что набросилась на друга. Хели права: в том, что они сбились с пути, не было его вины.

Гвел держал Хели за руку, помогал, когда она - обычно грациозная и ловкая - спотыкалась о торчащие из почерневшей земли корни деревьев. Лиэн шла позади - как и все они, мрачная и подавленная.

Идущая первой Риони ежеминутно оборачивалась назад. Не могла избавиться от мысли, что лес готовит им новые испытания. Боялась, что этот проклятый лес разлучит их.

Но беда пришла с другой стороны.

В очередной раз оглянувшись, Риони с облегченным вздохом удостоверилась, что все в порядке. Обернулась назад и... поняла, что не может сдвинуться с места. Брошенный вниз взгляд заставил ее похолодеть. Ее ноги оплетала черная паутина. Брезгливо вскрикнув, Риони попыталась отскочить назад. Паутина не отпускала.

- Стойте! - истошно крикнула она друзьям. - Не идите сюда!

Рука метнулась к висящему на поясе кинжалу, но ее тут же опутала паутина. Вскоре все тело Риони оказалось заключено в прочные путы. Она отчаянно брыкалась, но, связанная по рукам и ногам, не сумела удержать равновесия и рухнула вперед, на землю. В последний момент ей удалось приподнять голову и избежать удара и вывихнутой челюсти.

Риони лежала на земле. Не могла пошевелить ни рукой, ни ногой - прочные нити надежно удерживали свою жертву. Все, что ей оставалось - смотреть снизу вверх на застывших неподалеку друзей.

И Риони никак не могла понять, почему они стоят как изваяния и не предпринимают никаких попыток ей помочь.

- Лиэн, перережь эту проклятую паутину! - Взгляд впился в парные кинжалы танцовщицы.

Лиэн не сдвинулась с места, просто молча смотрела на нее. Риони стало не по себе от этого застывшего, мертвого взгляда.

- Гвел? - неуверенно спросила она.

Тот стоял, сжимая в руке ладонь Хели. Бье застыл рядом, лицо его было бледным и сочувственным. Но он даже не пошевелился, никак не отреагировал на отчаянный зов Риони.

- Да что с вами? - чуть не плача, воскликнула она. - Почему вы не хотите мне помочь?

- Потому что не можем, - с болью в голосе ответила Хели.

- Да нет же, можете! - Риони всхлипнула, уже не стыдясь своих слез. - Вокруг больше нет паутины. Пожалуйста, освободите меня!

- Ящерка, хватит. - Бье стоял прямо над ней. Риони заглянула в его ореховые с золотистыми искорками глаза. Сердце болезненно сжалось.

Она заплакала.

- Я не понимаю. Зачем вы поступаете так со мной?

- Просто не хочешь понимать, - мягко сказала Хели. - Но если ты не примешь правду - не выживешь.

- Да какую правду? - взмолилась Риони.

- Мы не можем тебе помочь.

- Но почему?

- Потому что нас нет.

Крик замер на губах. Всхлип, рожденный где-то в груди, так и не вырвался наружу.

- Вас никогда не было, - прошептала Риони. Обманывать саму себя больше не было смысла.

Не было никакой реки, ведущей в Калмаю. Но, что важнее, не было Бье, Хели, Лиэн и Гвела. Риони подняла глаза, изучая образы, которые медленно таяли. Образы, порожденные ее собственным разумом.

В какой момент она поверила в то, что придумала сама?

Хели. Хемераль - потрясающе красивая, невероятно ловкая и неуязвимая охотница из «Историй о Хемераль» - книги, которую Риони в детстве зачитывала до дыр. Героиня, которой она всегда восхищалась, на которую всегда хотела походить. Те истории, которые рассказывала Риони в лесу Хели, в детстве ей рассказывала мама. Лиара Верье - именно ей принадлежали

пепельные волосы и светло-серые глаза. Хемераль и Лиара в сознании Риони сплелись в единый образ охотницы Хели.

Гвел – угрюмый, сильный, решительный. Ее отец, погибший слишком рано – когда Риони была еще малышкой. Такой, каким она представляла его по рассказам матери. Гвел, выдуманный ею, всегда оберегал Хели. Иначе и быть не могло.

Лиэн – знаменитая на весь мир танцовщица, не раз танцевавшая на балу Иллирэ. Дерзкая сердцеедка и прекрасная ... Неуверенная в себе, Риони всегда хотела быть такой, как она.

Бье – привлекательный соседский паренек, который, поговаривали, был влюблен в нее по уши. Он нравился Риони, он действительно ей нравился. Но потом в жизни Риони появился Энцо, и все остальные мужчины просто перестали для нее существовать. Бье стал ее приветом из прошлого. Жутким приветом, выжегшим след в ее памяти. В тот злополучный день, когда Тени вторглись в земли у Края мира, Риони нашла искореженное тело Бье возле своего сожженного дома. Он сильно обгорел, но Риони навсегда запомнила, как карие с золотыми искорками глаза бездумно смотрят в небо.

Вся ее жизнь – лишь разрозненные лоскуты. А все их споры – лишь ее собственные сомнения.

Риони придумала их – когда сходила с ума от горя, безысходности и невыносимого одиночества. Если бы не они, она бы просто потеряла рассудок. Если бы не они, она никогда бы не осмелилась войти в проклятый лес.

Если бы не они, Риони давно бы уже умерла.

– Не уходите, – бессильно прошептала она. – Я не справлюсь без вас.

– Обязательно справишься, – с улыбкой пообещала Хели.

Риони закрыла глаза, а когда открыла их, поляна была пуста. Все еще скованная, она обессиленно прислонилась щекой к земле и завывала в полный голос – как тогда, когда увидела сгоревшую дотла деревню. Ее жизнь была разрушена снова.

Слезы иссыкли нескоро. Вместо них пришла ненависть – жгучая, раскаленная добела. Если бы не Тени, ничего этого не случилось бы. Мама, Энцо – они были бы живы, а Риони не пришлось бы переживать горечь утраты – сначала близких и знакомых, а теперь и тех, к кому она успела привязаться, кого считала живыми и настоящими. Гвел, Бье, Лиэн и Хели.

Ненависть придавала сил. Риони не готова была умереть вот так – в одиночестве, от голода, в ловушке, расставленной проклятыми Тенями. Она – саламандра, она выжила там, где никто не смог выжить.

Выживет и сейчас.

Что-то внутри нее изменилось. Она была рождена саламандрой, но едва ли могла пользоваться тем, чем наградила ее Иллирэ. И только сейчас в сердце вспыхнула искра, которой Риони так не хватало.

Ненависть разожгла ее дар.

Риони стиснула зубы и, призвав стихию, раскалила кончики пальцев. Позволила ярости и боли завладеть сознанием, дать ей сил для борьбы. Закричала и вспыхнула, словно факел. Горели ее волосы, ее тело – вся поверхность кожи была объята огнем. Зажглось платье, которое, как думала Риони, дала ей Лиэн. На самом деле она сама сняла его с тела мертвой девушки, найденной в лесу.

Теперь, когда разум перестал оберегать чувства своей хозяйки, воспоминания – настоящие воспоминания – постепенно к ней возвращались. Риони в ужасе вспоминала, как в одиночку

брела по кишасшему порождениями Нечто лесу, как в одиночку боролась с Тенью, как убила ее, заманив в пылающий костер. Хватило бы ей решимости и сил сделать это, если бы она знала, что ей не на кого надеяться, что из живых в лесу она совершенно одна?

Паутина сжималась и горела, источая смрад. Оковы спали. Риони поднялась – полыхающая, нагая.

– У саламандр вместо крови – жидкий огонь, – тихо повторила она слова мамы, сказанные устами придуманной ею Хели.

Риони понимала, что до Калмаи ей не добраться. Она совершенно не знала леса, но знала, что он огромен и пропитан теневой магией порождений Ничто. Ей никогда уже не выбраться отсюда.

Но это неважно. Пусть ей суждено умереть, перед смертью она убьет как можно больше тварей, что разрушили ее жизнь и растоптали ее счастливое настоящее, и будущего лишив.

Риони подняла кинжал из костра, в котором плавилась паутина. Резанула себя по запястью, позволяя крови стекать по руке вниз и исчезать в черной земле, оскверненной Тенями. И пошла вперед...

Все, о чем Риони молила Иллирэ – не дать ей умереть слишком рано. Она шла, стараясь не замечать, как сильно кружится голова и как сильно хочется лечь и уснуть. И когда поняла, что сил больше не осталось, обернулась. Взглядом зажгла искру, заставив собственную кровь, окропившую землю, вспыхнуть. Искра распространялась дальше по кровавому следу, который Риони оставила за собой. Полыхнули сотканые из черного пепла и трухи деревья.

На воспламенение взглядом ушли последние ее силы. Их просто не осталось – так, наверное, Тень до последней капли

высасывает из человека жизнь. Опустошение и невероятная усталость, преодолеть которую было выше ее сил. Хотелось лечь на землю и закрыть глаза. Какое-то время Риони еще пыталась бороться с соблазном, противостоять зову, исходящему, казалось, от самой земли.

А потом сдалась.

Ноги сделались ватными, Риони едва чувствовала их и никак не могла заставить нести ее вперед. Упала на колени и неловко завалилась на бок. Отяжелевшие веки закрылись, даруя ощущение покоя и безмятежности. Всего несколько минут. Она только немного отдохнет...

Риони знала, что обманывает себя – как делала это все проведенное в лесу время. Так легче – уютная иллюзия слаще обжигающей правды. Воздушный замок лучше развернувшейся под ногами пропасти...

Она не знала, сколько пролежала вот так, чувствуя, как жизнь вытекает из нее по капле. Было хорошо и тепло – Риони находилась в самом эпицентре огненного торнадо, погребального костра, в который превратился лес. Но она уже чувствовала на щеке ледяное дыхание смерти.

Мир потонул в ослепительной белизне, словно неведомый демиург, разочаровавшись в своем творении, закрасил его белой краской, чтобы начать все с чистого листа. Риони была совсем не против. Она устала от мук голода, терзающих ее кошмаров... и грызущей душу изнутри боли, которая не исчезала никогда.

И там, в этой блаженной белой пустоте, которая обволакивала кисейным полотном, делала ее тело легким и невесомым, Риони увидела его.

Энцо.

И потянулась к нему, желая утолить жажду прикосновением, объятием, поцелуем... Не видела ничего, кроме него. На эти несколько мгновений он стал ее миром.

«Я так ждала этого, любимый».

«Знаю, родная».

Но Энцо отдалялся. Риони тянулась к нему, бежала к нему сквозь белое пространство – безликое и совсем не страшное. Но чем быстрее она бежала, тем больше становилось расстояние между ними.

Риони теряла его. Она снова его теряла.

- Значит, она не умерла? Но как же... остальные. Они – фантазия?

- Фантазия, которая помогла ей справиться с одиночеством, Соня, – мягко сказала я. – Выдумка, которая была ей необходима. Чтобы не сойти с ума. Чтобы хоть немного унять боль, которая ее убивала.

- Чтобы стало легче... Как я выдумывала другой мир, другой Н-ск, когда было плохо в этом.

- Да, – прошептала я. Глаза щипало.

Глава девятая. Я рядом

- Ди...

- Милая, история еще не готова, – ответила я, лихорадочно стуча по клавишам.

- Ди...

Слезливые нотки в голосе сестры заставили меня обернуться. Она стояла в дверном проеме. В руке, как темная лоснящаяся змея, зажата прядь волос.

- Я больше не могу, - прошептала Соня.

- Крошка... - Я бросилась к ней, порывисто обняла. - Хочешь, мы прямо сейчас запишемся к парикмахеру, который стрижет маму?

Она побледнела так, что мне самой на мгновение стало плохо.

- Что? Не хочешь, чтобы это делали другие?

Соня с усилием кивнула, глядя на меня как испуганный олененок в свете автомобильных фар.

- Знаешь что? Мы прямо сейчас, прямо в нашей ванной возьмем и сделаем тебе новую прическу.

- Но мама говорила...

- Неважно, что говорила мама! То есть...

Нет, серьезно, мне бы стоило взять у нее пару уроков психологии. И первый урок наверняка бы озаглавливался «Сначала думай, потом говори».

- То, что говорит мама - очень важно, и ее надо слушаться. - Наверное, я напоминала сейчас барахтающуюся в мухе паутину.

- Но не всегда. И вот сейчас как раз такой случай.

- А как понять, в какой момент ее нужно слушаться, а когда такой случай, когда не нужно? - осведомилась Соня.

Мне казалось, или она надо мной смеется? Я прищурила глаза.

- А ну-ка марш в ванную!

Хихикнув, Соня направилась туда, села на край огромной ванны - я любила нежиться в ней в шапке душистой пены. Смотрела с любопытством, как я затыкаю раковину и набираю воду, а затем достаю из одного из шкафчиков - соседнего с тем, где хранятся таблетки, бритвенные принадлежности.

- Розовая? - поразила Соня.

- Да, это специальная бритва для девочек.

- Для девочек?! - Подумав, она добавила: - Фи.

Я вздохнула.

- Во взрослой жизни тебя ждет немало интересных открытий, София. Бритва для девочек - пожалуй, меньшее, чему стоит удивляться. - Я повернулась к ней. - Готова?

Страх, отразившийся в бирюзовых глазах, подсказал: нет.

- Эй, что такое? - Я отложила в сторону бритву. Присела на корточки перед Соней, чтобы мое лицо оказалось на уровне ее лица. И с ужасом заметила в голубых глазах слезы.

- Я стану такой некрасивой...

- Эй, перестань! Мы накупим тебе десятки классных шляпок! И косынки, и парики - все, что захочешь! Слушай, помнишь, ту мою черную шляпку с широкими полями, которая тебе так нравилась? Она, наверное, сейчас тебе большевата, но когда

чуть подрастешь – она твоя! А пока можешь таскать ее дома, если хочешь.

Соня все еще колебалась. Казалось бы, что может быть проще – избавиться от лезущих после облучения волос, которых и так осталось с три перышка? Даже зная, что снова предстоит химиотерапия...

Но не так-то просто избавиться от, быть может, последнего, что связывало тебя с тобой прежней. Цветущей девочкой с румянцем на щеках, с густой копной волос, которые у многих вызывали зависть. Как и мои – не менее густые и длинные.

Спасибо, папочка. Хотя бы за это. Но знаешь что?

– И вообще, длинные волосы уже давно не в моде, – категорично заявила я, выпрямляясь.

– Ну да, – буркнула Соня. – Ты же ходишь с длинными.

– Это ненадолго, – заверила я.

Новый нырок в шкаф – на сей раз за ножницами.

– И... оп! – И я, замерев лишь на одно предательское мгновение, отсекала прядь своих волос, оставив несчастную пару сантиметров.

Соня ахнула, да так и застыла с раскрытым ртом.

С некоторой долей грусти проследив за падением блондинисто-русого локона, я с энтузиазмом принялась орудовать ножницами. Отсекала прядь за прядью, и с каждым мгновением на душе становилось все легче. И голова... когда я закончила, она стала легкой, как пушинка.

Я не обманывалась насчет своих парикмахерских способностей, и понимала, что к маминому парикмахеру сегодня вечером наведаться мне все-таки придется. Я представила ее лицо, когда она увидит, какой хаос творится на моей голове – именно она делала мне весьма искусное «омбре» из месяца в месяц – и расхохоталась. Сестра подхватила мой смех.

– А я? А я? – воскликнула Соня, соскочив с ванны, будто не она только что с ужасом в глазах смотрела на невинную розовую бритву. – Можно я чикну?

– На, только осторожно, – сказала я, вкладывая в ее холодные пальчики ножницы. Педагог из меня никудышный, это я уже поняла. Но есть шанс, что я хотя бы стану хорошей сестрой. – Только не забудь волшебную фразу.

– Ага, поняла. – Соня выдохнула, как перед прыжком в ледяную воду. Глядя на себя в зеркало, поднесла раскрытые ножницы к самому основанию пряди. – И... оп!

И одним движением отсекла локон.

– Да! – Мы закричали одновременно. Дальше солировала я: – Враг повержен!

Пока Соня неуклюже подстригала оставшиеся пряди – процесс ей явно понравился, – я прямо ей на затылок выдавила вкусно пахнущую пену.

– Алоэ вера, – со знанием дела произнесла я. – Кожа будет как шелк!

Соня прыснула, передавая мне бритву. Я взглянула в зеркальное отражение поверх ее плеча. Подмигнула.

- Ну что? Готова?

- Готова!

Осторожно, медленно продвигаясь прядь за прядью, я сбрасывала короткие – после манипуляций с ножницами – волосинки. Тонкие, ослабленные, они не сопротивлялись. Не удержавшись, я провела пальцем по лысой части головы.

- Круто...

- Правда? – Соня смотрела на меня через зеркало с затаенной надеждой.

- Правда. – Я вдруг разулыбалась.

- Ты чего?

- Помнишь, у нас был сфинкс Брукс? Ты его еще, маленькая, гладить боялась, все спрашивала, где он потерял свою шкуру?

- Эй, – надула губки Соня. – Я не сфинкс. Он был странный и противный.

Я расхохоталась, от смеха дернув рукой – кусок пены отлетел на покрытую персиковым кафелем стену. Безупречным, каким и должно быть все в доме семьи Полянских.

- Конечно, ты не сфинкс, потому что ты совсем не противная. Но ощущения похожи. Пощупай!

Соня, надувшись, вырвала свою руку из моих рук, но я не сдавалась. Взяв ее за запястье, осторожно поднесла ее ладонь к голове.

- Ну давай, тебе понравится!

Она неохотно провела пальцами по голове, явно изо всех сил пытаюсь не хихикнуть.

- Круто же, да?

Соня не сдержалась и рассмеялась.

- Как шелковая.

- Я же говорила!

Через несколько минут все было закончено.

- Ты только посмотри, какие у тебя глаза, - прошептала я, прижавшись щекой к ее щеке. - В пол-лица, честное слово!

Соня улыбнулась.

Пока я вытирала кафель и очищала раковину, избавляясь от следов преступления, она трогала свою - теперь уже лысую - голову и разглядывала себя в зеркало.

Входная дверь стукнула. Я выронила губку, Соня - полотенце, которым вытирала затылок. Мама пришла.

Ой.

За всей этой суетой я не успела подумать, как преподнесу новость маме. Мы испуганно вытаращились друг на друга. Наверное, именно такой взгляд у кроликов, к которым подкрадывается удав.

- Может, спихнем все на меня? - заговорщицким шепотом заядлой преступницы предложила Соня. - Я больная, мне простят.

Я сдавленно хихикнула.

- Ну нет. Я старшая, мне и отвечать. Идем?

Соня с готовностью кивнула. С решимостью воина, идущего на последний бой, вложила мне в руку ладошку. Крепко держась за руки - чего не случилось уже очень, очень давно - мы добрались до гостиной. В кресле с газетой в руках сидел дед, мама то ли выговаривала ему что-то, то ли объясняла. Услышав шаги за спиной, обернулась. Да так и застыла.

- О господи! Что вы... Что...

Деда зажал ладонью рот, чтобы не рассмеяться. Уж точно не над Соней - потому что со своей лысой головой безупречной формы и огромными голубыми глазищами она смотрелась в разы лучше меня, общипанной курицы.

Однако маме было не до смеха. Она побелела так, будто увидела на пороге гостиной не двух ее дочек, а саму смерть с косой.

- Мам, ты чего? - растерялась Соня. - Это же всего лишь волосы.

- Да, - неуверенно поддакнула я. - Не зубы - отрастут.

- Молчала бы лучше, - процедила мама.

- Вероника!

Она вылетела из комнаты, не удостоив ни дедушку, ни нас взглядом. Соня стояла с поникшими плечами. Я обняла ее, шепнула на ухо:

- Это не твоя вина, слышишь?

- И не ваша, - хмуро сказал дедушка, поднимаясь с дивана. - Давно надо было это сделать.

На плохой слух он точно не жаловался. Зрение только подводило, из-за чего дед вот уже несколько лет носил очки с толстенными линзами. Мы с Соней как-то свистнули их у него из-под носа, и по очереди пытались носить. Но мир через стекло казался совсем другим, малопонятным и каким-то нереальным: все предметы вдруг приблизились и стали огромными. Тогда малышка Соня решила, что дедушки и бабушки - особенные, и по-особенному смотрят на мир. Я не стала ее разубеждать. В конце концов, в чем-то она была права.

- Эй, глазастик, иди попей с дедой чаю с чем-нибудь вкусненьким, а я пока кое-что допишу.

Соня просияла. Кажется, сладкое и новая часть огненной истории - это оружие, способное отогнать любую печаль... хотя бы на какое-то время.

Я поднялась к себе, но специально оставила дверь открытой. Какое-то время сидела перед ноутбуком, прислушиваясь к доносящимся снизу голосам - тоненькому и басовитому.

А потом начала писать.

Риони открыла глаза - опустошенная, разочарованная новой разлукой с Энцо. Уже должна была привыкнуть, наверное, но... Привыкнуть к такому нелегко. Слезы обожгли глаза и тут же исчезли - даже плакать сейчас не было сил.

Риони вдруг со всей отчетливостью осознала – что-то изменилось. Мир вокруг нее вертелся в безумной карусели, но она больше не лежала на земле. Спине – тепло и мягко, в нос больше не бьет запах дыма и пепла. Держать глаза открытыми долго не получалось. Из груди вырвался надсадный хрип.

Мгновением спустя Риони услышала встревоженный женский голос. С каждым мгновением он становился все ближе. Кажется, он звал ее.

С трудом разлепив тяжелые веки, Риони увидела склонившуюся над ней темноволосую незнакомку с привлекательным лицом и добрым взглядом серо-голубых глаз. В тот же миг по телу разлилось восхитительное тепло. Рана на запястье начала затягиваться, отзываясь под кожей легкой щекоткой.

– Все закончилось, милая. Я рядом.

Риони спросила тихо, но голос ее больше не дрожал. Время слез прошло.

– Вы – настоящая?

Незнакомка улыбнулась так светло, что черная тоска в душе Риони поблекла.

– Самая что ни на есть. Я Беатрис.

– Я... в Калмае? – прошептала Риони. – Я все-таки добралась?

– Не совсем, – мягко сказала она. – Жители Вербы – деревушки близ Калмаи увидели горящий лес и поспешили туда, чтобы понять, что случилось. А потом мне рассказали о саламандре, которая истекала кровью и полыхала как настоящий костер, поджигая все вокруг. Ты у меня дома. Ты в безопасности. Не знаю, через что тебе пришлось пройти... но все это уже позади.

Риони знала – верила, – что Беатрис не лжет. Что на этот раз все взаправду. Быть может, чувствовала исходящее от нее тепло –

настоящее, человеческое, не иллюзорное. Быть может, просто хотела верить.

- А я - Риони. - Целебная магия чародейки убаюкивала, неудержимо клонило в сон. Но она должна была договорить. Должна была сказать такие важные для нее слова. - Я - саламандра.

*И, улыбнувшись, закрыла глаза. Все закончилось.
Она больше не одна.*

- Получается, что огонь, который был в ее сердце, вырвался наружу? - задумчиво спросила Соня.

У нее уже давно был очень слабый аппетит, но... как была она сладкоежкой, так ею и осталась. Сейчас Соня с явным удовольствием уминала творог с соусом из свежих ягод, запивая десерт витаминным «чаем» из шиповника.

- Выходит, так, - улыбнулась я. - Риони поделилась им с миром.

- А когда своим огнем с миром поделишься ты? - лукаво осведомилась Соня.

Я рассмеялась.

- Пока мне достаточно того, что я делюсь им с тобой. Ты очень благодарная слушательница, ты это знаешь?

- Ну еще бы, - важно сказала сестра, облизывая перемазанные в ягоде губы.

Скромное жилище Беатрис показалось Риони слишком пустым и необжитым. Чародейка подтвердила ее невысказанную догадку, тихо обронив:

- Это не мой дом. Скорее, временное пристанище.

«Как и для меня», – мелькнуло в голове.

Этим вечером, спустя сутки после того, как жители Вербы привезли Риони, бесчувственную и покрытую копотью, в дом Беатрис в Калмае, она впервые увидела свое отражение.

И была ошеломлена.

Да, она по-прежнему была невероятно худой – худее, чем когда-либо раньше. И волосы остались неизменными. Разве что иногда – как Риони поняла уже позже, в минуту отчаяния, грусти или радости – по ним пробегали алые искорки. Поразило ее другое.

Ее поразили глаза. Самые обычные, невнятно-серо-зеленые, где серости было намного больше... вот только в самой глубине зрачков полыхало настоящее пламя. Риони сидела, не выпуская зеркала из рук, наверное, с полчаса, привыкая к собственным глазам.

– Оставайся у меня столько, сколько понадобится, – сказала Беатрис за ужином.

Риони благодарно ей улыбнулась. Оказалось непросто примириться с мыслью, что все, чем она жила последние дни – иллюзия, выдумка, плод ее воображения, помутнение рассудка, изувеченного болью и одиночеством. Но мысль, что рядом с ней отныне находился человек, которому ее судьба – чужачки, почти незнакомки – была небезразлична, согревала. Душевное тепло и участие стало ее лекарством.

– И... Риони... Знаю, ты считаешь себя настоящей саламандрой, но пока это не так, – мягко сказала Беатрис.

Она вскинула голову, обескураженная. Неуверенно спросила:

– Нет?

Беатрис вздохнула.

- Я не знаю, что послужило катализатором, что заставило тебя поджечь лес и уничтожить с десятков Теней... и откуда в тебе - умирающей от голода и усталости, взялись силы...

Риони опустила глаза. Не могла заставить себя рассказать о Лиэн, Бье, Хели и Гвеле. О людях, с которыми она разговаривала, смеялась, с которыми делилась сомнениями и страхом... и совсем не выдуманной едой. Лишь сказала, что в какой-то момент решила во что бы то ни стало выбраться из проклятого леса.

Но Беатрис видела ее насквозь. Поняла, что о самом главном она умолчала.

- Какие бы испытанные тобой эмоции не стали причиной всплеска, они не будут жить в тебе вечно. Ты не сможешь каждый раз рождать в душе ураган чувств, который усилит твой огненный дар до предела. Чтобы быть саламандрой, тебе нужно научиться призывать дар в любое время дня и ночи, по мысленному приказу, по щелчку пальцев. Не полагаясь на ярость и гнев, а пробуждая свою истинную сущность саламандры. Я хорошо помню, как становилась чародейкой - дар то вспыхивал как спичка, то угасал. Но это только начало пути.

Риони понуро опустила голову. Нелегко, когда кто-то говорит тебе, что ты не такая сильная, какой самой себе казалась.

- Если хочешь... Если ты действительно этого хочешь, я поучу тебя обращаться с даром, - вдруг сказала Беатрис. - Все это время, призывая огонь, ты действовала по наитию, подчиняясь импульсу, используя эмоции как катализатор. Ты - невероятно талантливая самоучка, но я могу обучить тебя азам. Азам стихийной магии. Думаю, тебе это поможет.

Риони изумленно взглянула на нее. Беатрис, чародейка Калмаи, действительно предложила сделать ее своей ученицей?

- Я согласна, - выпалила она.

Беатрис позабавила ее пылкость. Беззлобно рассмеявшись, она сказала:

- Тогда решено, - подвела черту Беатрис. - Завтра и начнем.

Растеряв от волнения слова, Риони просто кивнула. Расплылась в улыбке, чувствуя, как теплеет внутри, как груз на душе, появившийся с той самой страшной ночи, становится чуточку легче.

Еще со многим предстояло смириться, очень многое принять... и изменить. Ее прошлое погребено под пеплом, будущее - туманно, а в настоящем - горечь и страх. И все же... Она была счастлива находиться здесь. Здесь, а не в кишачем Тенями лесе. Здесь, а не в Шале, охваченной огнем.

Риони проснулась с первым же рассветным лучом. Ей не терпелось приступить к обучению.

- Первое, что тебе предстоит сделать - взглянуть на окружающий мир особым, «магическим» зрением, которое доступно любому, в ком есть хотя бы капля магии, - наставляла чародейка.

Они находились в пустующей комнате особняка, стены которой Беатрис предусмотрительно покрыла защищающими от воздействия стихий чарами.

- Вот как? - нахмурилась Риони. - Тогда почему я ничего особенного не вижу?

- Ты просто не знаешь, как смотреть, - мягко сказала Беатрис. - Попробуй взглядеться в пространство перед собой - хоть в воздух, хоть в потолок, хоть в стену. Призови текущую по твоим венам магию, но не для того, чтобы вызвать пламя, а для того, чтобы с ее помощью увидеть мир таким... какой он есть. Знаю, звучит путано - но ты все со временем поймешь сама. Отринь рамки и

условности, чтобы увидеть истинную красоту этого мира, имя которой – магия.

– И... что видите вы, глядя на меня? – неуверенно спросила Риони.

– Что ты прекрасна, – улыбнулась Беатрис. – Вижу огненные ленты, нити-стихиали, вплетенные в твои волосы. Они вьются вокруг тебя, привлеченные твоим сиянием, пламенем, горящим в твоём сердце.

Первое время ничего не выходило – Риони вглядывалась и вглядывалась в окружающий мир, но он не спешил открывать ей свои тайны.

Кончики ее пальцев потеплели... и вот тогда что-то действительно изменилось. Сначала Риони заметила мерцающее сияние – искринки, повисшие в воздухе, словно следы от магического фейерверка. Чем больше она всматривалась в них, чем больше сосредотачивала свое внимание, тем отчетливее они становились. И только спустя несколько минут, на протяжении которых Риони почти не моргала, она поняла, что искры образуют изгибистые линии.

Нити-стихиали.

Дыхание перехватило от волнения и восторга.

Те нити-стихиали, что ее окружали, были серебристыми или ярко-алыми. Даже без подсказки Беатрис Риони поняла, что серебристые означали воздух, а алые – живущий в ней огонь. Призывая магию, она распространяла вокруг себя энергию огненного дара. Становилась своего рода источником для чьих-то чужих чар.

А за окном порхали нити-стихиали других цветов: бирюзовые и золотистые – водные и земные. За все это время Риони ни разу не

выходила наружу, хотя Беатрис уверяла, что там безопасно – в Калмае нет Теней, а значит бояться ей нечего.

Просто не могла себя заставить. Пока не могла.

– Увидела нити? – поняла Беатрис. Улыбнулась. – Это пришло бы к тебе и без моей помощи – просто однажды, проснувшись, ты бы увидела мир совсем другим. Но теперь тебе предстоит самое сложное: переплести свою магию с магией, приручить огненные нити-стихиали.

Риони нахмурилась.

– Да, но в чем смысл? Ведь огненный шлейф, который меня окружает, рожден из моего собственного дара...

– Не только, – возразила Беатрис. – Стихийная магия – сильное подспорье для любого мага – чародея или колдуна. Привлекая нити-стихиали, ты используешь не только резерв своих собственных сил, но и энергию окружающего тебя мира. Энергию огня порождает и горящий фитилек свечи, и зажженный камин, и искра от соприкоснувшихся кремня и кресала, и вспыхнувшая и погасшая лучина. И, конечно же, след от чужих огненных чар. Получается некий... круговорот, замкнутый круг, который никогда не разорвется. Ведь природа сама по себе – неиссякаемый источник жизненной силы... и магической энергии.

Риони помолчала, раздумывая над ее словами.

– Начнем, – решительно сказала Беатрис. – Для начала тебе нужно приручить нити-стихиали. Вытяни руку перед собой, ладонью вверх.

Риони выполнила ее указание. Хотелось бы ей, чтобы все обучение прошло так легко.

– А теперь попытайся притянуть их к себе. Нити-стихиали помогут высвободить твою силу – то, что тебе, неопытной еще чародейке, без их привлечения сделать куда сложнее.

Легко сказать... Алые нити огненной стихии выскользывали из ее рук, как вода утекая сквозь пальцы. А некоторые и вовсе лениво «отплывали» назад, словно чурясь прикосновений.

- Не волнуйся, - мягко сказала Беатрис. - И не спеши.

Риони набрала полные легкие воздуха. Шумно выдохнула. Помогло немного прийти в себя и подавить зарождающуюся внутри злость. Беатрис права - она должна научиться призывать дар вне зависимости от эмоций, которые испытывала. Магия в ней должна стать отлаженным механизмом, идеально звучащим, тонко настроенным инструментом.

Она не сдастся, пока не добьется своего. Она выжила там, где многие могли не выжить. Бродила в лесу, полном Теней. Боролась с ними... в одиночку - хотя и думала обратное. Какие-то нити-стихиали, да еще и несущие в себе энергию ее родной стихии, не заставят ее сложить руки.

Раз за разом Риони пыталась схватить огненные нити, раз за разом они ускользали от нее. Концентрировать внимание с каждой минутой становилось все сложнее - особое зрение, о котором говорила Беатрис, с непривычки приходилось поддерживать постоянно, а значит, тратить на это немалое количество энергии. Силы иссякали, как вода из пробитого кувшина. В горле пересохло, на лбу выступила испарина.

Риони выдохлась, но опускать руки не собиралась. И выдохнула лишь тогда, когда алая нить-стихиаль покорно обвилась вокруг ее запястья.

- Умница, - просияла Беатрис.

Риони расцвела от похвалы.

- Что теперь?

- А теперь попытайся сплести магию живущего в тебе огня и магию извне - магию нитей-стихиалей.

Новая попытка, и... ни-че-го.

Кончики пальцев уже привычно потеплели, но больше ничего не происходило. Риони просто не знала, что делать с алой лентой на запястье и как с ее помощью призвать огненный дар.

Словно угадав ее мысли, Беатрис сказала:

- Тебе не нужно плести сложные узоры чар – то, что приходится делать мне. Твоя магия... иного рода. Просто черпай энергию в пойманной тобой нити, подпитывайся ею, чтобы вызвать огонь изнутри. Представь пламя, которое вырастает у тебя на ладони. И не бойся, ты – сущность огня, причинить тебе вреда он не может тебя. Хотя... что это я. Ты же подожгла лес. А значит, наверняка знала, что делаешь.

Риони мимолетно улыбнулась. Представила себе маленький сгусток огня на ладони, но не почувствовала даже жара – только от подушечек пальцев исходило приятное тепло.

- На этом этапе самое важное – визуализация, – понаблюдав за ее тщетными попытками, сказала Беатрис – воплощение спокойствия и терпения. – Рисуи в своем воображении картинку так, чтобы она проявилась в реальности. Ты должна отчетливо представлять себе, как высвобождается твоя сила. У тебя получится, обещаю. Однажды вызывать и контролировать огонь для тебя станет так же легко, как дышать.

Риони вздохнула. Судя по полнейшей ее неудаче, произойдет это очень нескоро.

- У меня же так хорошо получалось, – разочарованно протянула Риони, вспоминая, как послушное, словно привлеченный зеркалом солнечный зайчик, следует туда, куда она захочет: с пламени костра на ее ладонь, с кончиков пальцев на волосы. И тут же поняла – прежде она не вызывала огонь, лишь управляла тем, что имела, тем, что получала извне. А сейчас перед ней стояла

задача куда тяжелей: почувствовать заключенную внутри силу, огонь, который течет по ее жилам вместе с кровью. И... пробудить его, выпустить наружу...

Десятки провальных попыток спустя ладонь Риони стала обжигающе горячей. И... на ней появился крошечный огонек – словно украденное у свечи пламя. Далеко не предел ее сил – только начало, но... Риони была счастлива, что у нее наконец что-то получилось.

– На сегодня достаточно, – довольно кивнув, объявила Беатрис. Риони была только рада устроить передышку.

Впервые за очень долгое время, заснув, она не видела кошмаров. Единственное, о чем Риони сожалела – Энцо ей так и не приснился. Будто в ту самую ночь среди белого ничто она навсегда с ним попрощалась. И сладость победы сменилась едой горечью. Ей не с кем было разделить свою радость. Не с кем обрести счастье и разделить его на двоих.

Она сохранила жизнь, но что-то незаменимое, бесценное навсегда потеряла...

– Это не навсегда, – убежденно сказала Соня. – Она ведь справится, правда?

– Конечно, медвежонок, – шепнула я. – Невозможно всегда жить одним только прошлым. Рано или поздно, Риони научится жить настоящим. Это очень тяжело, но... иногда просто необходимо.

– Значит, она разлюбит Энцо?

– Что? Нет, конечно же, нет!

– Но... если Энцо всегда будет в ее сердце... Значит, для других там места нет?

Я растерялась. Сложные ты задаешь вопросы, Софья.

- Не совсем так, милая. Энцо и ее мама – неизменная часть жизни Риони, неотделимая часть ее души. Мысли, воспоминания, чувства – их уже не вычеркнуть, не стереть. Да, будут другие люди, другие чувства и другие воспоминания. Но... скажем так, для мамы и Энцо в ее памяти и в ее сердце арендовано специальное местечко, которое никто и никогда не займет.

- Это хорошо, – улыбнулась Соня. – Ди?

- Ммм?

- А я тоже всегда буду в твоём сердце?

Я задохнулась слезами.

- Господи, ну конечно! Но если я говорю так, это не значит, что с тобой что-то...

- Это хорошо, – перебила она. – Тогда мне никогда не будет одиноко.

Глава десятая. Сжигая мосты

- О чем ты думаешь? – спросил Артем, лениво поглаживая мое плечо. Я лежала на его груди, слыша размеренное биение его сердца.

- Продумываю новую часть истории для Сони, – улыбнулась я.

Накануне мы едва не поругались. Артем упрекал, что видит меня лишь мельком в школе, а после уроков я тут же лечу домой. Он вернулся в N-ск две недели назад, и за это время мы даже толком поговорить не могли. В качестве извинения я предложила ему романтический ужин. Он подулся для вида, но согласился.

- Останешься на ночь? – лукаво спросил Артем. – Станешь моим десертом.

Я рассмеялась, приподнимаясь на локте.

- Ты ужасно флиртуешь. Seriously. Над этим стоит поработать.

- Так останешься? А я как раз попрактикуюсь в флирте.

- Не могу. Я нужна Соне.

- Слушай, там же твой дед и мама. Что с ней случится?

Я опешила.

- При чем тут это? - Я видела, что Артем начинает закипать, и поспешно вернулась к роли миротворца, которую в нашем маленьком театре на двоих всегда играла я. Добавила извиняющим тоном: - Я правда не могу. Давай завтра, ладно?

Артем нахмурился. Не привык, чтобы ему отказывали. А я вдруг увидела себя со стороны: с этим виноватым личиком, с просительными нотками в голосе... Вспомнилась наша встреча по возвращению Артема в N-ск: первым делом, вместо того, чтобы обнять меня, он с ужасом спросил, что стало с моими волосами. Конечно, в школу я пришла уже с фирменной стрижкой от парикмахера, но все равно моя нынешняя прическа разительно отличалась от прежней густой копны.

Мой ответ Артема не порадовал. Солидарности и моральной поддержки в моем поступке он не углядел, лишь скупое сказал, что мне не идет, и требовал с меня обещание, что я отращу волосы. И я зачем-то пообещала. Да, я и сама хотела, рано или поздно, вернуться к длинной гриве, но в тот момент я лишь пыталась угодить ему. Он ведь - мечта, а не парень, как такого потеряешь? Мама всегда мне говорила: «Женщина должна быть мудрой. Женщина должна уметь делать шаг вперед, даже переступая через себя». Вот я и делала. Раз за разом.

Мне вдруг стало тошно. Вдруг подумалось: а что, если именно поэтому у мамы с отцом ничего не вышло? Что, если и я, следуя ее доктрине, позволила Артему слишком многое?

Где вообще в отношениях мужчины и женщины черта между мудростью и слабостью?

- Ты каждый день ее видишь, - бухтел Артем. - А как со мной побыть...

- Мне нужно придумать новую часть истории - уже две недели тяну с этим, - примирительно сказала я. - Слова никак не складываются.

- Да что ты так уцепилась за эти глупые детские сказки! - взорвался он. Практически скинув меня с себя, показательно отодвинулся в сторону.

- Может, потому, что это мой подарок больной сестре? - Впервые, наверное, за все время наших отношений в моем голосе звенел металл. Потому что Артем задел меня за живое. То, что я писала для Сони, давно уже переросло во что-то большее, нежели «глупые детские сказки».

- Соня, Соня, Соня... От тебя это только и слышно! - Артем рывком поднялся с кровати, и теперь замер, нависая надо мной. - Знаешь, почему тебя перестали приглашать на вечеринки?

- Может, потому, что я на них не хожу? - съязвила я. Что, в общем-то, было чистой правдой. Села, скрестив руки на груди, словно пытаюсь отгородиться от Артема и его злобы.

- Потому что никто не хочет там тебя видеть! - Выпалив это, он прикрыл глаза, словно пытаюсь успокоиться. - Ты только и делаешь, что говоришь о своей больной сестре! Мы болтаем о будущем, а ты словно застряла в настоящем, и не хочешь его отпускать. И это угнетает остальных, понимаешь? Ты требуешь от подруг, чтобы они разделили твою горе, твою боль. Но это несправедливо! Они хотят жить!

- Соня тоже, - сухо бросила я.

- Видишь? Видишь, что ты делаешь? В последнее время с тобой невозможно разговаривать! Все – все! – сводится к ней!

- То есть я должна молчать, делая вид, что моей сестры не существует? Чтобы не разрушать звуками ее имени ваши идеальные жизни? – ядовито осведомилась я.

- О господи, ну конечно, нет! Просто ты... Ты будто зациклилась на Соне, и ничего другого, кроме нее, не видишь. Остальные... У них – у нас – есть жизнь за пределами больницы. А ты будто стала тенью своей сестры, и сама умираешь.

Теперь, не в силах усидеть на месте, с кровати вскочила уже я.

- Нет, это ты не прав. Знаешь, почему? Потому что когда я говорю «Соня», вы слышите «тяжелая болезнь», «угасание», «лейкемия», может даже «бессилие». А я хочу сказать о другом: о решимости, о стойкости, о железной воле хрупкой двенадцатилетней девочки. Но вы меня не слышите. Не хотите слышать. Да вы бы видели ее только! Соня остроумная, веселая, она радуется каждой минуте, она с щенячьим восторгом в глазах слушает историю, которую я ей сочинила. Она никогда не говорит о болезни, она не плачет и не унывает. Она живет! Господи, да я жалею на вскочивший на носу прыщ, на то, что меня не пригласили на очередную вечеринку, а Соня лежит в больничной палате после очередной химии, которая оставила тошноту, серую кожу, круги под глазами и убитый желудок, и ее лысую голову прикрывает косынка, но она улыбается, когда видит нас – свою семью! Улыбается, когда я читаю ей свою историю. Улыбается, когда рисует. Потому что счастлива, что по-прежнему может видеть, слушать и рисовать!

Я охрипла к концу монолога – почти кричала. Я пыталась достучаться до Артема, пыталась дать ему – нам – еще один шанс. Потому что черт с ним, со сказками... не хочешь поддерживать

меня, не видишь во мне писателя – фиг с ним, ладно. Что далеко ходить – творца во мне не видит даже мама, что уж о парне говорить. Но не признавать мою сестру, мою Соню, как неотъемлемую часть моей жизни – этого я простить ему не смогу. Просто тогда выходит, что все, что я нарисовала в голове «о нас» – все это ложь, фальшивка, обманка, тщательно завернутая в красивый фантик.

– Раньше она не слишком тебя заботила, – хмыкнул Артем. – Стоило ей только начать умирать, и ты тут же возомнила себя святой? Хочешь набрать побольше баллов, показывая всем, как любишь свою бедняжку-сестру?

– Ты охренел? – тихо и угрожающе спросила я.

Я вдруг поняла, что лишняя здесь – как пазл из чужой головоломки. И дело было не в Соне. Возможно, Артем в чем-то прав. Возможно, я действительно зациклилась на ней. Но я лишь пыталась наверстать упущенное, исправить ошибку, которую совершила. Поздно, но... Такова человеческая природа. Самое важное мы всегда делаем в последний момент.

Дело было в Артеме и во мне. Я слишком долго, воображая нас идеальной парой, ставила его интересы выше своих. Но правда в том, что эту идеальность создала я. Я молчала, когда нужно было настаивать на своем, я скрывала обиды, я угадывала его желания, забывая о собственных... Вот что было каркасом наших отношений. Убрать его, и что останется? Все тут же развалится на части.

Как часто на наших свиданиях мы говорили обо мне? Я была под завязку напичкана советами вроде «Парни любят, когда их слушают», «Хочешь понравиться – молчи и слушай, задавай вопросы и... поощряй». И да, я была щедра на шутливые «чувак, ты крут», восторженные «я так горжусь тобой» и откровенно сахарные «я же говорила, что ты у меня самый лучший»!

И нет, дело не в маме. Прежде всего, виновата я сама. Потому что надо думать своей головой. Правда в том, что за маниакальным следованием ее советам я полностью потеряла себя. Чтобы быть с Артемом, мне пришлось раствориться в Артеме. Да, результат очевиден: никому еще до меня не удавалось удержать его сердце так долго. Да, со стороны мы казались идеальными – никаких выяснений отношений, которые так бесят парней, никакой глупой ревности. Но одна-единственная за полгода ссора все расставила по своим местам. Прозрачно показала, насколько Артему дорого и интересно то, чем я живу.

– Знаешь что... Может, для кого-то ты действительно хороший парень. Я думала, ты моя мечта, но я ошибалась. Наверное, я просто повзрослела раньше.

И я легкой походкой – клянусь, будто груз с души упал – направилась к двери.

– Что, твою мать, это значит?

Я обернулась на пороге.

– Это значит, что я ухожу.

«Сжигаю мосты» – так сказала бы Риони.

Никаких сожалений. Домой я шла, чувствуя себя освобожденной. Вся во власти новой идеи, написала главу за два часа, и тут же бросилась в комнату Сони.

– Ты выглядишь довольной. – Она поприветствовала меня улыбкой.

Я все еще не привыкла к ее новому имиджу, но уже начала привыкать. Куда сильнее меня тревожило то, что Соня почти не ела и стала совсем худой. Увы, плохой аппетит – обычное следствие лейкемии. И я бы рада задобрить сестру шоколадками, которые она так любила, но... нельзя. Зато у ее кровати всегда стояла вазочка с фруктами – хоть какая-то альтернатива.

Еще одну я протянула ей сейчас – купила по дороге домой. Хихикнув, Соня зашуршала пакетиком жевательных витаминок в виде мишек. И полезно, и вкусно, и имидж сохранен.

– Читайте? – подмигнула я.

Лучики-глаза заискрились.

– Конечно читай!

– Беатрис... Вы знаете, что заставило Теней выйти из Тьмы? – В уютном полумраке гостиной и воцарившейся в комнате тишине голос Риони прозвучал неожиданно громко. – Тьма... она ведь была почти безвредна...

Она помнила, что чувствовала, когда, еще малышкой, встала близко-близко к черной Стене у самого Края мира. Как, изнывая от страха и любопытства, коснулась всепоглощающей Тьмы рукой. Боль уколола кожу острыми иглками – так действовала на нее Тьма.

– Виной всему – война королев.

У Риони от ужаса перехватило дыхание.

– Наших... королев? Дочерей Иллирэ?

Беатрис мрачно кивнула.

– Королеве Осень надоело делить власть с сестрами. Когда настала пора уступить правление Зиме, Осень отказалась отдавать трон, а свою мать, королеву-богиню, погрузила в беспробудный сон. Иллирэ не ожидала предательства от собственной дочери, поэтому это оказалось несложно.

– Как... Как вы это узнали? – выдавила Риони.

– Одна моя знакомая умеет читать по звездам, – объяснила Беатрис, хотя понятнее от этого не стало. – В одиночку враждовать с тремя сестрами – затея, обреченная на провал,

поэтому королева Осень подчинила себе бродящие по Тьме за Краем мира неприкаянные души. Призвала тех, кого заманила в свои сети Тьма – или тех, пришел к ней по собственной воле.

Риони с усилием кивнула. Она немало слышала подобных историй – об отчаявшихся, сломленных горем или попросту безумцах, что добровольно отдавали себя на растерзание Тьме, надеясь за Краем мира обрести покой.

– А как же... Весна, Зима и Лето? – воскликнула она, до сих пор силясь поверить в услышанное.

– Они закрылись в летающем замке Иллирэ, отгородились от сестры сильнейшими чарами. Королеву Осень найти они не могут – теневая магия надежно закрывает ее ото всех, даже от женщины, читающей по звездам. Королевы могут и помочь нам, людям, с Тенями... у них своя война. Правда, пока это больше похоже на игру в прятки – в то время как Осень выжидает... копит силы – их дают ей Тени. Она питается жизненной силой живых благодаря Теням, которые ее выпивают.

– Так вот зачем все это, – пораженно прошептала Риони. – И как... это остановить?

– Я не знаю, – глухо сказала Беатрис. – Никто не знает. Для этого меня сюда и послали.

– В Калмаю?

– В Альгардес, – туманно отозвалась она.

Риони вздернула бровь, но спросить ничего не успела. Беатрис выдохнула:

– Никому из людей не под силу победить королеву Осень. На это способны только ее сестры-королевы. Но боюсь, как только Осень окрепнет достаточно, она нападет на летающий замок богини Иллирэ. И война вспыхнет с новой силой.

На сердце стало тревожно и гулко. Родной мир Риони в опасности – мысль, пугающая своей безысходностью... Ведь кто она такая, чтобы помешать королеве Осени и ее слугам, если даже Беатрис, истинная чародейка, выхода не видит?

– Мне казалось, ты любишь осень, – тихо сказала Соня. – Она же красивая... Багряно-золотая. Помнишь, как мы собирали листья, целые коллекции, а потом обменивались друг с другом?

– Не обменивались, – улыбаясь, ответила я. – А использовали, как валюту.

Мы были просто одержимы составлением гербария: каждый – своим. Найденные по всему N-ску редкие листья служили платой за... да за все, что угодно. За красивую заколку, за крутую наклейку, за купленное на карманные деньги мороженое. Мы даже очередь мыть посуду покупали за листья.

Чудесное, безмятежное время... А много лет спустя, другой осенью случилось «после». Осенью нам сказали, что Соня больна.

Да, я любила осень.

Но больше не люблю.

– Я хочу учиться, – с железной решимостью сказала Риони. – Если мы все... объединимся, может, мы сумеем противостоять Теням. – Пряча взгляд, неловко призналась: – Я хочу быть хоть немного на вас похожей.

Беатрис улыбнулась ей своей теплой, чарующей улыбкой.

– Риони, ты недооцениваешь себя. Твой дар – как бутон еще не распустившегося алого цветка. И когда он раскроется в полную силу... твоя огненная магия затмит своим жаром мою.

Слова Беатрис согревали. Ободренная, Риони вслед за чародейкой вошла в зачарованную комнату.

- Готова?

- Готова, - твердо ответила она.

Перед Риони вдруг появилась безликая темная фигура. Несмотря на то, что Тень она напоминала весьма отдаленно, по коже пробежал холодок. Слишком живы были в памяти те моменты, когда Риони сталкивалась с порождениями Ничто лицом к лицу. Ни один человек во всем Альгардесе не назовет подобную встречу приятной.

- Вызывать огонь собственной волей, а не сиюминутными эмоциям, ты более-менее научилась. Отточить мастерство тебе поможет только постоянная практика... и время. Но вот какой парадокс: чтобы использовать огонь как оружие, тебе мало одной лишь визуализации, одного лишь усилия воли. Чтобы использовать его как оружие, тебе нужно сплести воедино и эмоции, и волю. Тебе нужна ярость - вторая сила, как и огонь, неотделимая от тебя, саламандры. Мысленный призыв живущей в тебе магии поможет пробудить дар, а клокочущая внутри ярость, боевая злость, сделает его в разы сильнее. Именно это позволит тебе сражаться на равных с Тенями... если придется.

Риони кивнула, хотя и сомневалась, что ей удастся воплотить слова Беатрис в жизнь. Там, в лесу... Обрушившаяся на нее, изранившая ее правда, ставшая страшным откровением, действительно что-то в ней изменила. Не могла не изменить. Рожденная где-то глубоко внутри ярость окрасила мир в ярко-алый и стала той самой выбитой огнем искрой, которая и зажгла ее дар.

Но как повторить это сейчас, в доме Беатрис, в атмосфере безмятежности и защищенности? Счастье казалось еще слишком

далеким – из-за войны, из-за того, через что Риони пришлось пройти... и почти невозможным из-за тех, кого ей пришлось потерять. Было другое – спокойствие, умиротворение. Которых так не хватало в бесконечном пути от Шалы до Калмаи.

И вот теперь Беатрис просила Риони не прятать внутри эмоции – те, что еще недавно в ней бушевали, а, напротив, пробудить те, что утихли ее стараниями.

Она вздохнула. Задача предстояла не из легких.

– Призови искру на ладонь, преврати ее в настоящее пламя, – наставительно произнесла Беатрис. – Этому учить тебя уже не надо. А после придай огню любую форму – хоть шара, хоть сердца, хоть стрелы, и направь его в иллюзорного противника, которого я для тебя создала.

Риони послушалась. Огонь погас, даже не долетев до безликой фигуры.

– Еще раз.

Рожденное призывом пламя было ярким, но... слабым. Риони пыталась облечь его в некое подобие стрелы, а затем пронзить ею сердце «Тени», но ничего не вышло.

– Еще раз. – Несмотря на доброту и мягкость, Беатрис могла быть строгой и настойчивой.

И снова ничего.

– Ты не чувствуешь ярости, а должна. Вызови ее. Представь, что фигура перед тобой – твой главный враг. Тебе необходимо его уничтожить.

Увы, ярости не было – несмотря на всколыхнувшиеся воспоминания о Тенях. Был только страх.

Беатрис задумчиво постучала пальцем по губе.

– Ментальная магия – не мой конек, но кое-что я умею. Это колдовская магия, не чародейская, и требует некоторого

вмешательства в твое сознание. Это неэтично, но... может тебе помочь. Если ты мне позволишь.

- Хорошо.

- Это очень личное, Риони, - мягко сказала Беатрис. - Я не буду копаться в чужих воспоминаниях - чары сделают это за меня. Но я отражу то, что они увидят, что они прочитают в твоей душе.

Подумай - ты действительно к этому готова?

- Вы уверены, что мне это поможет? - тихо спросила Риони.

- Уверена.

- Тогда я готова.

Беатрис кивнула. Прикрыв глаза, плела что-то из едва видимых ослепительно белых сверкающих нитей - нитей жизни, природы, всего сущего... нитей-стихиалей, рожденных из слияния всех четырех стихий. Соткать такую могли только истинные чародеи.

Вздохнув, Риони мысленно дала себе обещание: когда-нибудь она станет такой же сильной чародейкой, как Беатрис.

Все мысли выветрились из головы в тот момент, когда прямо посреди зала возник... Энцо. Руки задрожали, и облик Беатрис расплылся, исказился - будто в кривом зеркале - из-за набежавших на глаза слез.

Риони вспомнила, что такое боль - она впилась в нее всеми пятью когтями, и совсем свежие раны, еще не ставшие рубцами, закровоточили снова. Она смотрела на родное лицо, заглядывала в глаза, ища в них свое отраженье... и беззвучно плакала от желания обнять любимого.

Понимая, что никогда уже не сможет этого сделать.

Позади Энцо появилась мама. Светлые волосы мягкими волнами обрамляли лицо - красивое, но печальное. Во всем ее

*облике чувствовалась какая-то безысходность, потерянность...
Быть может, оттого, что они навсегда друг друга потеряли?*

*А за их спинами... вырастали Тени. Темные души и темные
слуги королевы Осень... жуткие создания, как ни называй.
Жестокие, бесчувственные, бездушные – и оттого еще более
страшные.*

*Риони не могла не разозлиться, видя, как Тени нападают на
тех, кто ей близок и дорог. Был близок и дорог, но из ее жизни
слишком рано исчез. Пусть даже Энцо убили не Тени – а ведь
Риони так и не узнала, как именно он умер – пусть его, как и маму,
уничтожил пожар... Он возник из-за Теней, ворвавшихся в их
маленькую уютную Шалу.*

Тени все у нее отобрали.

*Острая боль в груди сменилась пустотой. Серость сменила
непроглядная черная мгла – пустоту внутри затопила раскаленная
добела ненависть. Ненависть, которой ей так не хватало.*

План Беатрис сработал – Риони не просто разозлилась.

Она была в ярости.

*Потому не удивилась, когда первый же пущенный шар, не
погаснув по дороге, попал в цель. А Риони, уже не в силах
остановиться, продолжала атаковать иллюзорных Теней огнем. И
каждый ее удар достигал цели.*

*– Достаточно, – сказала Беатрис. И взмахом руки, расплетая
ментальные чары, заставила маму и Энцо исчезнуть.*

Но она оставила Теней.

*Оставшееся время чародейка учила Риони держать огонь под
контролем. С каждой минутой пламя на ее ладонях горело все
ярче и жгло все сильнее.*

*Через несколько часов она совершенно выдохлась. Зато
Беатрис наконец выглядела довольной.*

- Отлично. Думаю, на этом теорию можно закончить, - заключила она. - Азы ты освоила. Главное, что ты должна уяснить - любая природная магия, будь то огонь, вода, земля или воздух, очень пластична. Используй ее так, как чувствуешь, и помни - магия огня живет в тебе.

Впервые за долгое время Риони засыпала с улыбкой на губах. Она не знала, имеет ли право радоваться, когда мамы, Энцо, ее друзей и знакомых нет в живых... И все-таки не могла не насладиться небольшой, но такой важной для нее победой.

Она приручила огонь, став истинной саламандрой. Чтобы сжечь все мосты за спиной и начать жизнь с чистого листа.

- Саламандра! - замороженно произнесла Соня.

- Она давно уже ею стала, медвежонок. Просто... Риони не хватало веры в себя. Может даже, какого-то толчка от судьбы. К сожалению, так часто бывает. Мы не знаем, на что мы способны, пока... Пока обстоятельства не заставят нас раскрыться. А это, к сожалению, происходит не всегда.

- То есть многие живут, не зная, что могли бы жить иначе?

- Да. Боюсь, что да. Например... - Я с нежностью взглянула на нее, провела ладонью по лысой голове - дома Соня не носила косынку. - Если бы не ты, я бы не начала писать снова. И это печально, потому что ничто и никогда не приносило мне столько удовольствия. Страшно представить, что я могла быть этого лишена.

- Значит, ты станешь писателем? - обрадовалась Соня.

- Я... не знаю. Это не так просто. - Я подумала о маме. Она бы не одобрила. Никогда. - Возможно, это останется моим хобби, для тех случаев, когда учеба... или работа - встанут поперек горла.

Для тех мгновений, когда захочется плотно закрыть дверь в реальность и окунуться в сказку. Почувствовать себя саламандрой, в жилах которых течет огненная кровь. Или героем, идущим на битву. Или чародейкой, спасающей жизни. Или даже человеком, способным превращаться в барса.

- Или в кошечку, - разом посмурнев, шепнула Соня.

- Эй, медвежонок, не грусти! Это ведь чудесно - иметь свой собственный мир, или даже десятки миров, в которые ты можешь убежать отовсюду.

- Знаю. - По ее губам скользнула бледная улыбка.

И правда, чего это я? София Полянская хорошо это знала.

Глава одиннадцатая. Алая битва

Холодные слова падали в пустоту. Разбивались, осколками царапая сердце.

«...обострение...»

«...повторные анализы показали... очень низкий уровень...»

«...назначили переливание тромбоцитного концентрата...»

«...болезнь прогрессирует быстрее, чем мы ожидали...»

«...плохая реакция на лечение...»

«...ей станет лучше, но со временем эти улучшения будут все короче и все реже...»

Пожалуйста, только не это. Я только начала ее узнавать.

Пока мама и дедушка разговаривали с врачом, я смотрела на Соню через окно палаты интенсивной терапии. Обессиленная, опутанная проводами, в носу катетер, по которому поступал увлажненный кислород – ночью в палате Соня вдруг начала задыхаться.

Прогнозы врача были неутешительны.

Тот самый экспериментальный препарат, на которого вся наша семья возлагала огромные надежды, не помог. Наоборот – выявил побочные эффекты... Будто бы самой болезни и почечной недостаточности было слишком мало.

Мама стояла, обхватив себя руками за плечи. Глаза ее лихорадочно блестели, выделяясь на бледном до синевы лице. Когда врач отошел, она повернулась к нам с дедушкой.

– Медицина не стоит на месте. Я нашла нового врача... В эти выходные я полечу на встречу с ним, и...

И очередная сладкая ложь о лекарстве, которое как по мановению волшебной палочки изменит наши жизни. Исцелит Соню. Я... я уже не верила.

– Мама, эти лекарства ей не помогают.

– Значит, помогут другие! Мы найдем новое лечение, которое справится с болезнью!

– Значит, ты снова улетаешь? – бесцветно спросила я.

– Вероника... – Дедушка вздохнул. – Может, тебе лучше остаться в N-ске с Соней и Дианой?

– И что? Просто сдаться? – воскликнула мама. – Предать Соню? Я никогда на это не пойду! Никогда, слышите оба?

Она вылетела вон из больницы. Я стояла, сжав пальцами виски.

- Она теряет Соню, - прошептала я. - Неужели она этого не замечает? Почему не может остаться с ней сейчас вместо того, чтобы внушать ей и себе ложные надежды? Или... или я слишком жестока?

Дедушка вздохнул.

- Нет, Диана. Ты не жестокая. Просто вы с мамой по-разному понимаете заботу и любовь. Ты хочешь дать Соне все, пока еще есть время. Вероника пытается сделать все возможное, чтобы этого времени у ее дочери было больше.

- Но в погоне за ним она может потерять Соню, - прошептала я.

- Боюсь, родная, в этой задаче нет однозначных решений. Есть лишь выбор, который каждый делает сам. И у любого выбора есть свои последствия.

Я прижалась лбом к холодному стеклу. Как же сложно, как же невероятно сложно...

Когда Соня пришла в себя, к ней в палату нас не пустили. Ее организм сейчас, в период обострения, был невероятно уязвим, и любая маломальская инфекция грозила серьезными осложнениями.

Набрав номер Сони, я села прямо на пол, спиной опираясь о стену.

- Вы в больнице? Вам что, не разрешают зайти? - Тихий голосок сестры звучал встревоженно.

Я вспомнила нашу игру в «перевертыши» и печально улыбнулась.

- Нет, я говорю с тобой из параллельной реальности. Прости, что оставили тебя в одиночестве, но господин Мяускас попал в беду. И никто, кроме нас, не может его спасти.

- Глупышка, - слабо рассмеялась Соня.

Дедушка, улыбнувшись, потрепал меня по непривычно коротким волосам и бросил что-то вроде: «Пойду за чаем для фантазерки».

- А как поживает сержант Гав Нюк? - невинно осведомилась сестренка.

- Что за воспитание у этой девочки! - возмущенно сказала я, сдерживая смех. - Подобные слова не пристало знать юным леди.

- Ну хорошо... Пусть он будет сержантом Хвостатым.

- Слишком обобщенно, - не одобрила я. - Предлагаю переименовать его в сержанта Лающего. Или сержанта Кусаку.

- Кусака мне нравится, - царственно сообщила Соня. На том и порешили.

Вдоволь обсудив параллельную хвостато-крылато-пушистую реальность, мы замолчали.

- Почитаешь мне историю?

- Соня, я...

Я хотела сказать, что новая глава еще не написана. Но она была в моей голове. Части пазла складывались сами собой -

когда я думала о них, когда думала о чем-то совершенно отвлеченном, когда слушала врача и сквозь стекло наблюдала за сестрой, когда слышала в трубке ее голос и смотрела на спующих по больнице людей. Кто-то теряет кого-то, кто-то уже потерял. А у кого-то – как у плачущей от счастья женщине, которой сказали, что серьезная операция на сердце мужа прошла успешно – надежда, вера и любовь превращаются в настоящее чудо.

Жизнь течет горной рекой, то сталкиваясь с препятствиями-камнями, то зашвыривая лодки-людей в самую пучину, то выбрасывая их на берег, где они обретут то, что всегда искали. Все меняется. Каждый час, каждое мгновение...

И вот я впервые читаю историю саламандры по памяти, не с листа. Впервые читаю ее, видя перед собой не лицо Сони, а побеленную стену.

Небо над Альгардесом стало алым.

Наверху, среди облаков, где парил летающий замок королевы Иллирэ, началась война.

Погода сошла с ума: жаркий день, в течение которого даже в тени находиться было невыносимо, сменялся пургой, когда снег засыпал землю сугробами в человеческий рост. Когда ярилась Осень, в Альгардесе бушевала буря, сметающая все на своем пути. Когда злилась королева Зима, на мир обрушивался град размером с перепелиное яйцо. Солнечные лучи оставляли ожоги, а жуткая вьюга причиняла боль, швыряясь в лицо осколками.

Пока королевы играли в свои бессмертные игры, люди хоронили близких и родных. Переждав погодное безумие, чародеи собирали растерзанный Альгардес по кусочкам – как огромных размеров пазл.

Риони и Беатрис стояли рядом, почти плечом к плечу, и, запрокинув голову, смотрели в небо. Ярко-алое, ни солнца, ни туч – только непроглядная красная пелена, затянувшая небо до самого горизонта. Там, наверху, шла битва.

Они заставили себя вернуться в дом – смотреть на окрашенное в алый небо было невыносимо.

– И что же нам делать? – опустошенно спросила Риони.

Беатрис пожала плечами.

– Ждать. Войны таких сверхсуществ, как дочери Иллирэ, не заканчиваются быстро. Мы, обычные люди, ничем не можем помочь Весне, Лето и Зиме. Сейчас важно суметь противостоять Теням. Выжить.

Риони покусала губы. А впрочем, чего она ждала? Что Беатрис вместе с чародеями ворвется в летающий замок Иллирэ и взмахом руки усмирит Осень, вздумавшую захватить трон Альгардеса? Реальность куда страшнее. И зло, обрушившееся на мир, куда сильнее. Беатрис права: все, что им оставалось – не проиграть в непрекращающейся битве Теням.

Сейчас, в разгар войны, Риони как никогда нужна была поддержка родных и близких. И пускай ей больше не почувствовать их тепла: стихия мертвых – холод... но что, если здесь, в Калмае, у нее появился шанс услышать их голос?

Только желание стать хотя бы чуточку ближе к Энцо и маме могло выгнать ее из уютного, надежного, защищенного магией особняка.

Риони не знала, где искать того, кто ей нужен, а спросить у Беатрис не догадалась. Блуждала по узким улочкам Калмаи между каменных домов, увитых пышной зеленью с яркими цветами. Счастье, что Теням сюда не добраться – во всяком случае, воины и чародеи сделают все возможное, чтобы этого не допустить. И все же... что-то мешало Риони чувствовать себя в безопасности. Без опаски смотреть на тени, которые отбрасывали люди и дома, и быть уверенной, что они никак не могут превратиться в жутких Теней.

Она зябко поежилась, хотя на улице было тепло. Еще крепче сжала в ладони медальон Энцо – так, что его грани плотно врезались в мякоть ладони.

Прежде чем Риони достигла конечной точки своего пути, ей несколько раз пришлось спросить дорогу – в Калмае она по-прежнему ориентировалась плохо. Увитый плющом двухэтажный каменный дом терялся среди своих близнецов, вместе с ними казавшись со стороны монолитной каменной стеной.

Заглушая стук собственного сердца – испуганного, как бьющийся о прутья клетки зверек, Риони постучалась в дверь. Громко, уверенно, бросая вызов страху и невыносимому желанию развернуться и уйти. Ведь мертвые останутся среди мертвых, как сильно обратного ни желай. Так стоит ли мучить себя и вскрывать только-только зарубцевавшиеся раны?

Неизвестно, чем бы закончилась ее борьба с самой собой, но в этот момент дверь распахнулась. На пороге стояла женщина в простом платье, со светло-русыми волосами, заплетенными в длинную причудливую косу. Признаться, Риони представляла себе Слышащую Землю несколько иначе: более старой, более высохшей, более худой. Наверное, виной тому прочитанные мамой

в детстве сказки, в которых нередко упоминались жуткие старухи с кладбища – ведьмы или проводники в мир духов.

Слышащие Землю и были своеобразными проводниками – колдуньями, связывающими живых и мертвых. Прикасаясь к земле, они слышали голоса в ней погребенных. Благодаря Слышащим Землю люди могли хотя бы так, хотя бы ненадолго стать к родным и любимым чуточку ближе.

Именно за этим Риони пришла сюда, в этот незнакомый дом, к этой до странности обычной женщине, так не похожей на Слышащую Землю – точнее, на тот образ, что Риони нарисовала в голове.

Она не могла отпустить маму и Энцо. Пока не могла.

– Кого ты хочешь услышать? – Голос Слышащей Землю оказался низким и обволакивающим. Таким голосом нужно петь старинные баллады о прославленных магах, воинах и искателей приключений. Вместо этого она слушала голоса мертвых.

– Маму. Любимого. – Последнее слово далось отчего-то тяжело. Наверное, виной тому непрощенная мысль: «А говорили, любовь сильнее смерти».

Все это вранье. Смерть беспощадна. Ей все равно, кто ты и как сильно хочешь жить. Насколько ты чист душой и предан своим любимым. Насколько недостойн... умирать. Она просто берет тебя за руку холодной рукой, крадя твое тепло... и уводит за Край мира. Без страха преступает стену тьмы, с каждым шагом уводя тебя все дальше в черную неизвестность.

– Энцо. Его зовут Энцо. Мама – Лиара...

Слышащая Землю мотнула головой.

– Мне не нужны имена. Имена бесполезны – это лишь обертка для души. Имена не оставляют отпечатков, которые необходимы, чтобы заставить землю говорить.

- А что нужно? – спросила Риони, уже предчувствуя ответ.

- То, что принадлежало им при жизни, что впитало в себя частицы их душ. То, что хранит о них память.

Риони прикрыла глаза. Выдавила:

- У меня ничего не осталось от мамы.

- Тогда я не смогу ее услышать. – Слышащая Землю не прониклась ее горечью и болью. И неудивительно – со сколькими людьми, потерявшими любимых, ей приходилось говорить изо дня в день?

Она уже привыкла к скорби, горечи и боли.

А Риони не хотела привыкать. Впрочем... ей больше некого терять. А значит, сильнее боль уже не станет.

Она протянула Слышащей Землю медальон Энцо. Как и ожидала, та просто зажала его в ладонях – будто пыталась впитать в себя окружающую его энергию. Не тепло руки Риони, с которой соприкасался медальон, а заключенные внутри воспоминания.

Риони никогда прежде не вызывала духов – ей и некого было вызывать... до того страшного дня, который черной чертой перечеркнул всю ее жизнь. Она не знала, чего ожидать и сидела тихо, как мышка, боясь потревожить тишину дома своим неосторожным дыханием.

Молчала и Слышащая Землю. Она вышла из дома, не закрывая за собой дверь, Риони направилась следом. По-прежнему сжимая в ладони медальон Энцо, Слышащая Землю наклонилась, чтобы коснуться свободной рукой земли. А затем прикрыла глаза, будто и впрямь вслушиваясь в ее, земли, голос.

- Зачем ты врешь мне? Зачем говоришь, что твой возлюбленный мертв?

Казалось, алое небо обрушилось на землю. Страх и надежда сплелись воедино: веря в лучшее, Риони боялась, что неправильно поняла слова Слышащей Землю.

- Что вы...? - Ветер подхватил слова и забрал - из пересохшего враз горла вырвался нечленораздельный хрип. Прокашлявшись, Риони попыталась снова: - Что вы сказали?

- Земля не прячет его тело в своих недрах, его душа не блуждает по миру мертвых. Но те, для кого земля стала колыбелью, слышат его шаги, - медленно, едва ли не по слогам произнесла Слышащая Землю.

«Как это возможно?»

- Энцо жив?! Но... где он? - с усилием выдавила Риони.

Слышащая Землю села на колени - подол грубого темного платья послужил ей покрывалом. Теперь она не просто касалась земли, а зарылась в нее, чуть влажную, пальцами. Сжала горсть в руке и что-то шепнула прямо в ладонь.

- В нем нет тепла... не потому что мертв. Земле холодно... Там, куда он идет, землю ласкает река. Там, куда он идет, земля так высоко, что почти целует облака. Но он всегда возвращается...

- Не понимаю... - прошептала Риони.

- Земле холодно, и той, что ступает по ней, никак не согреться.

Риони долго молчала, хмуро глядя на Слышащую Землю. Ей понадобилось немало времени, чтобы понять, о чем она говорила. Куда больше времени - чтобы осознать: ее Энцо действительно жив.

Как это возможно? Она не знала. Как Энцо мог выбраться из огромного костра, в который превратилась Шала? Риони точно знала, что он был там. Неужели он - как и она, невосприимчив к огню?

И тут же покачала головой – нет, увы. Таких совпадений быть не может.

Слышащая Землю уже собиралась скрыться внутри своего дома, когда Риони обронила тихое «спасибо». Ожидала, что она улыбнется – или, быть может, напутствует ее.

Но Слышащая Землю просто закрыла дверь, навсегда разделяя их судьбы.

Ничего не видя перед собой, Риони добралась до дома Беатрис. Все еще не могла до конца поверить в то, что Энцо не погиб, как она считала все эти бесконечно долгие недели. Слишком силен шок... и слишком силен страх разочароваться.

Но надежда, подобная огненной вспышке, разгоралась в сердце все ярче.

Если Энцо жив... Она найдет его. Во что бы то ни стало.

– Энцо жив! – обрадовалась Соня. – А я знала, знала!

– Неправда, ты никак не могла этого знать, – шутливо запротестовала я. – Это называется «неожиданный сюжетный поворот». И заявляя, что он ни капельки не неожиданный, ты подрываешь мою репутацию крутого писателя.

Соня хихикнула в трубку.

– Ну извини.

– Ты точно не хочешь здесь остаться? – с тревогой спросила Беатрис. – Мой дом надежно запечатан чарами, и Теням сюда не проникнуть. Ты здесь в полной безопасности... чего не скажешь о землях за Калмаей.

Глаза щипало от слез – на свете было очень мало людей, которые проявляли к Риони такую доброту и участие. Пожалуй, только двое – Энцо и мама. Вот только для Беатрис Риони была чужой...

– Очень хочу, но... не могу. Я должна найти Энцо. Должна понять, что произошло.

Беатрис вздохнула.

– Хотела бы я отправиться с тобой... Но я нужна здесь. Мы должны понять, как остановить нашествие Теней. И... кому-то нужно позаботиться о горожанах, пока воины защищают от Теней Калмаю.

– Об этом не может быть и речи. Вы и так очень многое сделали для меня.

Чуть рассеянная улыбка скользнула по губам Беатрис, придавая ей еще большее очарование.

– Я лишь помогла раскрыть дар, который все это время был частью тебя...

Риони мотнула головой.

– Благодаря вам я стала сильнее. Я стала тем, кем создала меня Судьба. Но счастье я обрету, только когда закончится война... и когда я найду Энцо. Он – моя жизнь, и моя жизнь без него неполноценна... половинчата.

Вместо ответа Беатрис легонько сжала ее руку.

– Ты уверена, что знаешь, куда идти?

В памяти всплыли слова Слышащей Землю. Риони решительно кивнула.

– Уверена. Энцо не мог уйти слишком далеко от Шалы, да и куда ему идти? Земле холодно... Это наверняка земли Госпожи Льдов в нескольких милях и от Шалы, и от Калмаи. Дядя часто рассказывал мне о них. Там есть горная река и...

- Горный хребет Аллогара.

- Именно. Вот где земля – гора – целует облака.

- У тебя все получится, – заверила Беатрис.

Риони вздохнула. Страх отчего-то не было, но... Она не думала, что чужой дом когда-нибудь станет ей таким родным. Настолько родным, что будет больно прощаться.

- Что вы будете делать дальше?

- Сражаться – как и прежде, – твердо сказала Беатрис. – Тени – черный яд, который разлила по Альгардесу Осень, смертельная зараза, которая распространяется все дальше и захватывает все новые земли и города. Но куда страшнее то, что Тени – источник силы королевы Осень. Вытягивая жизнь из людей, они делают ее непобедимее. И это не прекратится... пока живы Тени.

- Я найду Энцо. И вернусь сюда, чтобы сражаться с Тенями вместе с вами. – В голосе Риони звучал металл.

- Неважно, где ты будешь, – заметила Беатрис с мягкой полуулыбкой. – Ты можешь помочь нам из любого уголка Альгардеса. Есть только одна возможность противостоять королеве Осень – уничтожить всех без исключения Теней или загнать их в их клетку за Край мира. Мы не можем всецело полагаться на дочерей Иллирэ и бездействовать. От нас, людей, тоже зависит исход этой битвы.

Риони кивнула, бросив быстрый взгляд за окно – на затянутое багряными тучами небо. Где-то там, наверху, шла жестокая война. Где-то там проливалась кровь королев и их стражей. Если им не помочь... люди могут проиграть.

Нельзя допустить, чтобы Альгардес проиграл нахальной, бессердечной королеве, готовой изранить мир, лишь бы отвоевать право владеть им в одиночку. Какой бы могущественной она ни была. Какими сильными ни были ее верные слуги.

Нельзя.

- Она найдет Энцо, я знаю, - сказала Соня. Я слышала в ее голосе улыбку.

Трубка нагрелась от моей щеки, забрав частичку моего тепла, но мне нравилось представлять, что это - тепло ее дыхания.

Глава двенадцатая. Родной чужой

Я сотни раз представляла нашу с отцом встречу. Когда была зла на него - как встречаю его пощечиной. Когда чувствовала себя одинокой - представляла, как он возвращается к нам с мамой с цветами и извинениями и банальностями вроде «я был не прав». Как будто этим можно оправдать то, что его восемь лет не было в нашей жизни. Что он забыл о нас. Что нам предпочел других.

Я знала, что за полгода до развода с мамой у него появилась любовница. И мама знала. И, как «мудрая женщина с двумя детьми на руках», предпочла простить. Я бы не простила. Я бы это мудростью не назвала. Если бы только мое мнение кого-то интересовало... Именно отец сделал окончательный выбор, раз и навсегда проведя между нами черту, разделив нашу семью на две неравные половины.

Мама ничего не знала о моей поездке к отцу. Узнала бы - наверное, не пустила домой.

Чужой город, низенькие и кукольные дома, выкрашенные преимущественно в цвета зефирок: в пастельно-розовый, персиковый или желтый - оттенок не слишком яркий, чтобы казаться вульгарным, но и не слишком белый, чтобы заставить

заскучать. Классический коттеджный поселок: белоснежные заборчики, изумрудные газоны и дорожки, вымощенные светлой плиткой.

Тихий, уютный и скучный до зевоты.

Чужая дверь отворилась на мой стук, но открывший ее был совсем не чужим. Когда-то – папочка, папа. Теперь – отец (а в минуты гнева предатель и того похлеще).

Он не сразу узнал меня, не с первого мгновения. Трудно его в этом винить – я довольно сильно изменилась со времени, когда мне было девять.

– Диана?

Я покусала нижнюю губу. Надо же, сидя в автобусе, продумала речь досконально, а сейчас вдруг забыла все слова. «Не знаешь, что говорить? Говори правду», – всплыл в голове чей-то голос.

– Твоя дочь умирает. Ты нужен ей.

Отец побледнел. Идущая за его спиной тощая девчушка на год помладше Сони, услышав мою последнюю фразу, остолбенела.

– Соня... – выдавил отец. – Что с ней?

Хотелось сказать много ядовитых слов. Вроде: «Что, резко стало не все равно?», «О, надо же, ты помнишь, как нас зовут?» и все в таком духе. Но я приехала не за этим. Я наврала маме, что останусь на ночевку у Леры (умолчав о том, что с последней вечеринки мы не общались), я села на ночной поезд, пропустила школу и проехала девять часов, надеясь, что ему будет не все равно.

– Лейкемия. Терминальная стадия и... лечение уже не помогает. Я хочу... – Я сделала над собой титаническое усилие. – Я прошу – навести ее в больнице. Пока еще не стало поздно.

Хорошо, когда руки спрятаны в карманы ветровки. Можно вонзить ногти в ладони, сильно и глубоко, и никто не заметит. А

лицо останется бесстрастным. Потому что отец и сводная сестра, которую я вижу первый раз в жизни – совсем не те люди, которым я хочу показать свою боль.

– Лейкемия? Это... заразно? – испуганно спросила та самая сводная сестра.

Я так взглянула на нее, что она съежилась и шагнула поближе к отцу. Папочке.

Будь я саламандрой, вокруг бы уже все полыхало.

– Это не заразно, но смертельно и болезненно. – Я перевела взгляд на отца. – Тебе, я надеюсь, не надо объяснять, что такое лейкемия?

– Не надо, – глухо сказал отец.

– Если нужно подумать – думай, я поторчу на остановке.

– Не надо. – Его будто заклинило. – Я поеду.

Вот так просто. Вот оно, счастливое воссоединение семьи Полянских – некогда, целую вечность назад, действительно счастливой.

– Алина поедет с нами, – словно извиняясь, сказал отец. – Мне не с кем ее оставить.

Так вот как зовут мою сестру? Скучное имя. И совсем ей не идет.

– Только любовницу с собой не бери. – Я все-таки не удержалась от того, чтобы не сказать какую-нибудь гадость. Хотя... это же правда. Добавила едко: – Или вы узаконили ваши отношения?

Я намеренно не расспрашивала маму об отце. И поспешно переводила тему, стоило только ей о нем заикнуться. И о существовании сводной сестры Алины я узнала несколько мгновений назад. Не скажу, что это лучший сюрприз в моей жизни.

Отец поморщился. Сухо бросил:

– Узаконили.

Еще одно усилие потребовалось, чтобы не ляпнуть: «Как скоро после того, как ты бросил нас?». Я сдержалась только ради Сони.

Мы вернулись в N-ск на отцовском минивэне. Полдороги я проспала – ночью не смогла уснуть, мысли мешали. Когда уже въезжали в город, позвонила маме. Знак или случайность, но она сейчас находилась в палате с Соней.

Неловкая встреча. Удивленный взгляд мамы, остекленевший взгляд Сони. Неловкое знакомство Сони и Алины. Полный ужаса взгляд последней, когда она увидела лысую голову моей сестры – за что мне захотелось если не ударить, то хотя бы вытолкать ее за дверь.

Понимание, от которого горечью затопило желудок. Никакого счастливого воссоединения семьи Полянских не будет. Ни сейчас, ни парой лет спустя. Никогда. Не знаю, почему – ведь семейным парам свойственно и расходиться, и сходиться вновь, – но я это точно знала.

Я не видела радости в глазах Сони, и сама ее не ощущала. Пока они пытались нащупать общие темы для разговора (сложная задача по прошествии восьми лет), я в мыслях металась от «дура, что я натворила» до «отец должен знать, что его дочь умирает».

Все было не так. Неправильно. Странная встреча двух чужих семей, нескольких чужих друг другу людей – столкновение двух полюсов, для которых противоестественно находиться рядом.

Но когда закончился этот невозможно долгий день, и я провожала отца до двери больницы, я нашла в себе силы сказать:

– Я прощаю тебя, слышишь? Только ради нее... прощаю.

И, развернувшись, ушла. Я не хотела слышать его лживых оправданий. Я отпустила ненависть к отцу, как отпускают в небо воздушный шарик. Я простила его – как и обещала, ради Сони.

Быть может, какая-то часть меня действительно верила в то, что все переменится. Порой я мечтала, что когда отец поближе узнает меня и Соню... он поймет, какую совершил ошибку. Когда бросил нас. Когда не захотел вернуться.

Но эта встреча избавила меня от иллюзий. От балласта, который ничего, кроме разочарования, не принес. Как бы я ни хотела повернуть время вспять и снова стать одной семьей... уже не получится. Если трещину между мной и Сонею удалось залатать... между нами с отцом была целая пропасть.

Канаты обрублены, и крепкий когда-то мост рухнул вниз, оставляя отца по одну сторону, а нас четверых – по другую.

Я вернулась в палату. Взглянула на маму и на Соню.

– Злитесь на меня?

– Нет, Ди, что ты, – бледно улыбнулась сестренка. – Я даже рада...

– Я думала, так будет лучше, – потерянно сказала я.

– Иди домой, поспи. Выглядишь устало, – произнесла мама, с беспокойством глядя на меня. Произошедшее шоком для нее не стало, и я вдруг подумала: что, если за все эти восемь лет эта была не первая их с отцом встреча?

Я послушалась ее совета и отправилась домой. Чувствовала себя выжатым лимоном, но ложиться не стала. Знала, что не усну. Вместо этого, заварив кружку черного чая, села писать. Мысли перебивали друг друга, торопясь выплеснуться на клавиатуру. Не прошло и двух часов, как новая глава о похождениях саламандры Риони была готова. Увы, в этот день к Соне я попасть уже не смогла.

Очередной тихий вечер в компании мамы и бабушки – традицию ужинать всем вместе ввел именно он. Мамино молчание было задумчивым, бабушкино – неодобрительным: он до сих пор не простил нашего отца и отзывался о нем крайне негативно. Я и сама боялась, что, вместо того чтобы сделать Соне приятное, я только ее расстроила. И снова жаль, что я не могла повернуть время вспять.

Но я точно знала, чем могу искупить свою вину.

Следующим днем, едва высидев уроки, я помчалась к Соне. Открыла дверь палаты и тут же с облегчением вздохнула, когда на ее бледном личике с тенями, притаившимися у глаз, расцвела улыбка. Если бы она злилась на меня... я бы сама себе этого не простила.

Следуя еще одной новой традиции, я вручила Соне жевательных мишек, и, расположившись в кресле, начала читать.

В городе Геордас на границе с землями Госпожи Льдов, действительно видели человека, похожего на Энцо.

Услышав это впервые, Риони долго стояла в оцепенении, крепко стискивая в руке листок, с которого на нее смотрел любимый. Энцо по ее просьбе нарисовал местный художник. И первый же лавочник Геордаса его узнал.

– Он частенько бывает у меня. Раз в неделю, наверное. Покупает мясо, травы. Станный парень.

– Станный? – медленно переспросила Риони.

– Нелюдимый, неразговорчивый. Всегда один, всегда... даже не мрачный... странный, в общем.

«Может, он болен?» – пронеслось в голове. Риони разозлилась на лавочника, но, как оказалось, в туманности фраз он был не

одинок. Другие торговцы на главном рынке Геордаса твердили то же самое – странный, неулыбчивый незнакомец, имени которого никто так и не узнал. Он не отвечал на вопросы, лишь жестами указывал на то, что ему нужно. Всегда переплачивал, вел себя спокойно, а потому всех все устраивало. Ну а то, что странный... Странностей в Альгардесе – хоть отбавляй.

- Вы помните, когда он впервые здесь появился?

Риони старалась выглядеть уверенной и хладнокровной, но таковой себя не ощущала. Ладони взмокли от волнения, ее бросало то в жар, то в холод... Она не понимала, что происходит, но силилась понять.

Что могло заставить Энцо ее оставить? Бросить, прямо говоря. Как он мог допустить, чтобы Риони думала, что он мертв?! Чтобы страдала каждый день и каждое мгновение? Она, и без того потерявшая родную мать? В тот же час лишившаяся и друзей, и любимого?

Потерявшая все...

Торговка – сухопарая женщина с плохо расчесанной копной густых волос – нахмурилась, усиленно вспоминая.

- Несколько недель назад... Да, точно. За пару дней до того, как Тени добрались до Геордаса.

А значит, через несколько дней после того, как Тени вышли из Стены за Краем мира, напали на Шалу и сожгли ее дотла... И когда это случилось, Энцо преодолел десятки миль, чтобы прийти сюда, в Геордас. Почему? Зачем?

Происходящее не укладывалось у Риони в голове. И это... омрачало ее радость. Радость осознания, что ее Энцо жив.

Тогда, в Шале, он, чудом выживший, мог подумать, что она мертва – когда Риони лежала без сознания до того, как проснуться

на гигантском пепелище. Но разве он не слышал ее дыхания? Разве не мог догадаться, что Риони... жива?

Риони сняла самую дешевую комнату в местной гостинице. Не могла сидеть без дела: днем опрашивала горожан, а по ночам, раз за разом проигрывая бессоннице, практиковалась в огненных чарах.

Тени... Жителей Геордаса они не беспокоили – говорят, они отчего-то сторонились земель таинственной Госпожи Льдов. Риони – как и сами горожане – могла бы чувствовать себя в безопасности... если бы не алое небо над головой. Каждый раз, поднимая голову, она с горечью понимала: битва не окончена. Они не проиграли... но и до победы еще далеко.

Сумасшедшее смешение погоды продолжалось, слабела магия... Война четырех настолько могущественных полубогинь медленно убивала Альгардес: желая дать достойный отпор противнице, каждая из них собирала магию со всего мира. А их мать – та, что могла положить конец войне одним взмахом руки, спала крепким сном, и не могла пробудиться.

Риони видела страх в глазах людей – затаенный ужас, появляющийся всякий раз, когда они смотрели на истекающие кровью небеса. Видела отчаяние на их лицах – хотя близость к землям Госпожи Льдов защищала их от нападений Теней. Страх перед существами, пришедшими из-за Края мира, так просто из сердца не вытравить... Мир рушился, и в этом были виноваты Тени. И их госпожа – Осень.

Риони пыталась не думать об этом – она и без того находилась на самой грани. Иногда казалось, что еще немного, и она сойдет с ума. Снова.

А иногда – в самые страшные минуты, обычно поздно ночью, когда весь Геордас спал, Риони думалось, что она уже сошла с

ума. Что так же, как она однажды выдумала Хели, Бье и остальных, она выдумала Слышащую Землю, которая сказала ей, что Энцо не умер.

Что все это – в ее голове.

Но... несколько дней спустя Риони получила от переменчивой Судьбы еще один шанс.

Первым Энцо увидела не Риони. Очередной торговец, которому она показывала нарисованное на хрупком листе лицо любимого, вдруг указал ей за спину.

– Так вот же он!

Оборачиваясь, Риони обмирала от страха... в то время как сердце неистово билось от предвкушения.

Это был он. Ее Энцо.

Бледный, исхудавший... однако походка его была уверенной. Твердым шагом он направлялся к лавочке с пряностями, когда Риони бросилась ему наперерез. Кажется, выкрикнула во все горло: «Энцо!». Все было как в тумане... Но в этом тумане Риони отчетливо видела его лицо.

Любимый, самый лучший... Он действительно жив, и он... Наконец он рядом.

Риони ожидала радости, потрясения или шока. Возможно, ступора. Но только не... Не того, что произошло.

Он просто от нее отшатнулся. Скользнул взглядом до боли знакомых глаз – взглядом пустым, безжизненным, как у куклы. И теперь, глядя на Энцо в упор, Риони понимала: все, что говорили о нем торговцы – правда.

Энцо, ее милый Энцо... он выглядел так же, но казался иным. Риони не знала, как это объяснить, не знала, отчего так ноет сердце.

Но хуже всего было другое.

Он ее не узнавал.

- Энцо, я... Я жива, слышишь? Я - Риони, твоя Риони!

Даже настороженности нет - лишь холодящая безмятежность. Равнодушие, ранящее сильнее яда или клинка.

Будто и не было всех этих лет... Будто они и не росли вместе, не изобретали собственный язык, оставляя друг другу в окне тайные знаки. Будто бы он забыл, как, совсем еще мальчишкой, подарил ей первую ларозу - нежный, хрупкий цветок. Будто бы не с ним Риони бегала наперегонки до Криспро, чтобы, сидя на самом краю обрыва, до зари слушать пение сладкоголосых Детей Поющего Водопада. Они возвращались домой всегда затемно, из-за чего им всегда попадало: ей от матери, ему от отца. Но что бы ни происходило, на следующий день они встречались снова.

Энцо сказал ей, что она необыкновенная - именно тогда, когда Риони больше всего нуждалась в теплоте и поддержке. Когда никто - даже мама - не верил в нее. Он сказал, что любит ее... когда Риони больше всего на свете хотела услышать именно эти слова. Но губы, что произносили заветную фразу, сейчас были плотно сжаты. Лицо Энцо казалось высеченным из камня. Глаза - незнакомыми и пустыми.

В них не было радости, не было жизни. В них не было... Риони.

Развернувшись, он просто ушел, оставив ее на пепелище. Запаха дыма нет, только горечь и боль от разрушенных, сгоревших дотла надежд.

Она не удивилась бы, увидев пепел на своих ресницах.

- Его хотя бы можно понять. Он не виноват. Это же магия.

У меня сердце заныло - столько взрослой горечи было в словах Сони. В ее голосе, в ее взгляде.

Как и я, она думала об отце. Как и я, хотела другого исхода встречи.

Но если финал нашей истории уже не перепишешь... Пусть хотя бы Риони сделает то, что мы не смогли.

Она не могла оставить все как есть. Не могла смириться.

И пусть ночь Риони провела, рыдая в подушку, утром ее глаза были сухи. А внутри зрела решимость дойти до конца. Выяснить, что случилось с Энцо. Понять, как все исправить. Вернуть его воспоминания и его любовь.

Не для того она победила Теней в том страшном лесу, который до сих пор снится ей ночами. Не для того выживала в одиночку, чтобы сейчас, столкнувшись со стеной равнодушия когда-то любящего человека, просто уйти.

Риони строила теории, одна безумнее другой. Пыталась понять, что вызвало в Энцо такие перемены. Перебрав все возможные варианты, даже допустила истинно сумасшедшее: что тогда, в Шале, Энцо все-таки погиб... а потом чья-то магия его оживила. Невероятно, пугающе, но... Это бы объяснило его безжизненный, как у марионетки, взгляд. Объяснило бы, почему он вел себя с Риони как с незнакомкой. Почему в нем осталось так мало от человека, которого она любила...

Некромантия в Альгардесе запрещена... попросту невозможна. Иллирэ – ярая противница вмешательства в законы провидения. Любого, кто попытается нарушить истинный ход вещей, манипулировать жизнью и смертью, ждет суровое наказание – от самой королевы-матери. И даже если допустить, что сейчас Иллирэ не до проделок смертных... то кому, кроме Риони, понадобилось бы оживлять Энцо?

Нет, безумие. Должно быть другое объяснение. Но какое?

Риони не могла спать, не могла сидеть сложа руки. Магическая практика не приносила удовольствия, все валилось из рук... Устав сражаться с самой собой, Риони выскользнула из гостиницы с первым солнечным лучом.

С тех пор, как покраснело небо, как тучи набухли, словно готовые в любой момент обрушить на головы людей кровавый дождь, Альгардес погрузился в вечные сумерки. Небо цвета заката меняло окраску только ночью, когда на смену солнцу приходила непроглядная темень – занятым войной королевам некогда было призывать луну. С наступлением утра небо постепенно светлело, превращаясь из черного в багряный, бордовый, а затем – в алый.

Риони, наверное, назвала бы это красивым... если бы алое небо не казалось таким пугающим. Если бы не скучала по голубому небу с облаками-пушинками.

Если бы алое небо не означало, что в любой момент ее миру может прийти конец.

Риони шла по еще не прогретому солнцем городу. Вчерашний зной сменился могильным холодом, но на землю не опустилось ни снежинки. А уже несколько минут спустя разъяренная Осень ветром гнула деревья до самой земли. Когда буря стихла, узкие улочки Геордаса начали заполняться людьми. Никто из них не смотрел на небо. Они смотрели вниз, будто силясь разглядеть мостовую под ногами в мельчайших деталях. Этот жест не был нарочитым... Как просто изменить свои привычки, когда мир рушится на глазах.

Понемногу люди словно оттаивали. Тишина, нарушаемая лишь звуками шагов, постепенно сменялась голосами и робким – пока еще – смехом. Лавочники обменивались друг с другом последними

новостями, зазывали редких прохожих, наперебой предлагая свой товар.

Что бы ни лежало на прилавках, Риони это не интересовало. Она ждала.

Нежная королева Весна расплакалась дождем и люди торопливо попрятались под навесами. Погрузившись в воспоминания, заблудившись между настоящим и прошлым, где они с Энцо были вместе, Риони потеряла счет минутам и часам. Пока... не увидела любимого.

Энцо направлялся к торговцу свежими овощами. Как бы ни было велико желание Риони броситься к нему и потребовать ответа, она сумела сдержать порыв, заставила себя затаиться и наблюдать. Просто знала: ничего не изменилось. Энцо по-прежнему казался очень далеким... и чужим. Все тот же отстраненно-равнодушный взгляд, все то же лицо, лишённое всяческих эмоций.

Подойди она к нему, он бы не узнал ее. Снова.

Однако бессонная ночь не прошла даром. Первый шок прошел, Риони запечатала горечь, боль и разочарование на самом дне сердца. Не время поддаваться эмоциям, не время проклинать судьбу и жалеть себя.

Она знала, что делать.

Энцо обошел несколько торговцев, купив обыкновенный набор продуктов: мясо, пряности, сыр, овощи и фрукты. А затем направился туда, откуда пришел: сначала миновал рыночную площадь, а затем и городские ворота. Незамеченная любимым, Риони осторожно следовала за ним.

Энцо шел по широкому тракту, тогда как Риони, намеренно отставая и время от времени замирая за очередным деревом, кустом или валуном, кралась в стороне от дороги. Риони было не

по себе – ведь здесь, за пределами городских стен, ее могли поджидать Тени. Вот только поняв, куда идет Энцо, облегчения она не испытала. Да, в такой близости от земель Госпожи Льдов слуги королевы Осень ей не угрожали. Но... зачем Энцо туда направлялся?

Стена деревьев по обеим сторонам от дороги заметно поредела. Стало холодно, под ногами захрустела земля – опустив глаза вниз, Риони увидела, что ее покрывает тонкая корочка льда. Трава исчезла, деревья сменили пышную листву на голые ветки. Это произошло разом, будто бы по щелчку чьих-то пальцев.

И Риони точно знала, чьих.

О Госпоже Льдов ходили разные слухи, один жутче другого. Говорили, что она пришла в Альгардес из другого мира, и рожица, в которой она очутилась, в то же мгновение превратилась в островок вечной стужи, снега и льда. Листья на деревьях рассыпались ледяной крошкой, обнажая ветви. Трава вымерзла – уже навсегда. А затем налетела жуткая вьюга – чтобы никто не смог увидеть, что творится в новой обители Госпожи Льдов.

Говорили, будто бы она повелевает северными ветрами. Будто по ночам ее верные слуги проникают в жилые дома сквозь тонкие щели, чтобы отыскать спящих людей. Ветра прикасаются к щеке человека призрачными пальцами, чтобы... украсть его тепло. А затем несут его Госпоже Льдов, чтобы она могла хоть немного согреться. Хорошо, если человек просыпался, стуча зубами от холода и отчаянно кутаясь в одеяло. А бывало, что не просыпался вовсе.

Люди боялись сказать дурное о Госпоже Льдов, боялись, что вездесущие северные ветра – невидимые, бессмертные и опасные охотники за человеческим теплом – услышат и все ей расскажут. И

тогда расплата неминуема – остывшее тело, остекленевшие глаза...

Многие безумцы, пораженные красотой и грацией Госпожи Льдов, приходили в башню – чтобы добиться ее... спасти ее... но она любить была не способна. И жестоко наказывала тех, кто попадался в ее инеевые сети.

Говорили, что кровь в ее венах давно застыла, а изо рта все время вырывается пар. Там, где ступает ее нога, все леденеет. Холодеет земля, зелень сменяется снегом, стужи рвут на части теплый воздух, пока не уничтожат его.

Говорили, будто глаза Госпожи Льдов – ледышки и средоточие ее дара. Если их вынуть и разбить, то своей силы она лишится. А если долго смотреть ей в глаза, можно превратиться в ледяную статую... а потом разлететься на сотни осколков под ее взглядом. Говорили, Госпожа Льдов похищает мужчин, чтобы забрать их сердца, взамен оставив в груди ледышку. Чтобы они почувствовали то, что каждый день чувствует она – тоску, безразличие и бесконечный холод...

Догадка пронзила Риони, рассыпав по телу мурашки. Госпожа Льдов похитила Энцо, заколдовала его!

«Ну конечно – она заморозила его сердце! Вот почему он меня не узнавал...»

Когда Энцо, так и не заподозрив, что все это время за ним следили, поднялся по обледенелому голубовато-прозрачному крыльцу и скрылся за покрытой инеем дверью высокой и тонкой, как игла, башни, Риони поняла, что не ошиблась.

Ее любимый стал пленником Госпожи Льдов.

Глава тринадцатая. Отпускаю...

- Значит, это все? Надежды нет?

- Мне очень жаль, но... Соне уже не вылечиться, и времени осталось мало. Все, что ей нужно сейчас – хоспис на дому и опытная сиделка. А еще покой, любовь и забота близких.

- Чуть это, слышите? – взорвалась мама. – Полная чушь!

- Вероника, – мягко бросил дедушка. Успокаивающе коснулся ее плеча, но она лишь дернулась, вырываясь.

- Я знаю статистику! Просто ваша больница не в состоянии вылечить мою дочь. Я отвезу ее в столичную клинику!

- Вы лишь измучаете Соню переездом, – осторожно сказал врач. – Защитные механизмы вашей дочери на нуле – иммунная система полностью разрушена. Мы сделали все, что могли.

- Вы сгубили мою дочь! Это все, что вы смогли сделать?!

- Вероника!

- Ее сгубили не мы, а лейкемия. И... мне действительно очень жаль.

Мама стояла, глядя вслед уходящему врачу, сжимая и разжимая руки. Крылья ее носа гневно раздувались.

- Я так это не оставлю! В столице сейчас проходит конвенция врачей, и они обещают...

- Мама, хватит.

Она повернулась ко мне, изумленная.

- Что?

- Я говорю - хватит. Остановись. Я знаю, ты хочешь спасти ее, и ради этого ты готова на все, но... Что, если Соня умрет, когда тебя не будет рядом?

- Она не умрет! - взвилась мама.

- Она уже умирает.

Возможно, я была безжалостна. Но сейчас я как никогда чувствовала, что поступаю верно. Ложные надежды ни к чему. Все это время мы - я, дедушка, мама и конечно же Соня... мы боролись. Жаль, что наша борьба ни к чему не привела - только выторговала для Сони несколько месяцев жизни. Жаль, что настала пора остановиться. Отпустить.

Нет, «жаль» - неправильное слово. Больно. Невыносимо больно. Но мы не в книге. Мы не можем переписать этот финал. Остается только одно: сделать все возможное, чтобы Соня как можно дольше улыбалась.

- Ей нужна мама, - тихо сказала я.

- А я кто? Я пытаюсь ей помочь!

- Я знаю. Я знаю и то, что ты всю жизнь посвятила тому, чтобы мы ни в чем не нуждались. Но... - Я пыталась собраться с мыслями, но они были путанными, рваными. - Помнишь семью Войцевых? Они бедны, они живут в покосившейся хибаре, больше напоминающей сарай, потому что не могут позволить себе новый дом, их младшая дочь донашивает вещи за старшей, и что? Они счастливы. Я постоянно вижу их - смеющихся, радостных, любящих друг друга. Они вместе гуляют, о чем-то спорят, читают друг другу стихи. Вот чего я хочу. Всегда хотела. Вот что нужно Соне сейчас. А тебя... с тех пор, как она заболела,

тебя никогда не бывает с нами. – Я резко выдохнула. – Мам, я очень люблю тебя. Но я прошу... Не повторяй мою ошибку. Не отдаляйся. Потому что ты никогда себе этого простить не сможешь. Я себя никогда не прощу.

Мама разом будто постарела. Плечи поникли, уголки губ опустились, из-за чего лицо напоминало трагическую театральную маску.

– Я буду рядом. – Ее голос прозвучал глухо. – Но Соне нужно наблюдение врачей.

Все решили слова Сони – первые слова, прозвучавшие, когда она очнулась и увидела нас.

– Мамочка, я хочу домой.

Мама сдалась. Просто выбора не оставалось.

Когда мы все вчетвером возвращались домой, в молчаливой, траурной атмосфере, я смотрела на профиль сестры и думала только об одном.

Я – твоя Шахерезада, София. Жаль только, что у нас не будет тысячи и одной ночи.

Хотелось закричать в голос – что-то банальное о несправедливости, хотя эта банальность была именно тем, что я чувствовала сейчас. Почему она? Почему сейчас? Почему...

Холодная ладошка сжала мою руку.

– Ты только не плачь, ладно? – прошептала Соня. – И не злись.

И вся ярость почему-то улетучилась с выдохом и вздохом: словно острой иглой прокололи шарик.

- Ладно.

А про себя подумала: «Не могу обещать».

Дом встретил нас ледяной тишиной и впитавшимся в стены запахом лекарств и горя. Мама осталась в комнате Сони, мы с дедушкой пытались приготовить ужин, хотя аппетита не было ни у кого. Нам просто нужно было что-то делать. Чем-то занять руки и головы.

- Мы проиграли, - хрипло сказала я. Держала чашку в руках, отстраненно решая: налить в нее чай с мятой или к черту расколошматить об стену.

- Родная... В борьбе со смертью победителей не бывает. Рано или поздно, мы все проиграем ей.

- Тогда какой смысл? - выдавила я, глотая слезы.

Дедушка мягко взял чашку из моих рук. Приобнял меня за плечи.

- Смысл в том, чтобы жить. Чтобы продолжать бороться - упрямо и вопреки всему. Чтобы оставить след в чьем-то сердце, в чьей-то судьбе... Если Соня сделала нашу семью чуточку крепче, если помогла тебе открыть глаза на свою мечту и на тех, кому ты небезразлична, если сделала каждого из нас счастливее только тем, что была в нашей жизни... значит, все это не напрасно. Значит, в ее собственной жизни был смысл.

Я медленно кивнула. Был и есть. Совершенно точно.

- Ты... веришь, что вы с бабушкой когда-нибудь встретитесь? Что снова будете вместе?

Он улыбнулся, и морщины возле глаз проявились еще отчетливее.

- Верю, родная.

- И я верю, - прошептала я. - Только... Я думала, достаточно верить в том, что Соня поправится, и это случится. А сейчас никак не могу перестать думать: вдруг и насчет остального я тоже ошибаюсь?

- Не позволяй обстоятельствам поколебать свою веру. - Дедушка сжал мою руку, как совсем недавно Соня. Только его рука была теплой и чуть подрагивающей. - Мы не знаем, почему кому-то суждено уйти слишком рано. Просто так случается. Колесо судьбы крутится, и все, что людям остается - принять то, что нам выпадает.

- А как же справедливость?

- Вселенской справедливости нет, есть лишь справедливость человеческая. Она кроится в нашей морали, наших словах и поступках. Мы не бросили Соню в тяжелую минуту, мы во всем поддерживали ее. Как умели. Вот что значит настоящая справедливость.

К себе я поднималась будто в полусне. Долго смотрела на открытую тетрадь - почему-то показалось правильным писать, а не печатать. И когда тоска стала невыносимой, выплеснула свою боль на чистый белый лист.

Когда я очнулась, за окном уже стемнело. Но я отчего-то знала, что Соня не спит.

- Она ждала тебя, - вымученно улыбнулась мама, вставая с кресла. Глаза ее влажно поблескивали.

Она уже была у двери, когда Соня шепнула ей в спину:

- Ты больше не уедешь?

Мамины плечи дрогнули. Она обернулась.

- Нет, милая. Я больше тебя не оставлю.

Соня кивнула, будто бы взяв с мамы обещание. Но когда она ушла, сказала мне:

- Когда меня не станет... Я не хочу, чтобы вы долго грустили. И дедушка тоже. Вы по-прежнему будете друг у друга, хоть и меня не будет. Вы... Сделай так, чтобы она была рядом, ладно?

Глаза защипало от слез. Я часто-часто заморгала, пытаюсь их прогнать. Если Соня держится и не плачет, и я не должна раскисать.

- Ди... можно задать вопрос?

Я с усилием кивнула.

- Что такое смерть?

Мне будто хлестнули плетью по сердцу. Самый страшный вопрос, который можно услышать от умирающей сестры.

На несколько мгновений я словно оцепенела.

«Нужные слова однажды придут сами», - когда-то - целую вечность назад - сказал мне дедушка. И, как всегда, оказался прав.

- Смерть - это долгий-долгий сон, который однажды непременно закончится пробуждением.

- Ты правда в это веришь? - прошептала Соня.

- Верю, - твердо сказала я. - Верю, что, умирая, наши родные и близкие блуждают по миру или стоят за нашими спинами. Наблюдают, как мы взрослеем, как выбираем свой путь, как встречаем свою любовь и создаем семьи. А года спустя, когда нас уже не надо оберегать и защищать, они исчезают... чтобы родиться снова. Чтобы уже для кого-то другого стать самым важным человеком на свете.

Я чуть повернула голову, делая вид, что смотрю в окно - лишь бы Соня не заметила на моей щеке прозрачную дорожку. Заставила себя улыбнуться.

- А помнишь, что мы говорили о сне?

- Это способ попасть в чужой мир, - тихо сказала она. - Думаешь, я смогу попасть в любой мир, если очень сильно этого захочу?

- Конечно, медвежонок. Ты же демиург - ты создала иной, волшебный N-ск. А я открою тебе дверь в Альгардес... если ты захочешь.

- Но как ты найдешь меня, если я там окажусь?

- Обязательно найду.

Соня вздохнула - одного моего заверения ей показалось мало.

- Знаешь, я думаю, ты была права, - помолчав, задумчиво сказала я. - Мы обе были правы. Выдуманные кем-то миры... они действительно существуют. И мостами между ними служат сны. Тебе самой наверняка не раз снились миры настолько целостные и настоящие, что не веришь в них только потому, что они... сон. Так может кто-то, однажды создавший Альгардес, просто

нашептал мне на ухо о нем или позволил даже побывать там, чтобы увидеть его своими глазами? Чтобы я смогла рассказать о нем другим, всем, до кого смогу дотянуться. Чтобы новой главой об Альгардесе я еще чуть больше его оживила. Ты, прочитавшая о нем, его нарисовала. Тот, кто увидит твои рисунки, напишет стих. Кто-то просто будет мечтать, чтобы однажды в этом мире оказаться. Когда... когда в Альгардесе не будет Теней. Когда вся тьма останется за границей Края мира, а мир снова станет безопасным и сказочным, и будет жить только светлым, добрым волшебством. И каждый, кто думает об Альгардесе, рисует его, пишет о нем, мечтает о нем... он понемногу вдыхает жизнь в этот мир. Чтобы однажды он стал настоящим.

Соня слушала меня как замороженная.

- Ди... Когда он станет прежним и настоящим... Я хочу оказаться в нем.

- И окажешься. Это ведь я для тебя его придумала, так что я тоже немножечко демиург. А все демиурги, так или иначе, Сказочники.

Соня разулыбалась.

- Значит, ты когда-нибудь сможешь превратиться в ветер?

- Да, медвежонок. И тогда я найду тебя... где бы ты ни оказалась. В любом из существующих миров.

- А там будет солнце? - с надеждой спросила она.

- Я создам его для тебя.

Я подошла к сестре и звонко чмокнула ее в нос.

- А теперь... Как насчет новой главы?

Риони понимала, что была слишком порывиста и импульсивна. Понимала, что надо было добраться до Геордаса и позвать на помощь – в надежде, что кто-то откликнется, сумеет превозмочь страх к Госпоже Льдов. Но вместо того, чтобы вернуться в город, Риони... ринулась вперед. Слыша хруст под ногами и учащенное биение сердца, стрелой взлетела по ледяным ступеням. Боясь, что дверь окажется заперта, потянула на себя обжигающую холодом ручку. И, не раздумывая ни мгновение, шагнула вперед, когда дверь послушно распахнулась.

Риони влетела в пустой коридор. Дохнуло могильным холодом, и это словно отрезвило. Риони осознала, где она. Осознала, что по собственной воле шагнула в ловушку. Но... оставить Энцо здесь Риони тоже не могла. Кто знает, что происходило с ним в этот самый момент? Какой след оставляла магия Госпожи Льдов в его душе? Что, если его любовь к Риони все еще жила под оковами ледяных чар, но... умирала? Что, если с каждым мгновением в нем оставалось все меньше человеческого тепла?

Риони не могла позволить Госпоже Льдов отобрать у нее Энцо. А раз так, она будет бороться. Бороться до конца.

Кончики пальцев потеплели и, спустя лишь миг, вспыхнули как лучины. Если будет нужно, Риони заставит обитель Госпожи Льдов растаять. Если будет нужно, она вырвет из глазниц ее ледяные глаза, сожмет их в ладонях и растопит своим огнем – огнем саламандры. Если это спасет Энцо... Она на это пойдет.

Но решимость Риони поблекла, когда она увидела... ее.

Госпожа Льдов медленно спускалась по крученой лестнице – ледяной и полупрозрачной, как и все в этой башне. Вопреки ожиданиям, ее волосы были не белоснежными, а черными, как

эбеновое дерево. Вопреки ожиданиям – и слухам – ее глаза не были ледяными. Очень светлые, да, почти прозрачные, но вполне настоящие. Нет и пара, вырывающегося изо рта...

Но слухи насчет красоты Госпожи Льдов оказались правдивы.

Она не шла, а плыла, скользя руками по перилам. Не поморщилась – она не чувствовала холод. Очень стройная, даже хрупкая, с по-королевски прямой и горделивой осанкой. Узкое лицо с идеальными – словно выструганными изо льда – чертами. Карминовые губы, очень яркие на фоне благородно белой кожи. Неудивительно, что мужчины теряли голову, едва ее завидев...

– Зачем ты пришла сюда, саламандра?

Риони вздрогнула. Никак не могла ожидать, что королева ледяного царства знает, кто она такая. Быть может, верные слуги Госпожи Льдов – северные ветра – рассказали о ней. А быть может, хозяйка башни изо льда, так похожего на голубой хрусталь, почувствовала огонь в ее сердце.

– Ты забрала моего Энцо!

Как бы ни хотела Риони казаться яростной и решительной, в ее голосе явственно прозвучала горечь. И боль, преследующая ее все эти долгие дни без Энцо. Когда теряешь двух самых близких сердцу людей, теряешь и саму себя в одночасье. Мир рушится, и не остается ничего... Ничего, кроме пустоты, горечи и боли.

– Ты так сильно любишь его, что осмелилась прийти сюда?

Госпожа Льдов уже достигла конца лестницы – их разделяли лишь несколько шагов.

– А для чего еще нужны любимые? – с вызовом ответила Риони. Напряженная, как туго натянутая струна, сжала в кулаки полыхающие ладони.

Будет битва – в этом она не сомневалась. В любой момент Госпожа Льдов могла обрушить на нее свои ледяные чары. В любой момент могла призвать на помощь северные ветра.

Риони прекрасно понимала, что в схватке с Госпожой Льдов может не выжить... По спине пробежал холодок. Риони передернула плечами, упрямо вскинула подбородок. Она не позволит бездушной холодной стерве ее напугать. Она не позволит себе быть слабой.

Прикрыв глаза, Риони заставила свои руки разгореться еще сильнее. Пусть Госпожа Льдов узнает, что такое жар ее дара.

– Энцо! – Крик, полный надежды, сорвался с губ, когда она увидела знакомый силуэт.

Любимый – все такой же далекий, как и прежде, вышел из комнаты ей навстречу. Но, подойдя ближе, остановился по правую руку от Госпожи Льдов.

– Ты – чудовище, – прошипела Риони, глядя в глаза в той, что украла сердце Энцо, его воспоминания и его любовь. Чувствуя, как ненависть переполняет ее, затмевая страх.

– Не говори так. – Поразительно, но голос Госпожи Льдов... дрогнул. – Я не выбирала свою судьбу. Думаешь, я не хотела бы, чтобы все было иначе?

Вне себя от ярости, Риони заставила огонь с пальцев впиться в кожу и ринулась вперед. Схватив Энцо за руку, рванула на себя. Он даже не шелохнулся, стоял, как ледяное изваяние.

– Отпусти его, – прошипела Риони.

Ждала, что Госпожа Льдов бросится на нее, пустив в ход свою смертоносную магию. Невольно содрогаясь, представляла, как бестелесные северные ветры касаются ее тела, высасывая из него тепло. Но Госпожа Льдов безучастно смотрела в окно на виднеющийся вдали Геордас.

- Не делай этого, - неожиданно тихо обронила она. - Не забирай Энцо.

- Я тебе его не оставлю, - чеканя слова, сказала Риони.

- Ты не понимаешь... он умрет без меня.

Риони вспыхнула. Да как она смеет! Процедила, вновь зажигая ладони:

- Отпусти, а не то...

Госпожа Льдов прикрыла глаза.

- Хорошо. Будь по-твоему.

Уходя и ведя за руку Энцо - на этот раз он покорно шел рядом с ней, Риони до последнего ждала подвоха. У самого порога, в полушаге от свободы, не удержавшись, оглянулась на Госпожу Льдов.

И поразились, какой она выглядела... одинокой.

- Глупая, я его спасала, - раздалось за спиной Риони.

Она лишь передернула плечами и перешагнула порог.

Захлопнула дверь, ощущая даже некое разочарование: и это и есть легендарная повелительница северных ветров, которую боялись даже Тени?

Но когда они с Энцо оказались за пределами земель Госпожи Льдов, все прочие чувства схлынули, оставив только безграничное счастье. У нее получилось. Энцо снова рядом.

- Ты не узнаешь меня, - шептала Риони, покрывая его лицо поцелуями. - Это ничего. Это не страшно. Пускай твое сердце стало ледяным... Но оно оттает. Я отопрею его своим пламенем и своей любовью. Обещаю.

Она верила, что самое страшное уже позади. Что отныне ничто не мешает им с Энцо быть вместе. Да, вокруг бушует война. Да, их ждут новые невзгоды. Да, им предстоит смертоносная борьба с Тенями... но уже вдвоем. Только рядом - и никак иначе.

Плечом к плечу на поле боя – воин и саламандра. Два любящих сердца, две жизни, снова связанные воедино. Она действительно верила...

Но иногда одной веры бывает недостаточно.

Энцо не узнавал ее. В Геордас он вернулся лишь бледным подобием себя прежнего. Призрачной, обезличенной тенью. Сидел, уставившись в стену прямо перед собой – даже когда Риони его окликала. Был равнодушен к ее прикосновениям – казалось, и вовсе не чувствовал их. Он не спал – его глаза всегда были открыты, но ел послушно, как дитя, когда Риони подносила к его рту еду. И что-то подсказывало: будь в ее руках отрава, Энцо бы этого даже не заметил.

Каждый раз, глядя на любимого – отрешенного, безучастного ко всему происходящему, Риони чувствовала себя так, будто ее кровь перемешали с битыми стеклами. И теперь осколки проносились по венам вместе с кровью, раня каждую клеточку тела, причиняя невероятную боль. И сердце... сердце болело сильнее всего.

Энцо не желал к ней возвращаться.

Но даже не это было самым страшным. С тех пор, как они покинули обитель Госпожи Льдов, с ним творилось что-то... странное. Пугающее. Необъяснимое.

В очередное алое утро Риони услышала страшный, почти нечеловеческий крик. Сердце едва не разорвалось от ужаса. А потом... она увидела Энцо. Глаза запали так сильно, что издалека казались черными провалами. Заострились скулы, вены на шее вздулись, кожа стала белой, будто восковой.

– Энцо... – почти теряя сознание от страха за него, прохрипела Риони.

Бросилась к любимому, расprostертому на полу у кровати, упала на колени рядом с ним. Гладила по волосам, как ребенка, пока Энцо смотрел на нее, почти незнакомку, с мукой в глазах. Долго сдерживалась, призывая себя быть храброй. Но когда из перекошенного в агонии рта вырвался протяжный стон, не выдержала и разрыдалась.

К счастью, вскоре приступ прекратился. Энцо больше не кричал так страшно, лишь изредка с его губ срывались тихие стоны.

Риони отыскала целителя и привела в комнату в гостиную. Энцо не спал – или чары Госпожи Льдов не позволяли, или терзающая изнутри боль.

Едва взглянув на бескровное лицо Энцо, целитель побледнел сам.

– Что... – Она с трудом выдавливала слова из пересохшего враз горла. – Что с ним такое?

– Не знаю. Никогда не сталкивался ни с чем подобным, – пробормотал он, держа руку над грудью Энцо, и видя то, чего не видела Риони. – Кажется, будто... – Целитель замялся и отвел взгляд.

– Скажите мне правду, – тихо, но твердо сказала она.

– Кажется, будто он разлагается изнутри. Мне жаль, но... никакие чары, травы и зелья тут не помогут.

Риони прикрыла глаза, до боли закусив губу. То, что было внутри Энцо, его убивало. И она знала, кто к этому причастен.

«Он умрет без меня»...

Теперь Риони понимала, что означали эти слова. Смертоносные чары Госпожи Льдов пустили корни... Просто заморозить сердце Энцо ей показалось недостаточно.

Ярость вскипела в крови, подобная лаве пробудившегося вулкана. Она придала Риони сил. Помогла решиться.

Последние сбережения она потратила на безупречный клинок, который идеально лежал в ее руке. Перед тем, как уйти, попросила целителя, чтобы он, как мог, позаботился об Энцо.

Риони пришлось его оставить... чтобы спасти.

Башня распахнула ледяные объятия. Госпожа Льдов снова спустилась по лестнице ей навстречу, холодная и грациозная.

- Что ты сделала с ним? - вне себя от ярости и горя, вскричала Риони. - Мстишь за то, что я забрала его у тебя? Но почему ему? Ты так слаба или так труслива, что не можешь причинить мне - саламандре - вреда? Поэтому отыгралась на том, кто слабее, в ком нет огненного дара?

- Твоя гордыня тебя погубит, - бросила Госпожа Льдов. Риони даже почувствовало разочарование в ее голосе. - Если бы я захотела, мои ветра в одно мгновение лишили бы тебя тепла. Если бы я только захотела...

Что-то в ее лице и тоне заставило Риони похолодеть. Некая убежденность, властная уверенность... Несмотря на недавнее поражение - совершенно неожиданное, надо сказать - в Госпоже Льдов чувствовался не страх, а превосходство.

Словно подслушав ее мысли, хозяйка ледяной башни сделала едва уловимый жест рукой, и клинок в ладони Риони покрылся инеевой паутиной. Она терпела жгущий пальцы холод сколько могла, но кто-то вырвал кинжал, поменявший сталь на лед, из ее руки. Кто-то невидимый, обдавший ее ледяным дыханием.

Северный ветер.

Клинок завис в воздухе на расстоянии полушага от Риони, а затем взорвался снопом искр... Не искр, поняла она мгновение спустя, осколков - таких мельчайших, что едва видимых.

- То же самое могло произойти с тобой, пожелай я такого исхода. - В голосе Госпожи Льдов не слышалось торжества или удовлетворения. Лишь безграничная усталость, которая сбивала Риони с толку. - Да, огонь в твоём сердце делает тебя особенной. Но не настолько, чтобы я не смогла побороть твою стихию. Ты сильная, но ты всего лишь человек... Я же никогда не была человеком.

- Тогда... почему Энцо? - Губы едва её слушались.

- Я к этому не причастна. Хотя и знаю, что сейчас происходит с ним.

- Откуда?

- Видела своими глазами. Когда - недели назад - его нашла. Он умирал... и умер бы, не окажись я рядом.

Риони закрыла глаза. Прошептала:

- Не понимаю...

Помолчав, Госпожа Льдов тихо произнесла:

- Знаешь, почему такие, как я, одиноки? Почему мои спутники - не люди, а ветра? Потому что быть со мной опасно. Мужчины, сраженные моей красотой, приходили в мою обитель, убеждая, что влюблены в меня. Но как бы ни были горячи их сердца и искренни признания... это их не спасало. Проходило время, и кошмар, преследующий меня с самого детства, повторялся вновь.

Риони нахмурилась. Не ожидала, что Госпожа Льдов, которую она считала врагом, будет делиться с ней сокровенным.

- Слухи обо мне правдивы. Я действительно замораживала человеческие сердца... сама того не желая. Постепенно те, кто находился рядом со мной, становились похожими на живые ледяные изваяния. Они больше не чувствовали ни радости, ни горечи, ни ненависти, ни любви, ни боли, ни наслаждения. Я краля их эмоции, а воспоминания покрывала инеевой паутиной. Они не

помнили, где их дом, и оставались со мной... навсегда. Я словно приковывала их к себе невидимыми ледяными цепями. – Закусив губу, она отвернулась. – Хотела бы я, чтобы все было иначе, но... таким, как я, не место среди людей. И отныне мои единственные спутники – ветер и тишина.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Я просто хочу, чтобы ты поняла... Я никогда и никому не желала боли. Я пыталась изменить, подавить свою сущность, присмирить свою магию, чтобы она не коснулась окружающих меня людей, чтобы мне не пришлось вновь и вновь ощущать лишь ледяное одиночество... но все было без толку. Я заперлась в башне, стала отшельницей – я не хотела, чтобы мой дар причинил еще больше боли. Что до твоего любимого... Да, я заколдовала его, и на этот раз сделала это осознанно. Но если бы не мое вмешательство, он бы умер.

– Умер?

Риони по-прежнему ничего не понимала. Знала только одно: она ошиблась. Госпожа Льдов не причастна к тому, что происходило с Энцо. Чувствовала это. Видела правду в прозрачных глазах.

– Он – один из тех, кого люди называли Слугами Теней, – огорошила ее Госпожа Льдов. – Некоторые, особенно сильные Тени способны поработить человека. Они вырывают сердце из его груди и заполняют образовавшуюся пустоту своей черной как ночь магией – чтобы их слуга не умер. Чтобы помогал ему...

– В чем? – ошеломленно спросила Риони.

– Разносить заразу по Альгардесу, находить новых слуг... и чтобы, в конце концов, самому стать Тенью.

Риони была слишком раздавлена, чтобы ответить.

- Возможно, Тень-Покровителя твоего Энцо убили, возможно, он попытался от нее сбежать. Как бы то ни было, это стало для него приговором. На его груди - незаживающая рана, внутри сгусток тьмы, которую не изгнать. Но хуже всего другое. Если Слуга Теней оторван от Тени-Покровителя... рано или поздно тьма, заменяющая ему сердце, начинает медленно его убивать.

- Значит, ты...

- Я же говорила, что спасала его, - спокойно произнесла Госпожа Льдов. - Я не лгала. Когда я увидела его... Энцо умирал, его тело сотрясала агония, в пустых глазах уже не было жизни - только жуткое, темное ее подобие. То, что он оказался на границе между Геордасом и моими землями - это и есть судьба. Рок. - Она помолчала. - Ветра видят больше, чем люди. Я знала, что тьма пожирает его изнутри, и нашла единственный выход - заморозить черную пустоту в сердце Энцо, чтобы не дать тьме убить его. После долгих, долгих лет одиночества я впервые впустила чужака в свою обитель. Впервые моя магия стала не погибелью... а исцелением. Но я солгала, если бы сказала, что сделала это только из жалости к умирающему, только из желания сохранить чужую жизнь. Я страдала так долго! Мне просто захотелось толику человеческого тепла. Иллюзии того, что я не одна, что со мной кто-то рядом.

Риони устало прикрыла глаза. Могла ли она винить Госпожу Льдов? Она, придумавшая себе друзей, чтобы не сойти с ума от одиночества? От черной пустоты - все той же, но другой, - которая пришла на место счастья?

Своей смертоносной магией Госпожа Льдов спасла Энцо...

- Вот почему он вновь испытывает боль, - глухо сказала хозяйка северных ветров. - Вдали от меня его сердце - то, что

Тень-Покровитель оставила вместо него – тает. Тьма вырывается наружу из ледяной клетки. И Энцо умирает снова.

– Что мне делать? – прошептала Риони, сжимая пальцами виски. От отчаяния хотелось кричать в равнодушное алое небо.

– Если хочешь спасти любимого, тебе нужно вернуть его сердце. В нем – его мысли, чувства, воспоминания... Все, что делает его человеком.

– Но разве... – Дыхание перехватило. – Разве сердце Энцо не уничтожено Тенью-Покровителем?

Госпожа Льдов покачала головой.

– Это бы его убило. Тени отливают сердца своих жертв в янтарь, прячут их, заставляя биться в унисон с тьмой. Именно так они управляют Слугами Теней.

– И где они... их прячут?

– В Башне Сердец за Краем мира.

Риони вздрогнула. Воспарившая в душе надежда растаяла как дым. Край мира... обитель мертвых и Теней. Ей не выжить там. Никому не выжить.

– Пойми, саламандра, если туда отправлюсь я... Все сердца, что хранятся в филиakterиях, оледенеют. Быть может, когда-нибудь они оттают. Но что-то очень важное – чувства или воспоминания, будет потеряно безвозвратно. Это придется сделать тебе – если ты действительно хочешь спасти Энцо.

– Хочу, – закрыв глаза, сказала Риони.

– И помни: Тени слепы – но только до того момента, пока не помотришь им в глаза... или пока не коснешься любой вещи, которая им принадлежит.

Она ахнула.

– А значит, стоит мне только взять сердце Энцо в руки...

- Морок рассеется, и Тени тебя увидят, - кивнула Госпожа Льдов. - Возможно, тебе придется бежать изо всех сил. Возможно, тебе придется сражаться. Твой огонь... Используй его в самый последний момент - как только ты его призовешь, пути назад не будет. С огнем в руках ты станешь легкой мишенью. Но вот еще что... Когда ты окажешься за Краем мира, тебе ни в коем случае нельзя будет смотреть в глаза Теням: если привлечешь их внимание прежде, чем вернешь сердце Энцо, до Башни не доберешься. Будет лучше и вовсе завязать повязкой глаза.

Риони сглотнула.

- Хочешь сказать, мне придется идти по Ничто, среди Теней, полагаясь только на слух?

- Не только, - успокоила ее Госпожа Льдов. - С тобой будут северные ветра. Они укажут тебе и путь к Башне Сердец. Они будут защищать тебя...

- И ты готова отдать мне их, зная, что снова останешься одна?

Госпожа Льдов невесело усмехнулась.

- Мое второе имя - одиночество. Я одна с тех самых пор, как появилась на свет. Моя семья - осколок далекого прошлого, погребенный под пылью времен. Мои бывшие любовники - лишь мимолетный проблеск света в кромешной темноте. Мои ветра - не друзья, не соратники, а безмолвные охранники и слуги. Ты можешь мне не верить... но я хочу, чтобы сердце в груди твоего Энцо забилося снова. Если я не могу быть счастливой, любящей и любимой... пусть все это будет хотя бы у вас двоих.

Риони не знала, поверила ли ей до конца. Но выбора не было. Не ей отказываться от помощи - путешествие в Ничто должно было стать самым суровым испытанием всей ее жизни. Дорога через лес, кишаций Тенями, теперь показалась простой прогулкой.

От соблазнительной мысли, которая пронеслась в голове быстрее ветра – обратиться за помощью к Беатрис, – ей, скрепя сердце, пришлось отказаться. Чародейка нужна была Альгардесу. Риони не имела права просить Беатрис оставить все, бросить защищать жителей Калмаи, чтобы помочь ей забрать сердце Энцо.

«Это моя война».

– Но прежде, чем отправишься к Краю мира, ты должна отдать мне Энцо, – размеренно проговорила Госпожа Льдов.

– Что? Нет! Ни за что!

– А теперь остынь и послушай. – На красивом бледном лице не отразилось ни проблеска эмоций. Оно казалось высеченным из льда, и прозрачные глаза только усиливали это впечатление. – Тебе все равно придется его оставить – сейчас Энцо тебе не помощник. Наоборот, помощь нужна ему.

– Энцо сейчас с целителем, – упрямо сказала Риони.

Госпожа Льдов ответила холодной усмешкой.

– И что сделает твой целитель? Как он сможет противостоять тьме Теней? Тьме, что медленно убивает Энцо изнутри?

Риони вспомнила его растерянный, испуганный взгляд и вздохнула. Госпожа Льдов была права – ничем.

– Я снова заморожу разрушающую его тьму. У нее не останется шанса.

Ревность горчила. Риони не хотела возвращать Энцо туда, где он провел все эти недели... без нее. Но она не могла позволить чувствам взять вверх над разумом. Не могла позволить Энцо умереть.

Риони привела любимого в ледяную башню. Поцеловала холодные губы, до последнего надеясь увидеть в родных до боли глазах узнавание. Не увидела, и что-то внутри нее заледенело тоже.

Стало еще холодней, когда Госпожа Льдов спустила с поводка своих невидимых слуг. Риони чувствовала – ощущала кожей – как они вьются вокруг нее.

Покидая башню, она бросила прощальный взгляд на Энцо. Слезы обожгли глаза, отозвавшись ноющей тоской в сердце.

Она снова его потеряла.

- Но ведь так было нужно?

Судорожный вздох помог прогнать слезы.

- Да, Соня, так было правильно. Иногда... – Слова кололи губы.

- Иногда нужно уметь отпускать.

Глава четырнадцатая. Огонь в ее сердце

Соне с каждым днем становилось все хуже. Она совсем лишилась сил. Много спала, почти ничего не ела. Все время мерзла, даже укрытая двумя одеялами. Спящий в берлоге медвежонок в ожидании весны...

Я который день пропускала школу, сославшись на простуду – получила справку от сердобольного врача, который прекрасно знал нашу семью. У мамы даже не было сил, чтобы ругаться. Она ходила по дому бледной тенью. Дедушка почти перестал выбираться в город, и почти все время проводил в комнате внучки. На какое-то время мы будто бы переселились туда – наверное, не было и часа, чтобы кто-то из нас не находился в спальне Сони.

Поначалу я боялась, что мы задушим ее своей заботой. Но потом поняла: заботы не бывает слишком много, если ее дарят нужные люди.

Я никак не могла заставить себя писать. Садилась перед ноутбуком с открытым файлом, и закрывала его час спустя, не написав ни строчки. Я знала, как хочу закончить эту историю, но все слова казались искусственными, фальшивыми, пустыми. Да и мне, в общем-то, совсем не хотелось писать, когда моя сестра умирала. Когда в голове все еще звучали ее слова: «Как ты найдешь меня в другом мире?».

Пришедшая в голову мысль заставила меня сорваться с места. Ничего никому не объяснив, я вылетела на улицу.

Претворить мою идею в жизнь оказалось делом долгим и хлопотным, и домой я вернулась уже поздно вечером. С таинственным видом зашла в комнату Сони, зная, что она не спит. Так и было – дедушка читал ей книгу.

– Пойду заварю моим внучкам чай, – сказал он, улыбнувшись.

Я поцеловала его в щеку – просто так, потому что хотела... и могла. Когда дедушка ушел, повернулась к Соне.

– Изменяешь моим историям? – рассмеялась я.

– Нет, твоя самая лучшая. Но ее придется долго ждать, – пожурила сестренка.

– Прости, медвежонок. Пишу я медленно, это правда. Может, потому, что до конца осталось совсем немного. – Я куснула язык, кляня себя за двусмысленную оплошность. – История подходит к концу.

– Да, я знаю, – тихо сказала Соня.

Мне стало не по себе – от того, что я не знала, о чем именно она говорила. Переборов себя, я улынулась.

– У меня есть для тебя маленький подарок.

Я расстегнула на груди ее любимую пижамку, и приложила к коже – желтоватой, не скрывающей под собой паутинки вен – переводную татуировку с изображением феникса. Соня ахнула.

- Еле нашла, - призналась я. - Фениксы, я считаю, незаслуженно забыты.

Сестренка важно кивнула. Я проделала все необходимые манипуляции: смочила татуировку водой, немного подождала и осторожно отклеила пленку. Прекрасный феникс распустил огненные крылья прямо над сердцем Сони.

Она в восторге захлопала в ладоши, но главный сюрприз ждал ее впереди.

Я расстегнула блузку. Поморщившись, отклеила бинт, гордо демонстрируя самую что ни на есть настоящую татуировку с изображением феникса - в том же самом месте, на груди, над самым сердцем.

- Мама тебя убьет, - прошептала Соня, глядя на тату расширенными от ужаса и восторга глазами.

- Убьет, - согласилась я. - Но это неважно.

- Больно было? - с тревогой спросила она.

Меня захлестнула волна нежности. Моя милая сестра, постоянно страдающая от боли, спрашивала, не больно ли мне.

- Немного, но это тоже неважно. Важно то, что теперь мы связаны навеки. А значит, где бы ты ни была, я всегда тебя найду. И даже если твой символ сотрется, он навсегда останется в твоей душе. Потому что ты, Соня, не обычная девочка и даже не саламандра. Ты феникс. И ты всегда будешь в моей душе, в моей памяти и в моем сердце.

Соня порывисто меня обняла - поразительно крепкие объятия для больной девчушки. Я попыталась не расплакаться.

Попытка не удалась.

Поцеловав сестру, я вернулась к себе. И писала, писала, писала. Когда я вернулась к Соне, она лежала совсем тихо, без единого движения.

- Это последняя глава?

- Последняя, - прошептала я, сглатывая слезы.

Вдруг подумала: а что, если моя история будет длиться вечно? Быть может, тогда то, что должно произойти, не произойдет? Если я не закончу свой рассказ, быть может, и жизнь Сони не закончится? У нас будет тысяча и одна ночь... и еще несколько тысяч - нужно только отдалить, отсрочить финал.

Но... нет. Невозможно. И нечестно по отношению к Соне. Она ждала эту историю, история и появилась только благодаря ей. Соня должна узнать, какой финал ожидает юную саламандру...

И, дождавшись, когда ледяной ком в горле растает, я начала читать.

Войти в Тьму за Краем мира, опоясывающим плоский, как монета, Альгардес, можно было из любой точки Стены. Однако Риони конечной точкой путешествия по миру живых выбрала... Шалу. Не для того чтобы пережить весь этот ужас и боль потери снова. Для того чтобы напомнить себе, ради чего она сражается с Тенями.

Ненависть однажды пробудила в ней дар саламандры. Риони знала, что она поможет и сейчас. Ей нужна была решимость, чтобы, как в омут с головой, броситься туда, куда ни один разумный человек войти бы не осмелился. В черное непроглядное Ничто, где, по слухам - а что еще оставалось живым, как не гадать о мире мертвых? - не было даже искры света, разбавляющей чернильную мглу. И, будто бы этого было мало, эта чернота кишела Тенями. Темными, искаженными отражениями человеческих душ, однажды покинувших тела-сосуды.

Переступая черту, за которой начиналось Ничто, Риони знала, что в мир живых может не вернуться.

Риони запретила себе бояться, и все равно испытывала страх. А как иначе, когда вокруг – мир бестелесных слуг королевы Осень, неведомых тварей и неуспокоенных душ?

Боясь встретиться взглядом со злом, что никогда не дремлет, Риони шла с закрытыми глазами. Ведомая ветрами, она то бежала вперед, то замедляла шаг или вовсе начинала петлять. Подозревала, что слуги Госпожи Льдов пытаются провести ее мимо блуждающих по Ничто Теней, и от этих мыслей бросало в дрожь.

Невероятно... Слушая рассказы о Госпоже Льдов и ее ветрах, похищающих человеческое тепло, Риони и подумать не могла, что однажды они встанут на ее сторону. Огонь и лед... Они должны были стать врагами. А стали союзницами.

Риони не слышала Теней, но ощущала их присутствие. И это пугало. Невидимое, неосязаемое зло еще страшнее.

К счастью, и они не могли слышать ее шагов. Но как только в ее руках окажется сердце Энцо... Сама мысль о том, что Риони предстояло совершить, повергала ее в ужас.

Шорох... Ледяное касание, отозвавшееся мурашками по коже... Страх, заколовший кончики пальцев...

«Я – саламандра. Огонь – мое оружие. Я – саламандра».

Зубы выбивали дрожь, но Риони упрямо повторяла слова как мантру. Однажды она уже уничтожила Теней. Если придется, сделает это снова.

Вслепую... На ощупь... Танец с ветрами в кромешной темноте.

Здесь, в Ничто, время – вязкое, словно черничный кисель – будто бы остановилось. Ни одного ориентира, который позволил

бы понять, как долго уже Риони блуждает по черному безвременью, и как далеко успела уйти от Края мира.

В ее душе, как в калейдоскопе, смешалось столько чувств – и страх, и волнение, и даже некое предвкушение. Риони ждала часа, когда сможет взять сердце Энцо в руки... и боялась его. Потому что потом все изменится. Тени увидят ее. Северные ветры – ненадежные союзники, а значит, Риони могла полагаться только на свой дар... но и границ своих возможностей не знала.

Одно дело – практика под надзором сильной чародейки. Или лес, где была лишь пара-тройка десятков Теней, которых уничтожила огненная ярость саламандры. И совсем другое – Ничто, обиталище слуг королевы Осень.

Все было так запутанно и так странно, что Риони даже не могла толком понять: хочет ли она скорее увидеть Башню Сердец или мысленно оттягивает этот момент?

Как бы то ни было, это время настало.

Риони не почувствовала перемен, пока ведущие ее под руки северные ветры не остановились. Облепили тело, из-за чего она начала дрожать. А затем... разлетелись в разные стороны – видимо, ее пропуская.

Риони открыла глаза и... ничего не увидела. Неудивительно – черную кошку в черной комнате разглядеть так же трудно, как и тeneвую Башню Сердец в тeneвом безвременье, больше похожем на дно самой глубокой в мире пропасти.

Выдохнула. «Ты в безопасности, – твердила она себе. – Пока в безопасности». И все же непросто было зажечь огонь на ладони – не оружие, просто, подобный факелу, источник света. Нелегко решиться и перестать быть невидимкой, выдать себя, даже зная, что Тени неспособны видеть, пока не заглянешь в их жуткие глаза-вспышки.

С пламенем в руке Риони смогла разглядеть башню – широкую и уходящую высоко вверх. Стены из призрачной теневой материи колыхались – совсем как тела самих Теней. Башня Сердце была вылеплена из самой плоти Ничто. Первое, что Риони увидела, войдя внутрь через арку – крутую спиралевидную лестницу и... небольшие, с пол-ладони, квадратные проемы в стенах. Первое, что услышала – десятки, сотни сердцебиений, слитых в единый рваный ритм.

Зыбкие на первый взгляд ступени надежно удерживали Риони, пока она поднималась все выше и выше. Пока скользила рукой, в которой не было огня, по стенам. Пока, замирая, смотрела на прячущиеся в нишах сердца. Они бились... бились в унисон с тьмой, стараниями Теней и сами ставшие ее частью.

Воспоминания... Они обрушились на Риони лавиной, и не отпускали. Не ее, чужие.

Она видела целые истории жизни – от рождения и до того рокового дня, когда порождения Ничто вынули из груди будущего Слуги Теней сердце. И после сотни пройденных ступеней, после сотен прожитых жизней, Риони нашла... его.

Так странно смотреть на себя со стороны, видеть себя его глазами. Энцо будто ею... любовался. Едва заметной родинкой у уха, выбившейся из прически прядкой, худощавой фигуркой, морщинкой меж бровей, которая появлялась всякий раз, когда она хмурилась, улыбкой...

Он любил ее. Он действительно ее любил.

Глазами Энцо Риони видела разрушенную Шалу, почти спаленную дотла. Видела, как в тот роковой день его окружают Тени. Не видела, к счастью, как они вынимают его, еще горячее, сердце из груди. Как только Тень протянула к Энцо свою призрачную руку, наступила темнота.

Риони поняла, что уже несколько минут стоит на ступени, переживая украденные воспоминания. Она протянула руку – совсем как та самая Тень, Тень-Покровитель Энцо, и вынула из ниши его сердце в темной огранке из янтаря. Опутанное паутиной Тьмы, оно поддавалось не сразу. Как только сердце Энцо оказалось в ее ладони, оно перестало биться.

Замирая от ужаса, Риони начала спускаться.

Она уже слышала вой, доносящийся откуда-то из Ничто за пределами башни. И когда Риони преодолела арку и ступила на землю...

Они были там. Они видели ее. Они смотрели на нее алыми глазами-вспышками.

И их было слишком много.

«Глупая, глупая, как я могла подумать, что смогу их победить?»

И она побежала. Северные ветры толкали в спину стужей, будто подгоняя, атаковали Теней – те вдруг начинали волчком крутиться на месте. Но момент, когда стало ясно – больше некуда бежать – был неизбежен.

Пока ветра как невидимые цепные псы голодно бросались на Теней, а Риони призывала пламя, порождения Ничто окружили ее плотным кольцом, которое стягивалось все туже с каждым мгновением.

Яростно выкрикнув проклятие, Риони опалила огнем первую Тень. Глаза-вспышки погасли, и на одну алую искру в Ничто стало темнее. Вторая Тень последовала за первой, за ней – остальные. Риони резко присела и коснулась рукой земли, и та жадно впитала пламя с ее ладони. Мысленный призыв, ментальный толчок – и перед Риони выросла огненная стена. Не успевшие среагировать

Тени попались в ловушку... распались, рассыпались, растворились, став частью вечной темноты Ничто.

«Куда уходят души, когда умирают?» – вдруг подумалось ей.

Ликовать не хотелось. Путь закрыт. Силы кончались, огонь слабел. А на смену Теням, им сраженным, приходили новые.

Риони потеряла счет мгновениям и минутам. Знала лишь, что битва длилась слишком долго, чтобы у нее оставался хотя бы малейший шанс спастись. Обессиленная, она упала на колени.

«Они не могут отобрать у меня сердце. Умру не только я... без своих воспоминаний Энцо будет мертв тоже. Он будет дышать, будет видеть мир и будет частью этого мира, но... это не жизнь. Лишь блеклое ее подобие».

Ее мысли остались невысказанными, ее молитва к Иллирэ – неслышанной. Тени набросились на нее, чтобы растерзать на части. Риони кричала так громко, что не осталось больше сил. Кричать. Жить.

Такая ирония... Она умирала в мире мертвых.

А потом была темнота.

А потом темнота стала светом.

Ни боли.

Ни ужаса.

Ни сожалений.

«Смерть... Она ведь совсем не страшная» – первая мысль, ставшая частью ее нового мира. «Смерть – это только начало» – вторая, заставившая ее открыть глаза.

Мир не изменился – все та же башня, все те же Тени. Изменилась она сама. Огонь в ее сердце стал еще сильнее, и это было похоже на взрыв, на пробуждение вулкана.

А за спиной распустились два огромных огненных крыла.

В одно мгновение они разогнали тьму Ничто за Краем мира. Тени отшатнулись от Риони как от прокаженной. Они боялись ее огня. Он их ранил. Он поглощал их тьму, разъедал призрачные тела, проделывая в них дыры.

Подавшись вперед, Риони закричала. Взметнула крыльями, взбивая воздух, источая жар. Горячая волна сбила с ног Теней. Те, что были совсем близко – умирали, те, кого они невольно защитили своими спинами – корчились от сжигающей изнутри боли.

Кольцо Теней вокруг нее разомкнулось. Риони понимала – бороться с ними в Ничто, в одиночку бессмысленно. Их слишком много... Она ринулась в образовавшуюся брешь, распуская крылья, бережно сжимая в ладонях сердце Энцо. Золотисто-алые перья падали вниз, превращаясь в искры.

Там, где она шла, умирали Тени.

- Она стала фениксом... - прошептала Соня, замороженно глядя на меня.

- Да, медвежонок. В ней всегда жила эта сила, просто Риони об этом не подозревала. Ни она, никто другой. Но если бы она сдалась тогда, если бы сбросилась с обрыва, если бы не приняла горькую правду, которая помогла ей выбраться из леса... Она бы фениксом не стала.

- Так значит, Риони всегда была особенной?

Я нежно улыбнулась Соне.

- Конечно. Потому что в ее сердце – пламя, в душе – свет и сострадание. И я не знаю никого сильнее ее... Хотя нет, знаю. Девочку по имени София Полянская, самую лучшую сестру на свете.

Соль на губах. И награда – ее улыбка.

- Не думала, что когда-нибудь увижу его снова, - глядя на Риони широко раскрытыми глазами, прошептала Госпожа Льдов. - Огонь феникса...

Она приблизилась - медленно и осторожно. Робко протянув руку к крыльям, коснулась пылающего пера, и тут же вскрикнула от боли.

- Твой огонь, вестник живущего в тебе света, пытается уничтожить мою тьму, - пораженно прошептала она.

- Прости, что сделала больно...

Госпожа Льдов лишь тряхнула головой и порывисто схватила Риони за руку. Обожгло холодом, кости заломило, кровь в жилах словно заиндевила.

- Коснись меня огнем, прошу! - Глаза хозяйки северных ветров лихорадочно блестели. - Убить меня ты не сможешь, ты лишь убьешь тьму, живущую во мне.

- Но... Тогда ты потеряешь свою магию.

Госпожа Льдов печально улыбнулась.

- Знаю, тебе - фениксу - в это сложно поверить, но для кого-то магия - не дар, а проклятие. Для кого-то стать самым обычным человеком на свете - заветная мечта.

Заглянув в прозрачные глаза, Риони все поняла. Кивнула и, бережно опустив отлитое в янтарь сердце Энцо на пол, пламенеющими ладонями обхватила лицо Госпожи Льдов. Алые змейки оплели пальцы, перебежали на кожу ледяной королевы, расцветивая ее узорами. Она вскрикнула, в глазах задрожали слезы.

- Не останавливайся, - прошептала Госпожа Льдов. - Уничтожь мою магию. Уничтожь то, что делает меня ледяной.

Риони не отнимала ладоней до тех пор, пока обжигающий холод не перестал колоть пальцы, пока на алебастровых щеках не затеплился робкий румянец, пока по прозрачной радужке глаз не растеклась синева.

Магия Госпожи Льдов бесследно исчезла.

- Ты меня исцелила... - Она запрокинула голову, глядя куда-то вверх. - Чувствуешь? Ветра уходят.

Риони и впрямь ощутила прохладное дуновение. Сжимая в руках запечатанное в янтаре сердце, она поднялась по лестнице. Нужно поторопиться - стены уже покрылись капельками воды. Обитель бывшей Госпожи Льдов таяла...

У заветной двери она на мгновение обернулась. Черноволосая почти-незнакомка в тонком белоснежном платье стояла посреди зала и восторженно наблюдала, как медленно рушится ее дом, как постепенно истончаются его стены. То трогала себя за потеплевшие плечи, то зябко ежилась - впервые в жизни ледяная королева ощущала холод.

Риони улыбнулась. Больше она не останется наедине со своим проклятьем.

Открыв дверь, она увидела его. Энцо лежал на кровати - глаза открыты и безучастно смотрят в стену. Риони села рядом, сильнее сжала сердце в ладони. Ее огонь расплавил янтарь, как воск. Боязно расстегнуть рубашку, страшно увидеть... что там, вместо сердца?

В зияющей в груди Энцо дыре клубилась черная пустота. Риони коснулась ее кончиком пальца и зашипела от боли - казалось, это и не пустота вовсе, а дымчатый яд. Но страх обжечься и изуродовать руки не помешал ей пойти до конца. Риони вложила сердце в грудь любимого, огненным светом залатала рану.

«Вернись ко мне, милый».

Ее улыбка поблекла. Что-то не так... Лицо Энцо превратилось в искаженную, покореженную маску, с губ сорвался крик.

- Больно, - прохрипел он. - Как же больно!

Риони похолодела. Теневая магия - черный яд Ничто - проник слишком глубоко. Чары Госпожи Льдов больше не защищали Энцо. И теперь, когда она вернула сердце, Тьма снова пыталась его погубить.

Риони обняла любимого огненными крыльями. Он кричал и бился, но она не отпускала. Сидела, беззвучно плача и шепча Иллирэ отчаянную молитву.

Еще один вздох, взмах промокших ресниц - и глаза Энцо открылись. И в них Риони увидела...

Все.

Радость и боль, шок и ярость. И любовь - такую сильную и невозможную, что щемило в груди.

- Риони... ты...

- Я жива. И я снова рядом.

- Твои крылья... они прекрасны. Ты прекрасна... мой феникс.

Обессиленный, он все равно ее целовал. Так долго и так отчаянно, что Риони, рассмеявшись, запросила пощады. С любовью смотрела на Энцо, зная, что еще долго им не надышится.

«Он вернулся ко мне. На этот раз он действительно вернулся».

Потерлась щекой об огрубевшую щеку, шепнула, обещая то ли ему, то ли себе самой: «Больше никто нас не разлучит». И только отстранившись, увидела на его руках пламя - там, где мгновением назад было выпавшее из ее крыла огненное перо.

- Мы сделаем это вдвоем... Мы будем сражаться вместе.

Плечом к плечу.

Риони перьями проложила путь к Башне Сердец. Люди наконец смогли войти в Ничто за Краем мира, не боясь заплутать во Тьме, и вернуться обратно, держа в ладонях сердца своих любимых.

Каждому встречному Риони дарила свое перо – искру света, вспышку пламени в кромешной темноте. Ее перья передавались из рук в руки, ее огнем по всему Альгардесу зажигали маяки. Они помогали воинам, чародеям и простым людям противостоять Теням.

Тени исчезали. Те, кого не удавалось победить, трусливо убегали за Край мира. Оттуда они не могли помочь королеве Осень – в Ничто им негде взять живительную силу, чтобы отдать ее своей госпоже.

Лишившись верных слуг, Осень ослабела. Сестрам-королевам удалось развеять ее чары и пробудить Иллирэ. Королева-мать, всеединая богиня Альгардеса, заточила предательницу в клетку, из которой ей не выбраться до скончания веков.

Риони не стала той, кто в одиночку спас целый мир. Она – лишь кусочек истории, лишь одна из многих, благодаря кому эта победа стала возможной.

*Тени подарили ей крылья. Она подарила людям надежду.
Алое небо вновь стало голубым.*

– У нее все получилось... – Голос Сони звучал едва слышно.

– Она – феникс. Как же иначе? – выдавила я улыбку.

– Эта сказка... Она искренняя. Настоящая. Горько-сладкая, понимаешь? Такой и должна быть хорошая история. Ди... Обещай мне, что напишешь еще десятки других. И обещай, что будешь грустить совсем недолго. Что сделаешь все, чего я не успела сделать.

- Обещаю.

Я уже не сдерживала слез. Быть может, я не такая сильная, как Риони. И уж точно не такая сильная, как Соня.

- Спасибо за историю, - прошептала она.

Я мотнула головой.

- Нет, это тебе спасибо. За то, что исцелила меня. За то, что заменила мое пустое сердце живым, настоящим, за то, что сделала меня живой. Ты разукрасила для меня этот мир, София.

Эту улыбку я запомнила навсегда. А спустя несколько часов поняла, что не слышу ее дыхания.

Я снова тонула. Снова чувствовала толщу воды, сомкнувшуюся над головой. Снова захлебывалась страхом. Задыхаясь от слез, я наклонилась к Соне, сжала ее холодную руку в своей и прошептала: «Я открою тебе вход. Как и обещала. Я проведу тебя туда, слышишь?»

Закрывает глаза, сильно-сильно зажмурилась. Потому что так неправильно. Нельзя. Потому что не могла отпустить... вот так.

Соня стояла на зеленом лугу, раскинув руки в сторону и подставляя лицо солнцу. Розовощекая, с круглыми щечками - какой была до болезни.

- Я же говорила тебе: ты - феникс, - прошептала я. - В тебе столько света... ему не место в вечной темноте.

Она повернулась ко мне с улыбкой на губах. С нежностью во взгляде - отражению моего собственного. Я протянула руку, коснулась руки сестры. Ладонка теплая - холод больше ее не мучил. Мой маленький феникс...

Призраки прошлого - голоса, смутно знакомые, но уже почти позабытые - шептали, звали, просили вернуться. Очнуться. «Уходите», - шепнула я. И они ушли. Остались только я и Соня... и целый мир у наших ног.

- Это значит, что я могу остаться с тобой? - с надеждой спросила я.

Я хотела остаться. Здесь, с ней - чтобы хоть ненадолго продлить то, что едва не упустила. Времени было так мало... Я хотела увидеть, как у Сони появится первый парень, как она поступит в колледж, а потом, несомненно, станет художницей, известной не только на весь N-ск, но и на всю страну.

- Ди, пожалуйста... Ты нужна маме и бабушке. У них больше никого не осталось.

- Соня...

- Мы еще увидимся, слышишь? - Глаза олененка и грустная улыбка на губах. - Я буду ждать. Но, пожалуйста, отпусти меня.

Как бы ни было больно, но я прошептала:

- Отпускаю...

Голоса снова ворвались в мое сознание, сменяя мир, где мы были вдвоем, как фольгу. Стирая Соню из моей жизни.

Но не навсегда.

Эпилог

Не знаю, сколько я просидела, держа за руку Соню уже после того, как смерть украдала ее дыхание. Наверное, долго. Бабушка говорил, что они с мамой никак не могли до меня не могли достучаться - я не реагировала, сидела, не шелохнувшись, широко открытыми глазами глядя в пустоту. Они называли это шоком, мама мое видение - попыткой спастись от боли. Я же

верила, что Соня жива, и ждет меня где-то там – в Альгардесе, в ином мире, в ее личном, собственноручно сотворенном рае – не важно.

Той же ночью я нашла под подушкой последний рисунок Сони. Нет, это был не феникс. На рисунке резкими карандашными линиями была изображена серая, безликая толпа. А среди них – раскрашенная акварелью девушка с короткими волосами, в летящем синем платье, с нежно-розовым блеском на губах. Девушка с огнем на уровне сердца, которое просвечивалось сквозь легкое платье. Я.

Начать новую жизнь без родного человека – будто заново собирать разбитую душу по осколкам. Как ни складывай пазл, одного кусочка всегда недостает. Там пустота. Открытая кровоточащая рана. Время лечит, говорят, время зарубцует раны. Но каждый раз, заглядывая в свою душу, ты будешь видеть эту пустоту.

Я не стала поступать на адвоката, вызвав одобрение бабушки и неодобрение мамы. Прости, мама, но счет 2:1 и не в твою пользу – будь Соня здесь, она бы всецело одобрила мое решение. Ей пришлось примириться – я была на редкость упряма, но эта была не единственная моя – наша с Соней – победа. Мы с мамой сделали первые шаги друг другу навстречу. Мы учились быть настоящими матерью и дочерью, и я знала, что, рано или поздно, но у нас все получится. Научилась же я быть сестрой и подругой для своей самой лучшей в мире младшей сестры. Пусть слишком поздно, за что никогда себя, наверное, не прощу... но научилась.

Мне было мало избитой фразы «человек жив, пока жива память о нем». Я хотела, чтобы о Соне знали и помнили другие. Никаких обещаний. Никаких предсмертных клятв. Истина проста: она этого заслуживала.

И сегодня вечером я наконец получила долгожданную посылку. Руки тряслись от волнения, когда я разворачивала хрустящую бумагу. Я взвизгнула от радости и на мгновение прижала к груди книгу. Поднесла к льющемуся из окна свету – чтобы рассмотреть каждую деталь. Закусила губу, чтобы не расплакаться, когда подушечки пальцев коснулись тисненого золотом переплета.

«Соня и Ди. Феникс».

Все-таки расплакалась, когда перелистывала по-особенному пахнущие страницы, когда, не удержавшись, гладила ее рисунки: огненноволосую Риони, величественную Госпожу Льдов, Энцо с тьмой вместо сердца и пустотой в глазах, живого Энцо, влюбленно глядящего на Риони, украденного из ее воспоминаний и снов. Борьба света с тьмой в разных воплощениях, но с неизменным – и единственно верным – исходом.

Ты помогла мне сотворить этот мир, София. И помни – однажды я найду тебя.

Когда я стану ветром.